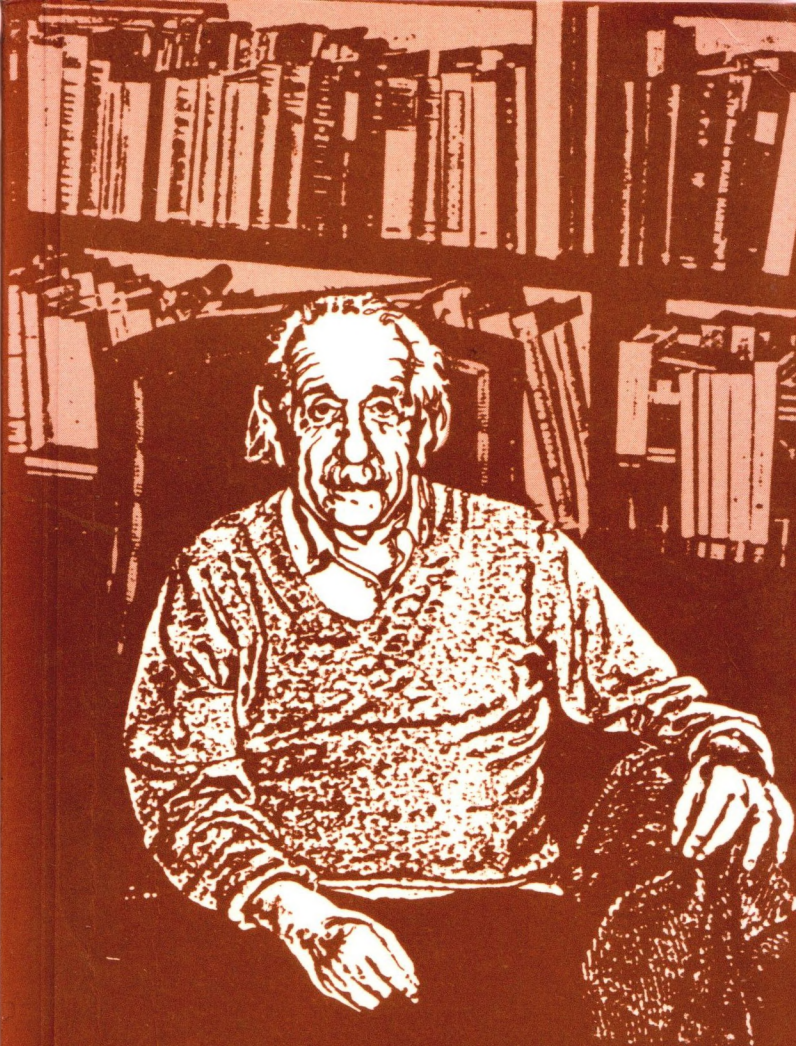

А.ЭЙНШТЕЙН
О СИОНИЗМЕ

А.Эйнштейн О СИОНИЗМЕ

Альберт Эйнштейн
О СИОНИЗМЕ

עיריית חיפה
מערבית תרבות המנאי
הרבה יחד נות לפעלים
בית הילדים - טבריה
מט. מלאי.....

787

Альберт Эйнштейн

О СИОНИЗМЕ

речи, письма, статьи

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1991

אלברט איינשטיין
— על הציונות —
נאומים ומכתבים

Albert Einstein
**About Zionism —
Speeches and Letters**

Перевод с английского *Ю. Миллер*
Редактор *А. Разгон*
Обложка *Т. Корнфельд*

ISBN 965-320-192-1

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה

ת.ד. 4140 ירושלים

יצא לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
ואירגון הג'וינט העולמי, ניו-יורק

Supported by The Society for
Research on Jewish
Communities, Jerusalem, and
The American Jewish Joint
Distribution Committee,
New-York

Typesetting, plates and printing by **PRISMA-PRESS**,
Jerusalem

Printed in Israel

OCR Давид Титиевский. октябрь 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

Альберт Эйнштейн. Проф. И.Гафни	7
Введение. Леон Симон	11
Диаспора европейского еврейства	23
Не забудем	25
Неопубликованное предисловие к "Черной книге"	26
Цель человеческого существования	28
Наш долг сионизму	29
Героям восстания в Варшавском гетто	32
Перед памятником евреям, павшим в Варшавском гетто	33
Призвание евреев	35
Моше Маймонид	36
Стивен Вайз	37
Иерусалимскому университету	38
Американский совет по иудаизму	39
Евреи Израиля	39
Палестинские беды	42
Точка зрения профессора Альберта Эйнштейна на сионистское движение	49
Ассимиляция и национализм	52
Евреи и Палестина	63
Еврей и араб	68
Евреи и арабы в Палестине	71

За что они ненавидят евреев?	101
Размышления об Эйнштейне. <i>Исайя Берлин</i>	111
Примечания	129
Приложение. Отрывки из книги Ф. Гернека "Альберт Эйнштейн. Жизнь во имя истины, гуманизма и мира"	141

Альберт Эйнштейн

Имя Альберта Эйнштейна (1879—1955) хорошо известно каждому. Знаменитый физик, создатель теории относительности, он был награжден в 1921 г. Нобелевской премией, а его вклад в науку сравнивают с открытиями Галилея и Ньютона.

Эйнштейн родился в городе Ульм в Германии и получил образование в Швейцарии, в Цюрихском политехническом институте (1896—1900). (Впоследствии Эйнштейн получил швейцарское гражданство, а Цюрихский университет, где он работал с 1909 г., присвоил ему степень доктора наук.)

Два года спустя Эйнштейн был назначен профессором Немецкого университета в Праге, но позднее возвратился в Цюрих. В 1914 г. он стал членом берлинской Королевской академии наук Пруссии, которая предоставила ему стипендию с тем, чтобы он мог посвятить все свое время научным исследованиям. Когда в 1933 г. к власти пришел Гитлер, Эйнштейн подал в отставку и навсегда покинул Германию. Он принял предложенную ему Принстонским институтом (США) профессорскую кафедру, которую занимал вплоть до своей смерти.

Тема данной книги — еврейский аспект в жизни и творчестве Эйнштейна. Великий ученый отдавал себе отчет в том, сколь значительную роль сыграло еврейское наследие в его формировании. Он много писал по вопросам иудаизма, считая, что именно еврейская традиция зародила в нем стремление к правде, справедливости и свободе; по мнению Эйнштейна, еврейский народ был призван приобщить к

этим идеалам остальное человечество.

Во время своего пребывания в Праге (1912 г.) Эйнштейн впервые ознакомился с сионизмом. Впоследствии он стал близким другом Хаима Вейцмана. Они были глубоко привязаны друг к другу, несмотря на различный подход к решению еврейской проблемы. Вейцман считал Эйнштейна оторванным от практической жизни идеалистом, Эйнштейн же шутливо называл Вейцмана "великим реальным политиком" (realpolitiker).

Эйнштейн придерживался пацифистских убеждений, но во время Второй мировой войны он осознал необходимость силой сопротивляться тирании (его вклад в создание атомной бомбы и разработки в области использования ядерной энергии хорошо известны, но не следует забывать, что Эйнштейн неизменно возражал против применения атомной бомбы).

Эйнштейн с особым интересом отнесся к созданию и развитию Еврейского университета в Иерусалиме и с самого его основания являлся членом попечительского совета университета. Именно в связи с планами создания Еврейского университета Эйнштейн впервые приехал в США вместе с Хаимом Вейцманом. Имя Эйнштейна носит физический факультет Еврейского университета; в этом университете хранится и рукопись знаменитого труда Эйнштейна по теории относительности.

Эйнштейн активно поддерживал создание Еврейского национального очага в Палестине; в 1946 г., выступая перед англо-американской комиссией по изучению положения в Палестине, он высказался за создание государства Израиль. После кончины первого президента Израиля Хаима Вейцмана Давид Бен-Гурион предложил Эйнштейну выдвинуть свою кандидатуру на этот пост. Эйнштейн отклонил предложение, заявив, что он "очень тронут, но не считает себя подходящим для такого поста".

О преданности Эйнштейна еврейскому государству

свидетельствует тот факт, что, отправляясь в больницу, из которой он уже не вышел, Эйнштейн взял с собой заметки, которые собирался использовать при подготовке телевизионного выступления по случаю 7-й годовщины со дня провозглашения независимости Израиля — выступление это, увы, так и не состоялось.

В этой книге собраны статьи, речи и письма Эйнштейна, посвященные вопросам иудаизма, сионизма и другой еврейской проблематике. Книгу завершает блестящее эссе об Эйнштейне известного английского философа сэра Исайи Берлина.

В заключение хочется привести высказывание Эйнштейна, свидетельствующее о том, что для него стремление к знанию и справедливости было неразрывно связано с духовными традициями еврейского народа: "Стремление к знанию ради самого знания, любовь к справедливости, граничащая с фанатизмом, и тяга к личной независимости — таковы духовные традиции еврейского народа, заставляющие меня рассматривать свою принадлежность к нему как подарок судьбы. Те, кто в наше время обрушились на идеалы разума и личной свободы и пытаются грубой силой ввергнуть человечество в состояние бездушного рабства, справедливо видят в нас своих непримиримых противников. История навязала нам жестокую борьбу. Но пока мы будем преданно служить правде, справедливости и свободе, мы не только останемся старейшим из всех существующих на земле народов, но будем по-прежнему создавать в своем творчестве ценности, помогающие облагородить человечество".

Проф. И. Гафни

Введение Леона Симона к сборнику "О сионизме. Речи и письма профессора Альберта Эйнштейна"

Существуют два основных подхода к сионизму. Один проложен теми евреями, которым приходится страдать из-за своего еврейства, другой — значительно меньшим числом евреев, которым их происхождение не доставляет никаких неудобств. В первом случае сионизм означает исход еврейских масс из мест, где они явно нежелательны, в ту страну, которую они могли бы назвать своей собственной; во втором случае сионизм означает воссоздание в Палестине еврейского образа жизни, который рассматривался бы всеми евреями как воплощение их собственных специфических взглядов и идеалов. Тем самым это ослабило бы тенденцию к утрачиванию своей национальной самобытности при отсутствии дискриминации извне.

Из этих двух концепций сионизма первая, несомненно, более привлекательна. Действительно, массы евреев вынуждены страдать только за "преступление" быть евреями. Это настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах. В некоторых странах ограничения евреев в правах зашли настолько далеко, что даже закреплены в законодательстве. Горький опыт вынуждает скептически отнестись ко всеобщей эмансипации, которая, как предполагалось, станет долгожданной панацеей от еврейских бедствий. Прежде всего, государства, в которых живет много евреев, далеко не горят желанием предоставить им равные с прочими права; во-вторых, даже если бы такое

равенство и было предоставлено, неприязнь к евреям зачастую ярко выражена и они не могут чувствовать себя спокойно или хотя бы сносно. Поэтому с точки зрения еврея, желающего видеть свой народ в лучшем положении, чем он был на протяжении веков, есть нечто очень привлекательное в проекте искоренения еврейских бед путем переселения жертв антисемитизма в их собственную страну.

В сравнении с этой замечательной по своей простоте и вразумительности идеей вторая концепция сионизма представляется нереальной, если попросту не отвлеченной. Проблема такого рода далеко не сразу осознается обычными людьми. Отнюдь не нужно обладать исключительными умственными способностями или воображением, чтобы представить себе незавидное положение еврейских масс или понять, как важно переселить их в безопасное убежище. Труднее осознать, что с точки зрения выживания еврейской нации эмансипированный еврей — это явление тревожное, что само устранение в той или иной стране политических и экономических ограничений для евреев создает условия более неблагоприятные, чем преследования евреев за их еврейство, что рассеяние древнего народа, сопровождаемое разрушением одной из величайших мировых культур, трагичнее даже непосредственных страданий еврейских масс и что первостепенная задача — это создание безопасного убежища для еврейского духа.

Приведенная здесь аргументация переносит нас в область абстрактных и метафизических теорий, малоинтересную для простых людей. Она предполагает, что подлинная сущность народа проявляется в специфическом "духе", отличающем его от всех прочих народов, и что народ жив ровно до тех пор, пока может свободно воплощать свой дух в разнообразных формах национальной деятельности. В этом случае народ рассматривается как нечто большее, чем простая совокупность индивидуумов, взятая в

тот или иной момент; он выступает как личность — со своей душой, своей жизнью, своей историей; его процветание измеряется не материальным благосостоянием или политической свободой отдельных лиц. Ныне у еврейского народа нет условий для плодотворного самовыражения его национальной личности. Спасение народа видится в том, чтобы дать ему возможность еще одной попытки самовыражения — естественно, на той единственной земле, которую этот народ может с полным правом назвать своей собственной*. Этот тип сионизма часто именуют "духовным сионизмом"¹**. Он менее примитивен и более радикален, чем направление, известное как "политический сионизм"². Его можно защищать с философских позиций, а также, несмотря на явную абстрактность, с чисто практической точки зрения, однако о нем нельзя вещать трубным гласом, созывая миллионы под штандарты.

Поэтому сионизм и не стал массовым народным движением вплоть до 1895 года, когда Теодор Герцль³ опубликовал свое "Еврейское государство". Герцль выдвинул великолепную и привлекательную идею отыскать незаселенные или малоосвоенные территории и предоставить их как автономное пристанище тем евреям, которые не могут или не хотят ассимилироваться в среде окружающих их народов. Герцль сделал гораздо больше, чем просто предложил идею: остаток своей короткой и обремененной заботами жизни он провел в трудах по воплощению этой идеи в реальность. Он создал Всемирную сионистскую организацию, основал Еврейский колониальный банк, заложив финансовую основу для международной деятельности сионистов, а также Еврейский Национальный Фонд⁴ для приобретения земли

*Статья написана в 1930 г. (Прим. ред.).

**Примечания, отмеченные цифрами, смотри в конце книги.

в Палестине. Он заронил в еврейские массы надежду и зажег их воображение, долгие годы находившееся в дреме.

Но его вполне реалистическому плану не было суждено осуществиться. Не нашлось такой страны, которая могла бы превратиться в еврейское государство. Единственной землей, о которой евреи хотели думать как о своей, была Палестина. Как отдельные личности они вполне были способны переселиться из Восточной Европы в другие государства и там уже приспособиться к сложившимся национальным структурам; однако свой национальный очаг они жаждали обрести в Палестине и только в Палестине.

Однако Палестина не подходила для быстрого и массового заселения. Но даже если бы она и была таким местом, в ту пору не существовало ни соответствующих политических условий, ни финансовых средств. Если бы Всемирная сионистская организация делала упор только на массовое переселение и на создание независимого государства (что было краеугольными камнями первоначальной концепции Герцля), она не просуществовала бы и десятка лет. На самом деле было нечто большее, нежели грандиозная, но неосуществимая мечта. Хотя в сознании широких масс "духовный сионизм" не был чем-то чрезвычайно захватывающим, он тем не менее был способен в нужный час указать нужную цель. Нет, официально Всемирная сионистская организация не приняла философию "духовного сионизма" как свою доктрину. Ее программа, фразеология, устремления остались неизменными. Однако, не греша против истины, следует признать, что она смирилась с весьма мелкомасштабной работой на ниве развития Палестины. Расселение нескольких тысяч евреев на палестинской земле, развитие еврейской промышленности в основных городах, создание еврейских школ — эти и другие действия демонстрировали неослабевающую способность евреев построить в новых

условиях самобытную жизнь. Однако все это имело весьма далекое отношение к мечте о безопасном убежище для угнетенных еврейских масс. И все же практика питала теорию живительными соками. Сионисты начали признавать, что возникновение в Палестине небольшого ядра еврейского народа с его собственным языком, культурой и процветающей экономикой имеет самостоятельную общеврейскую ценность. А коль скоро Палестина продолжала оставаться в руках турок, вопрос о политическом будущем этого ядра приобрел практическое значение.

Декларация Бальфура 1917 года⁵ и получение Великобританией мандата на управление Палестиной изменили ситуацию двояким образом. Установление прогрессивной и дружественно настроенной власти сняло многие препятствия, которые до Первой мировой войны сдерживали развитие еврейской Палестины. Сионисты немедленно воспользовались этими возможностями. Разумеется, им приходилось учитывать, что еврейский народ пострадал от послевоенного обнищания и упадка ничуть не менее других народов. За последние десять — двенадцать лет еврейское население Палестины более чем удвоилось и достигло численности примерно 160 тысяч человек, что составляет около одной пятой всего населения. Евреи ввели в обиход современные методы промышленного и сельскохозяйственного производства, осушили болота и освоили заброшенные земли, повели успешную борьбу с заболеваниями почвы и внесли огромный вклад в повышение общего уровня здравоохранения и благосостояния. Украшением созданной ими стройной системы народного образования стал Еврейский университет, возродился древний иврит и стал разговорным языком.

Эти достижения в определенной мере обладают мировой ценностью; они схожи с возвращением к жизни давным-давно заброшенных земель. Они в высшей степени важны для евреев диаспоры. Во-

первых, тысячам евреев Восточной Европы будет обеспечен более здоровый образ жизни. Во-вторых, такое последовательное развитие созидательных способностей заставит народ, который недоброжелательное окружение приучило рассматривать себя как народ паразитирующий, посмотреть на себя иными глазами. Под гнетом преследований и в вихре заманчивых предложений об эмансипации этот народ забыл свое великое этическое и интеллектуальное наследие. Не менее заметным результатом сионистской деятельности в Палестине стало общее укрепление духовного родства евреев мира, воплотившееся в союзе между сионистами и несионистами, название которому — Еврейское Агентство⁶.

Декларация Бальфура и мандат изменили ситуацию в корне. На первый план вышел вопрос о политическом статусе еврейской общины в самой Палестине и о ее будущем. Декларация предусматривает "создание в Палестине национального очага еврейского народа". В ней ничего не сказано о статусе евреев Палестины, которые ныне являются (и, судя по всему, это положение сохранится) не более, чем меньшей частью еврейского народа — того самого народа, которому обещан национальный очаг. При этом и те, кто провозглашал эту Декларацию, и те, кому она адресовалась, совершенно однозначно понимали, что в ней закреплён национальный статус той части еврейского народа, которая находится или будет находиться на территории, именуемой национальным очагом. Нет сомнений, что мандат — это попытка воплотить Декларацию в жизнь. И в первую очередь — признать евреев Палестины одной из национальных групп этой страны (наиболее ярко это проявилось в том, что иврит получил статус одного из официальных языков Палестины). Другими словами, Декларация провозглашает, что Палестина не является арабской страной (как, похоже, кое-кто до сих пор думает), в которую евреев можно допустить,

а можно и не пускать. Это земля, с которой еврей как таковой имеет особые связи; это в известном смысле еврейская земля. Но что это означает на практике? Существует ли замысел превратить Палестину в чисто еврейскую страну? Тогда лишь ее еврейские обитатели будут решать судьбу этого края (точно так же, как судьбы любой иной страны — в руках у ее жителей); всем же прочим достанутся лишь те права, которые евреи согласятся им предоставить? Если такой подход немыслим, пока евреи составляют меньшинство, то станет ли он возможен, когда они составят большую часть населения страны?

Справедливость и здравый смысл подсказывают отрицательный ответ на оба эти вопроса. Две национальные группы — еврейская и арабская, чья принадлежность к Палестине бесспорна, должны развиваться бок о бок на основе политического равенства. Не должны возникать ситуации, когда бы еврей господствовал над арабом или когда бы араб запрещал еврею въезд в страну. Фактор большинства или меньшинства ни сейчас, ни в будущем не должен влиять на принцип национального равенства. Однако ничего подобного нет в Декларации Бальфура. Но даже если бы эти положения и были оговорены, никто не может гарантировать, что арабы Палестины воспримут эту точку зрения как разумную. Ибо, пусть это и звучит парадоксально, признание национальных чаяний еврейского народа немедленно вызвало к жизни рост национализма среди палестинских арабов, до той поры он вряд ли существовал. Глашатаи этого национализма не желают признать требования евреев хотя бы на равные права в этой стране. Естественно, они стремятся убедить самих себя и весь мир, что евреи хотят не равноправия, а главенствующего положения. Эта идея категорически противоречит официальным сионистским заявлениям. Но сейчас она вновь получила хождение из-за несдержанности наименее ответственных си-

онистов, приобрела заметный резонанс в атмосфере политической нестабильности.

Арабская непримиримость, естественно, не располагала евреев к активному сотрудничеству, которое и при самых удачных обстоятельствах было бы крайне затруднено. Мешало различие в культурных уровнях, евреи к тому времени были еще недостаточно "палестинизированы", и им приходилось прилагать большие усилия для защиты своих позиций в этой стране. В результате две национальные группы остались в прямом смысле слова слишком далеки от взаимного доверия. Вероятно, арабские политики поначалу искренно опасались мнимых сионистских амбиций. Поэтому без малейших усилий они смогли неоднократно воспламенять страсти толпы. Прискорбный взрыв насилия в августе 1929 года⁷, можно сказать, довершил дело. Он, конечно, не подействовал на решимость евреев как в Палестине, так и за ее пределами продолжить начатый ранее созидательный труд. Но при этом стало ясно, насколько желательны активные шаги для достижения взаимопонимания между двумя народами. Нельзя уповать на время, которое все образует, и нечего полагать, что навести мосты удастся постепенным просвещением масс. Незаметно, чтобы арабская сторона повернула к более конструктивной политике, отказавшись от требования аннулировать Декларацию Бальфура. Налицо чисто негативное отношение. Однако едва ли оно сохранится долго. Правительство Великобритании ясно заявило о своем намерении воплотить в жизнь тезисы Декларации. И потому не следует терять надежду на решение, способное принести прочный мир.

Профессор Альберт Эйнштейн, чьи выступления и письма по проблемам сионизма и смежным вопросам собраны в этом томе, гораздо более известен всему миру как физик, нежели как сионист. Однако вот уже много лет он многократно проявлял как

обостренный интерес к сионизму, так и глубокое понимание его основополагающих идей. Как случилось, что ассимилированный еврей примкнул к сионизму? Ученый осознал ту непомерно высокую цену, которую платят за благодеяния ассимиляции еврейские общины Запада (для него их олицетворением стали немецкие общины). Эта цена выражается в утрате единства, духовной независимости и самоуважения. С его точки зрения, все это можно вновь обрести только в том случае, если ассимилированные евреи поставят перед собой некую задачу общечеловеческой значимости, в достижение которой они и вложат объединенную еврейскую энергию. Такой задачей стало восстановление еврейской национальной жизни в Палестине, влекущее за собой возрождение страны и превращение ее в цветущий плодородный край. Обновленная Палестина предоставит убежище множеству угнетенных евреев, но это имеет второстепенное значение. Духовная свобода и моральное здоровье, которые евреи обретут благодаря беспредельной преданности идеалам — одновременно и еврейским, и общечеловеческим — вот что самое главное. Одновременно Палестина цивилизуется — туда проникнут как еврейская, так и мировая культура.

Еврейский национализм оправдан даже с точки зрения такого убежденного интернационалиста, каким проявил себя профессор Эйнштейн. Без этого качества выживание еврея не имеет смысла, даже если вообще это было бы возможно. Однако, само собой разумеется, в национализме профессора Эйнштейна нет места ни агрессивности, ни шовинизму. Господствующее положение еврея над арабом или укоренение взаимной враждебности между двумя народами означает для него крах сионизма. События августа 1929 года омрачили его надежды на возможные дружественные отношения между трудящимися евреями и арабами в Палестине; они поставили

под удар те выгоды, которые могло бы извлечь арабское население из освоения страны евреями. Однако они не поколебали его убежденности в том, что истинные цели сионизма могут быть достигнуты исключительно на пути мира и сотрудничества между евреями и арабами. В эту тяжелую пору он выделялся среди тех сионистов, кто рьяно отстаивал политику энергичных поисков мира. Но в наши дни большинство сионистов рассматривает защиту такой позиции как нечто экстравагантное и необдуманное. Тем самым профессор Эйнштейн подставил себя под огонь критики; вероятно, это было неизбежно.

Еврейский университет в Иерусалиме имеет отношение к той стороне сионистской деятельности, которая обладает в глазах профессора Эйнштейна наиболее притягательной силой. С самого начала он был активным членом Совета университета. Не менее энергично он участвует в создании прочной материальной основы для развития еврейской культуры в Палестине. Так, несколько лет назад он предпринял турне по Соединенным Штатам в пользу Керен ха-Иесод⁸. Такое сочетание научных и практических интересов в соединении с подкупающей искренностью и простотой общения снискали ему уважение и признание сионистов всего мира. Лес имени Эйнштейна в Палестине, быть может, является не меньшим памятником его славе, чем теория относительности⁹.

Этот сборник составляют отрывки из выступлений и писем профессора Эйнштейна приблизительно за последние десять лет. Стиль того или иного выступления или письма воспроизводился не буквально, а некоторые отрывки, представлявшие сиюминутный интерес, были опущены. Разрешения на перепечатку выступлений и писем были с готовностью предоставлены редакторами "Манчестер Гардиан", "Юдише Рундшау" (Берлин), "Нью Палестайн" (Нью-Йорк), "Джуиш Кроникл" (Лондон) и "Юдише Альманах"

(Прага), за что редактор сборника выражает свою искреннюю признательность.

Лондон,
сентябрь 1930 года

Л(еон) С(имон)

ДИАСПОРА ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

История преследований, которые выпали на долю еврейского народа, невероятна по своей протяженности. Тем не менее война, ведущаяся ныне против нас в Центральной Европе*, заслуживает того, чтобы ее внесли в особую категорию. В прошлом нас преследовали *вопреки* тому, что мы — народ Библии; ныне, однако, гонения обрушились именно *потому*, что мы — народ Библии. Зловещий замысел заключается в том, чтобы стереть с лица Земли не только нас самих, но и развеять вместе с нашим прахом заключенный в Библии и христианстве дух — основу цивилизации в Центральной и Северной Европе. Если эта цель будет достигнута, Европу ожидает участь безжизненной пустыни, ибо жизнь человеческого сообщества не способна сколько-нибудь долго зиждаться на грубой силе, жестокости и ненависти.

Только взаимопонимание, справедливость в отношениях и готовность помочь ближним могут придать стабильность человеческому обществу и гарантировать безопасность личности. Заменой этим основополагающим принципам не могут служить ни интеллект, ни созидательные способности, ни традиции.

Нынешние политические катаклизмы вырвали с корнем множество еврейских общин из европейской почвы. Сотни тысяч мужчин, женщин, детей выброшены из своих домов и принуждены в отчаянии

*Речь произнесена в 1939 году.

скитаться по дорогам планеты. Трагедия, которую переживает сегодня еврейский народ, — это трагедия вызова, брошенного современной цивилизации.

В результате преследований евреев и других групп населения возник класс беженцев. Многие выдающиеся деятели науки, искусства и литературы выброшены из тех стран, которым они отдали свои таланты. В пору экономического спада такие изгнанники способны оживить экономическую и культурную деятельность; многие беженцы известны как высококвалифицированные специалисты в промышленной и научной сферах. На их счету — ценный вклад в прогресс человечества. Они в состоянии отплатить за гостеприимство приданием нового импульса развитию экономики. Мне рассказывали, что появление беженцев в Англии привело к возникновению пятнадцати тысяч рабочих мест для англичан, оказавшихся без работы.

Как бывший гражданин Германии, оказавшийся достаточно везучим, чтобы ее покинуть, я знаю, что могу от имени моих братьев-беженцев выразить свою признательность демократическим странам за ту великолепную встречу, которая нас ждала. Все мы единодушно испытываем чувства признательности и долга перед государствами, где мы получили прибежище, и каждый из нас отдает без остатка все силы, чтобы выразить эту признательность своим вкладом в экономическое, социальное и культурное развитие этих стран.

Однако неуклонный рост числа беженцев вызывает серьезную тревогу. События последней недели добавили к общему числу еще несколько сот тысяч потенциальных беженцев из Чехословакии¹⁰. Мы вновь столкнулись с большой трагедией еврейской общины, хранившей традиции демократии и служения обществу.

Сила сопротивления, позволившая еврейскому народу выжить на протяжении тысячелетий, является

прямым следствием верности евреев библейским заповедям об отношениях между людьми. В эту годину страданий наша готовность к взаимопомощи переживает особенно тяжкое испытание. Каждому из нас суждено лично пройти через него так, как это случилось в прошлом с нашими предками. У нас нет иного средства защиты, кроме солидарности и понимания важности и святости дела, за которое мы страдаем.

1939

НЕ ЗАБУДЕМ

Если нам, евреям, и суждено извлечь какой-то урок из этой мрачной эпохи, то он заключается в следующем: все мы связаны единой участью. Это факт, который легко и охотно забывается во времена покоя и безопасности. Мы слишком привыкли подчеркивать различия, разделяющие евреев разных стран и разных религиозных течений. И часто забываем, что ненависть и несправедливое отношение к евреям в любой точке земного шара касаются каждого еврея. Нельзя также забывать, что бессовестные политиканы ради своих планов всегда могут обернуть против нас давние предрассудки.

Все это касается каждого из нас, потому что подобные отклонения и психические расстройства национальной души не различают ни океанов, ни государственных границ, а распространяются как экономические кризисы и эпидемии.

1934

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К "ЧЕРНОЙ КНИГЕ"

Эта книга представляет собой сборник документальных материалов о систематическом уничтожении, которому германское правительство подвергло громадную часть еврейского народа. Ответственность за правдивое изложение фактов лежит на еврейских организациях, объединивших свои усилия для сбора материалов. Они также сделали все возможное, чтобы донести эту информацию до общественности.

Цель этой книги очевидна. Ей предстоит убедить читателя, что любая международная организация, призванная обеспечить неприкосновенность личности, способна выполнить свою задачу, если только она не ограничится защитой государств от военного нападения. Помимо того, ей необходимо взять под покровительство национальные меньшинства внутри той или иной страны. Ибо в конечном счете в защите от уничтожения и бесчеловечного обращения нуждается именно личность, индивидуум.

Правда, эту цель можно достичь, только если будет отброшен принцип невмешательства, сыгравший судьбоносную роль в последние десятилетия. Сегодня уже никто не может усомниться в необходимости столь радикального шага. Ужасам войны предшествовали определенные события внутри государств, а вовсе не одни милитаристские приготовления.

Обеспечить подходящий образ жизни для всех людей планеты — вот общий долг человечества и всех государств. А пока его нет, мы не сможем гово-

рять о человечестве как цивилизованном обществе.

Бедствия последних лет привели к тому, что в процентном отношении еврейский народ понес бóльшие потери, нежели любой иной народ на Земле. Поэтому в новом устройстве мира еврейскому народу должно быть оказано особое внимание. Формально евреи не могут претендовать на статус нации, поскольку не обладают ни собственной страной, ни правительством. Но это отнюдь не препятствие, ибо евреев следует воспринимать как однородную группу, как если бы они были нацией. Это положение евреев доказано поведением их врагов. Следовательно, в процессе стабилизации международного положения евреи должны рассматриваться как нация в общепотребительном смысле слова.

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Скорее всего в обозримом будущем еврейская жизнь во многих местах Европы будет невозможна. Зато десятилетия напряженного труда и щедрая финансовая поддержка привели Палестину к процветанию. Усилия энтузиастов строились на одном — на вере, что будет выполнено данное после Первой мировой войны обещание создать безопасный национальный очаг для еврейского народа на его древней палестинской родине. Это обещание претворялось в жизнь, мягко выражаясь, непоследовательно и не в полном объеме. Ныне, после того, как евреи (и особенно евреи Палестины) внесли столь значительный вклад в эту войну¹², настала пора напомнить о данном обещании. Необходимо требовать, чтобы Палестина с ее экономическими возможностями была открыта для еврейской иммиграции. Если международные организации надеются на доверие (а именно оно должно стать мощной основой их усилий), то необходимо недвусмысленно продемонстрировать, что понесшие наиболее тяжкие жертвы не оказались обманутыми, доверившись этим организациям.

ЦЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Наша эпоха гордится своими достижениями в интеллектуальном развитии человечества. Поиски истин и знаний, стремление к ним являются безусловным достоинством человека (хотя зачастую мы видим чрезмерное самоуважение именно там, где прилагались наименьшие усилия). Однако, по всей вероятности, нам не следует возводить в кумиры эту способность к познанию. Несомненно, разум обладает большой мощью, однако он лишен индивидуальности. Сам по себе он не способен вести, а может лишь служить инструментом; кроме того, он неразборчив в выборе хозяина. Эти особенности нашли свое отражение в качествах, присущих "жрецам" разума — интеллектуалам. Разум незаменим при выборе методов и средств, однако, если речь идет о приоритетах и конечных целях, он слеп. Эта фатальная слепота передается из поколения в поколение, от стариков молодым, и ныне охватила целое поколение.

Пророки, наши еврейские предки, и мудрецы древнего Китая провозгласили, что совершенствование человека должно подчиняться прекрасной цели — быть сообществом свободных и гармоничных людей. Достичь этого можно через внутреннюю борьбу с антиобщественными и разрушительными инстинктами. Самым сильнодействующим средством в такой борьбе может оказаться разум. Интеллектуальные усилия вместе со стремлением к развитию личности и ее творческих способностей придают смысл и содержание жизни.

Но сегодня миром правят грубые человеческие страсти — столь необузданные, что их нельзя и сравнить ни с одной минувшей эпохой. Лишь незначительным меньшинством оказывается повсюду наш еврейский народ. У него нет надежных средств защиты. И при этом больше, чем кто-либо другой, он подвергается жесточайшим преследованиям, если не полному уничтожению. Эта свирепая ненависть зиждется на том, что именно мы дали миру идеалы гармоничного сотрудничества и усилиями лучших сынов нашего народа воплотили их в слово и дело.

1943

НАШ ДОЛГ СИОНИЗМУ

Вряд ли со времен завоевания Иерусалима императором Титом¹³ на долю еврейского народа выпадали столь тяжкие гонения, как те, что достались ему в наши дни. По сути, наше время более трагично, поскольку сегодня есть куда меньше возможностей перебраться в безопасные места, чем в те далекие годы.

И тем не менее мы переживем и это лихолетье, сколько бы скорби и утрат оно ни принесло. Народ, подобный нашему, народ, остающийся единым целым исключительно благодаря традиции, становится лишь сильнее в пору преследований. Сегодня каждый еврей чувствует, что быть евреем — это означает отвечать не только перед своим народом, но и перед человечеством. В конце концов, быть евреем означает прежде всего знать и воплощать в жизнь заложенные в Библии гуманистические основы, без которых невозможно здоровое гармоничное человеческое сообщество.

Сегодня нас объединила тревога за будущее Палестины. В этот час прежде всего следует подчеркнуть: иудаизм в большом долгу перед сионизмом. Сионистское движение возродило в еврейской среде чувство общности. Оно проделало чрезвычайно большую работу, превзошедшую самые смелые ожидания. Плодотворная деятельность сионистов в Палестине, в которую внесли свой вклад энтузиасты всего мира, спасла множество наших братьев от страшных невзгод. В частности, для значительной части нашей молодежи она сделала возможной жизнь, полную радостного созидательного труда.

Зловещая болезнь современности — порожденный слепой ненавистью безумный национализм — поставила сегодня нашу деятельность перед наиболее трудным испытанием. Обрабатываемые днем поля требуют ночью вооруженной защиты от фанатичных арабских бандитов. Обстановка нестабильности наносит урон всей экономической жизни. Вянет дух предпринимательства, возникает безработица (впрочем, вполне умеренная по американским масштабам).

Сплоченность и стойкость, с которыми наши братья в Палестине встречают эти трудности, вызывают восхищение. Те, кто еще сохранил работу, помогают безработным. Дух по-прежнему высок. Он опирается на убеждение, что в основе победы лежат выдержка и здравый смысл. Все знают, что мятежи намеренно разжигают те, кто заинтересован поставить в трудное положение не столько нас, сколько англичан. Все знают, что беспорядки закончатся, едва их прекратят "подкармливать" извне.

Наши соплеменники в других странах поддержат своих палестинских братьев несмотря ни на что. Они также не растеряются, но решительно и твердо станут на защиту общего дела. Это произойдет без лишних слов.

Хочу добавить еще немного по вопросу о разделе¹⁴. С моей точки зрения, соглашение с арабами об осно-

вах совместного проживания более предпочтительно, чем образование еврейского государства. Мое понимание сущности иудаизма никак не согласуется с идеей еврейского государства, у которого будут границы, армия и органы государственной власти — даже в самых незначительных масштабах. Я опасаясь глубинного урона, который понесет иудаизм, если в наших собственных рядах разовьется тот самый узколобый национализм, против которого мы уже принуждены бороться насмерть даже без наличия еврейского государства. Мы — не евреи эпохи Маккавеев¹⁵. Возвращение к нации в политическом значении этого слова может обернуться утратой той духовности нашего сообщества, которую породил гений наших пророков. Если же обстоятельства вынудят нас взять на себя это бремя, будем нести его с выдержкой и терпением.

И еще одно замечание о состоянии современного мира; это также сказывается на нашей еврейской судьбе. Антисемитизм испокон века был самым дешевым средством для оболванивания народа. Тирания, основанная на подобной лжи и правящая при помощи террора, должна неминуемо кануть в небытие. Такой строй станет собственным могильщиком, потому что в противовес злу усилятся те моральные качества человека, которые ведут к освобождению и очищению жизни общества. Пусть наш народ своими страданиями и своим трудом внесет вклад в высвобождение из-под спуда лучших свойств человека.

1938

ГЕРОЯМ ВОССТАНИЯ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО¹⁶

Они сражались и погибли как плоть от плоти еврейского народа в борьбе с вооруженными бандами германских убийц. Их жертвы послужат сплочению евреев мира. В своих усилиях и попытках создать лучшее человеческое общество — общество, которое столь ясно и убедительно описали наши пророки — мы стремимся к единству.

Немецкий народ целиком повинен в этих массовых убийствах. И если есть справедливость в этом мире, а представления о коллективной ответственности народов еще не полностью улетучились с лица Земли, они должны понести наказание как народ в целом. За нацистской партией стоит немецкий народ, избравший на высоты власти именно Гитлера, который и в своей книге, и в речах заявил о своих гнусных намерениях абсолютно ясно и недвусмысленно. Немцы — это единственный народ, не сделавший ни одной сколько-нибудь серьезной попытки защитить невинно преследуемых. Когда они будут полностью разбиты и начнут стенать о своей участи, мы не вправе допустить, чтобы нас обманули еще раз. Мы должны всегда помнить, что они сознательно злоупотребляли гуманистическими традициями других народов ради подготовки своего последнего и наиболее чудовищного преступления против человечества.

1944

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ЕВРЕЯМ, ПАВШИМ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

Монумент, у которого вы сегодня собрались, воздвигнут как материальный символ нашей скорби перед лицом невосполнимой утраты, понесенной еврейским народом, народом-мучеником. Он также напоминает нам, спасшимся, о необходимости хранить верность своему народу и моральным принципам, которые завещали наши праотцы. Только эта верность поможет нам выжить в нынешнюю пору морального упадка.

Чем более жестокою несправедливостью учиняют люди с человеком или народом в целом, тем глубже они ненавидят и презирают свою жертву. Заносчивость и тщеславие, укоренившиеся в нации, не позволяют зародиться раскаянию за преступления. Даже те, кто не принимал участия в преступлениях, остаются глухи к страданиям невинных жертв и не испытывают никакой солидарности с ними. В результате остатки того, что когда-то называлось "европейским еврейством", томятся в концентрационных лагерях и им запрещен въезд даже в весьма малозаселенные страны. Даже торжественно обещанное нам право на Национальный очаг в Палестине обернулось обманом. В наш век моральной деградации призывы к справедливости не имеют никакого воздействия на людей.

Давайте же ясно осознаем и ни на мгновение не будем забывать: наша единственная физическая и моральная защита — во взаимопомощи и поддер-

жании полнокровных связей между евреями всех стран. Но в будущем нам надо готовиться к преодолению того всеобщего морального упадка, который ныне серьезно угрожает человечеству. Давайте же — сколь бы слабы мы ни были — приложим все усилия, чтобы положить конец нынешнему моральному разложению человечества. Давайте придадим жизнеспособность и силу его стремлениям к законности и справедливости, равно как и к дружбе между всеми членами сообщества народов.

1948

ПРИЗВАНИЕ ЕВРЕЕВ

В нашу пору люди философского склада — иначе говоря, сторонники истины и мудрости, — по-видимому, испытывают особенную потребность в единстве. Чем это продиктовано? Наше время отличается от всех минувших эпох бóльшим знанием. Однако любовь к правде и познанию, которая дала крылья Возрождению, остыла и уступила дорогу прагматичной специализации. Этот подход коренится более в материальной, нежели в духовной сфере общества. Но те группы людей, о которых я говорю, преданы исключительно духовным идеалам.

Веками иудаизм оставался верен только своей моральной и духовной традиции. Лишь одни вожди были у него — его проповедники. Однако в ходе укоренения в более широком социальном сообществе эта духовная ориентация отступила на задний план, хотя даже сегодня именно ей еврейский народ обязан своей неистребимой жизнестойкостью. И если мы хотим сохранить эту жизнестойкость во благо человечества, мы обязаны всегда придерживаться такой духовной ориентации.

Пляска вокруг золотого тельца была не просто легендарным эпизодом в истории наших праотцев — эпизодом, который представляется мне более невинным, нежели то поголовное преклонение перед материальными и эгоистическими интересами, которое грозит евреям в наши дни. В современную эпоху нет ничего более возвышенного, чем единение ради сохранения духовного наследия нашего народа. В особенности, если это относится к группе, свободной от каких бы то ни было исторических и национальных ограничений. Мы, евреи, есть и должны оставаться носителями и стражами духовных ценностей. Но мы также должны осознавать, что эти духовные ценности есть и всегда будут целью всего человечества.

МОШЕ МАЙМОНИД¹⁷

Есть нечто возвышенное в созерцании людей, еди-
нодушно собравшихся вместе, чтобы почтить память
человека, жизнь и труды которого отделены от нас
семью веками. Это ощущение особенно остро чув-
ствуется в эпоху, когда эмоции и вражда как никогда
прежде стремятся свести на нет влияние трезвого ра-
зума и гармоничной справедливости. Повседневная
суэта накладывает на наши воззрения отпечаток стра-
стей и желаний; голос разума и справедливости почти
неразличим в грохоте войны всех против всех. За-
кваска давно минувших лет потеряла почти всякую
силу, и мало что осталось с той поры, кроме памяти
о немногих, кто оказывал решающее и плодотворное
влияние на своих современников и на последующие
поколения. Таким человеком был Маймонид.

Столетия назад тевтонские варвары разрушили
древнюю культуру Европы. Но на основе еврейской
Библии, а также греческой философии и искусства
— так или иначе уцелевших после всеобщего опусто-
шения — начала медленно прорастать новая и более
изысканная культура. Соединение этих двух источни-
ков, столь отличных друг от друга, знаменует собой
начало нашей нынешней культурной эпохи. Именно
из этого союза прямо или косвенно выросло все, что
составляет истинные ценности нашей сегодняшней
жизни.

Маймонид был одной из тех выдающихся лич-
ностей, которые способствовали созданию этого сим-
биоза и тем пролагали дорогу прогрессу. Как именно
это произошло, мы услышим сегодня вечером от тех,
кто в своих исследованиях глубже, чем я, проник в
суть дела всей жизни Маймонида и в историю евро-
пейского духа.

Пусть этот час благодарных воспоминаний усилит
ту любовь и почитание, с какими мы храним сбере-
женные в жестокой борьбе сокровища нашей культу-

ры. Наша борьба с силами тьмы и варварства за сохранение этих сокровищ не может не завершиться победой.

1935

СТИВЕН ВАЙЗ¹⁸

Мне посчастливилось встречаться с людьми, которые отдали массу сил делу справедливости и которые немало потрудились для блага тяжко притесняемого еврейского народа. Лишь некоторые из них были лишены эгоизма, но ни один из них не был столь щедр в своей любви и энергии, как Стивен Вайз. Всю жизнь от отстаивал сионизм, и с этим всегда будет связана память о его неутомимой деятельности. Он шел тернистым путем истинного пророка, презирал низкие компромиссы и никогда не угодничал перед властью имущими. Он безжалостно выставлял напоказ слабости и изъяны как в наших собственных рядах, так и в среде титулованных политиков нееврейского мира. Это был ни с чем не сравнимый вклад. Были люди, которые его не любили, но никто не мог отказать ему в признании и уважении. Ибо каждому было известно, что за титаническим трудом этого человека всегда стояло страстное желание сделать человечество совершеннее и счастливее.

1949

За свою долгую жизнь мне удалось кое-что сделать для углубления наших физических знаний благодаря счастливому стечению обстоятельств. Это мне принесло столько дифирамбов, что долгое время я ощущал больше смущение, нежели ликование. Но знаки уважения, оказанные вами, наполнили меня истинной радостью — радостью за те выдающиеся достижения, которых добился наш еврейский народ на протяжении лишь нескольких поколений в исключительно трудных условиях, сам по себе, проявляя безграничное мужество и идя на невероятные жертвы. Университет, который двадцать семь лет назад был всего лишь мечтой и робкой надеждой, этот университет сегодня — осязаемая реальность, вместилище свободного знания, учебы и упоенного братского труда. Здесь он стоит — на земле, освобожденной нашим народом в великих невзгодах; это — духовный центр процветающего и динамичного общества, чьи достижения наконец получили заслуженное всеобщее признание.

В эту пору, когда исполняются мечты, на меня тяжким бременем давит лишь одно: превратности судьбы заставили нас отстаивать свои права силой оружия. Это был единственный способ избежать полного уничтожения. Однако мудрость и умеренность, проявляемые руководителями нашего государства, дают мне основания надеяться, что постепенно с арабским народом будут установлены отношения, основанные на плодотворном сотрудничестве и взаимном уважении и доверии. Это — единственный путь для обретения обоими народами истинной независимости.

1949

АМЕРИКАНСКИЙ СОВЕТ ПО ИУДАИЗМУ²⁰

С искренней радостью я узнал, что политическая платформа Американского совета по иудаизму встречает сильную оппозицию. Поведение этой организации — всего лишь жалкая попытка добиться расположения от наших врагов. Это путь измены истинно еврейским идеалам и подражания тем, кто клянется в приверженности стопроцентному американизму. Я убежден как в недостойности, так и в неэффективности этого подхода. Наши противники непременно посмотрят на него свысока и даже с презрением, и, по-моему, это будет справедливо. Тот, кто не сохранил верность своему делу, не может рассчитывать на уважение. Помимо всего, это течение очень напоминает печально памятное "Центральное объединение германских граждан иудейского вероисповедания"²¹. В роковые дни, выпавшие на долю нашего народа, его лидеры проявили полнейшую беспомощность. Более того, всем своим поведением они разрушали в людях ту внутреннюю уверенность, благодаря которой наш еврейский народ сумел преодолеть все испытания этой тяжелой годины.

1945

ЕВРЕИ ИЗРАИЛЯ

Для нас, евреев, нет более важной задачи, чем закрепить то, что достигнуто в Израиле с потрясающей энергией и исключительным самопожертвованием. Радость и восхищение переполняют нас при мысли об этой горстке энергичных и пытливых людей.

Однако, оценивая достигнутое, следует еще раз спросить: во имя чего все это совершалось? Во имя спасения рассеянных по множеству земель наших

братьев и ради объединения их в Израиле; во имя создания общины, которая воплотила бы предельно полно этические ценности нашего народа, сложившиеся на протяжении веков.

Одной из них был и остается мир, основанный на разуме и самообладании, а не на насилии. И если мы действительно привержены этому идеалу, то радоваться преждевременно, потому что наши взаимоотношения с арабами от него далеки. Весьма возможно, что мы могли бы достичь желаемого, будь у нас возможность выработать отношения с соседями без вмешательства извне. Мы *хотим* мира и ясно осознаем, что от мира зависит наше будущее развитие.

Нам не удалось достичь единой Палестины, где евреи и арабы могли бы жить в мире как равноправные свободные граждане. Но мы или наши соседи значительно меньше повинны в этом, чем мандатные власти. Если одна нация господствует над другими, как это было во время британского мандата в Палестине, она вряд ли устоит, чтобы не применить пресловутый принцип "разделяй и властвуй". Говоря без обиняков, это означает: породить недоверие между подвластными народами, чтобы они не сумели объединиться для свержения чужеземного ига. И пусть гнет исчез, но семена вражды дали всходы. Они будут делать свое дело и в будущем (нам остается лишь надеяться, что не слишком долго).

Евреи Палестины сражались за политическую независимость не только для самих себя. Эта борьба велась за свободную иммиграцию для евреев многих стран, где самое их существование было под угрозой, а также для всех, кто стремился жить среди своего народа. Не будет преувеличением сказать, что их борьба представляет собой самопожертвование, не имеющее равных в истории.

Я не говорю о людских потерях, или о материальном ущербе, который причинил могуществен-

ный противник, или об изнурительном труде первопроходцев на заброшенной пустынной земле. Я думаю о еще одной жертве — жертве еврейского населения Палестины, которое приняло за полтора года волну иммигрантов, равную трети ишува²². Мысленно представим себе, что подобный подвиг совершили американские евреи. Допустим, что законов, ограничивающих иммиграцию в Соединенные Штаты, не существует, и вообразим, что американские евреи согласились принять за полтора года более миллиона евреев из других стран, позаботились о них и включили их в экономику своей страны. Это было бы потрясающим достижением. И все же оно значительно уступало бы тому, что совершили наши братья в Израиле. Ибо Соединенные Штаты — огромная изобильная страна, не страдающая от перенаселения, достигшая высокого жизненного уровня и создавшая высокоразвитое производство. Ни в какое сравнение она не может идти с крошечной еврейской Палестиной, где бремя массовой иммиграции добавилось к трудной жизни в условиях постоянной угрозы вражеского нападения. Подумайте о лишениях и личных жертвах, на которые идут евреи Израиля ради этого добровольного акта братской любви.

Еврейская община Израиля не обладает нужными экономическими возможностями, чтобы довести до успешного завершения это грандиозное начинание. Сто тысяч иммигрантов из приехавших в Израиль с мая 1948 года трехсот тысяч все еще не могут найти ни жилья, ни работы. Они вынуждены жить в наспех устроенных лагерях; тамошние условия позорят всех нас.

Мы не вправе доводить до краха это величественное явление из-за того, что евреи Соединенных Штатов не оказали быстрой и существенной помощи евреям Израиля. Я убежден, что возможность участвовать в решении этой грандиозной задачи — бесценный дар.

1949

ПАЛЕСТИНСКИЕ БЕДЫ

Редактору газеты "Манчестер Гардиан".

Сэр,

С чувством беспокойства я следил за комментариями британской прессы по поводу последних событий в Палестине. Прочитанное подействовало на меня настолько глубоко, что вопреки своему отвращению к политической деятельности я ощутил потребность прибегнуть к услугам Вашей газеты, чтобы высказать следующие замечания.

На долю евреев выпали наибольшие страдания в минувшую войну. Поэтому они восприняли обязательство Великобритании поддержать восстановление еврейского национального очага в Палестине с восторженным энтузиазмом и глубоким чувством благодарности. Еврейский народ, испытав огромный физический урон и моральные крушения, увидел в британском обещании тот монолитный фундамент, на котором может восстать из небытия еврейская национальная жизнь в Палестине. Такое возрождение самим фактом своего существования, а также материальными и интеллектуальными достижениями способно вселить в разбросанные по всему свету еврейские массы надежду и чувство собственного достоинства. Евреи всех стран дали своих лучших сынов и дочерей и вложили большие капиталы ради претворения в жизнь многовековой мечты. За какой-то десяток лет было пожертвовано примерно десять миллионов фунтов стерлингов, а сто тысяч евреев-энтузиастов приехали в Палестину, чтобы вернуть к жизни почти полностью заброшенную землю. Были обводнены пустыни, насажены леса, осушены болота, искоренены тяжкие болезни. Все эти мирные свершения (пусть и не столь великие по своим масштабам) вызывают восхищение любого.

Но не начал ли фундамент, на который мы опирались, расшатываться? Ныне в значительной части

британской прессы наши стремления встречают недоумения, холодность и неприязнь. Что случилось?

Арабские банды, организованные и доведенные политическими интриганами до высшей степени религиозного фанатизма, напали на удаленные друг от друга еврейские поселения, сея смерть и грабя все подряд. В Хевроне учащиеся иешивы, невинные юноши, ни разу в жизни не державшие в руках оружия, были хладнокровно и жестоко убиты; в Цфате та же участь постигла престарелых раввинов, их жен и детей. Недавно несколько арабов совершили налет на еврейский сиротский приют, где нашли убежище евреи, уцелевшие после грандиозных российских погромов²³. И как после этого не поражаться, что часть британской прессы использовала эту оргию первобытной жестокости для пропагандистской кампании в пользу инициаторов и исполнителей преступлений?

Ничуть не меньше разочаровывает, что пресса замалчивает достижения и характер еврейской созидательной деятельности в Палестине. Прошло десять лет с тех пор, как британское правительство официально провозгласило в качестве своей политики создание в Палестине еврейского национального очага. Британская пресса и лидеры всех политических партий одобрили это решение почти единодушно. Затем последовала поддержка практически всех правительств цивилизованного мира. Она нашла юридическое воплощение в том, что Великобритания получила мандат на управление Палестиной. Для осуществления великой задачи мирного обновления евреи послали своих сынов и дочерей, а также внесли добровольные пожертвования. Не боясь впасть в преувеличение, можно заявить, что, исключая борьбу европейских наций за победу в минувшей войне, наше поколение не знало национальных усилий, столь высоких по своей одухотворенности и жертвенности, как те, что продемонстрировали евреи во имя мирного обновления Палестины.

Когда путешественник пересекает эту страну, как посчастливилось мне несколько лет назад, и видит молодых первопроходцев, людей выдающихся интеллектуальных и моральных качеств, которые дробят камни и мостят дороги под жгучими лучами палестинского солнца; когда перед его глазами открываются цветущие сельскохозяйственные поселения, "проросшие" в древней палестинской пустыне благодаря напряженному труду еврейских колонистов; когда налицо развитие гидроэнергетики и зачатки промышленности, а сверх того, существует система образования от детских садов до университета, существует на языке Библии, — какой наблюдатель, независимо от происхождения и религии, устоит перед магией столь потрясающих достижений и столь невероятной самоотдачи? И не дикость ли, что зверства фанатичных банд могут свести на нет все еврейские достижения в Палестине? Что они приведут к требованию объявить недействительными торжественные заверения в официальной поддержке и покровительстве?

Сионизм базируется на двух основах. С одной стороны, он вырос из реальности еврейских мук. Я не намерен рисовать картину многовековых страданий еврейского народа; их первопричиной было отсутствие своего национального очага. И сегодня страдания евреев всего мира не получили должного отклика на цивилизованном Западе. Нигде в Восточной Европе нет такого места, где бы еврею не грозило уничтожение. Унизительные ограничения былых времен переродились в экономическую дискриминацию. В то же время ограничения в сфере образования (например, "процентная норма" при поступлении в университеты) призваны не допустить евреев в интеллектуальный мир. Я убежден, что в наше время нет нужды доказывать, что и в западном мире существует "еврейская проблема". Разве можно говорить, что многие неевреи в полной мере осознали

страдания, деградацию и моральный распад среди евреев, порожденные самим фактом бездомного прозябания одаренного и чувствительного народа?

Основу этого феномена с поразительной интуицией первыми поняли сионисты: еврейскую проблему нельзя решить ассимиляцией каждого отдельного еврея в окружающем его мире. Еврейская индивидуальность слишком сильна, чтобы ее можно было стереть подобной ассимиляцией, и чересчур чувствительна, чтобы пойти на такое самоуничтожение. Конечно, ясно, что никогда не удастся большее, нежели переместить в Палестину меньшую часть еврейского народа. Однако исследователи, глубоко проникшие в суть проблемы (независимо от того, являются ли они евреями или нет), твердо убеждены, что создание национального очага еврейского народа в Палестине сможет поднять статус и чувство собственного достоинства у тех, кто останется в странах диаспоры. Так будет внесен реальный вклад в упрочение связей между неевреями и евреями во всем мире.

Однако сионизм руководствуется более глубокими мотивами, чем страдания евреев. Он коренится в еврейской духовной традиции, именно ее основы и развитие стали для евреев смыслом вечного существования как общины. В восстановлении еврейской нации в своем древнем родовом доме, где еврейские духовные ценности могли бы вновь в еврейской атмосфере получить свое развитие, наиболее просвещенные представители еврейского народа видят необходимую предпосылку восстановления нации и предоставления ей свободы духовного творчества.

Именно этими стремлениями и надеждами питается еврейское возрождение в Палестине. Сионизм — это движение, вдохновленное не шовинизмом или эгоизмом, возведенным в принцип. Я убежден, что такого рода движение утратило бы поддержку подавляющего большинства евреев. Точно так же сионизм не собирается никого в Палестине лишать его

прав или владений. Напротив, мы убеждены, что можем установить дружественное и конструктивное сотрудничество с родственной арабской нацией, что послужило бы на благо обеим группам населения как в материальном, так и в духовном отношениях. Колонизационная деятельность евреев в Палестине не лишила ни одного араба принадлежавшей ему собственности; каждый акр земли, который приобретал еврей, был куплен по обоюдной договоренности. Любой путешественник мог засвидетельствовать, как необычайно улучшилось экономическое состояние и медико-санитарное обслуживание арабского населения — прямое следствие еврейской колонизации. По всей территории Палестины сложились дружественные отношения между обитателями еврейских поселений и соседних арабских деревень. Еврейские и арабские железнодорожные рабочие объединились в одном профессиональном союзе, и уровень жизни арабов поднялся. Арабские ученые получили возможность работать в большой библиотеке Еврейского университета, а арабский язык и история арабской цивилизации стали предметами изучения в этом университете. Арабские трудящиеся занимались на вечерних курсах в еврейском технологическом институте в Хайфе (Технионе). Местное население все более ощущает прогресс — экономический, медико-санитарный, интеллектуальный, — который принесла всей стране и всем ее обитателям созидательная деятельность евреев. И, несомненно, одной из наиболее утешительных черт нынешнего кризиса являются просьбы о личной защите, которые направляют евреям арабские жители, страшаясь нападений фанатичных банд.

Сионистское движение предпринимает беспрецедентные усилия по возрождению запущенной страны, где благодаря методам интенсивного развития можно без какого бы то ни было ущерба для коренного населения найти пристанище для сотен тысяч новых поселенцев.

Вот почему я предлагаю сионистскому движению во имя его высших целей и на основе поддержки, торжественно обещанной ему цивилизованным миром, потребовать, чтобы эти изрядные достижения не были сведены на нет ничтожной кликой смутьянов, пусть даже облаченной в одеяния исламского духовенства. Осознает ли общественное мнение Великобритании, что стоящий в центре всех проблем и столь громогласно взывающий от имени всех мусульман верховный муфтий Иерусалима²⁴ не более чем политиканствующий недоросль лет тридцати от роду? Насколько мне известно, он был приговорен в 1920 году к нескольким годам тюремного заключения за свою причастность к вспыхнувшим в ту пору мятежам и позже попал под амнистию. Умонастроения этого человека можно оценить по его недавнему заявлению одному корреспонденту, в котором он обвинил меня вкупе с остальными в требовании восстановить Храм на месте мечети Омара на иерусалимской Храмовой горе²⁵. До каких пор можно терпеть, чтобы абсолютно безответственный и неразборчивый в средствах политикан продолжал использовать свое пагубное влияние, замаскировавшись святостью религии и распоряжаясь всей полнотой светской власти, которую дает его положение в любом восточном государстве? И это в стране, где невежественный фанатизм легко оборачивается насилием и убийствами при помощи злокозненных подстрекателей.

Осуществление великих целей, содержащихся в мандате на управление Палестиной, в очень большой степени зависит от общественного мнения Великобритании, от ее прессы и от ее государственных деятелей. Еврейский народ вправе ожидать, что его мирный труд получит активную и доброжелательную поддержку мандатных властей. Он вправе требовать, чтобы виновные в разжигании нынешних мятежей понесли заслуженное наказание и чтобы лица, которым

поручено управлять страной столь неповторимого прошлого и столь уникальных перспектив, получили бы указания оправдать великое доверие, возложенное всем цивилизованным миром на мандатные органы. Им следует пользоваться своей властью в повседневных административных делах с твердостью и пониманием своей задачи. Евреи не хотят жить на земле своих предков под охраной британских штыков; они пришли туда как доброжелатели родственной арабской нации. Все, чего они ожидают от Великобритании, состоит в поощрении дружественных отношений между евреями и арабами, в непримиримом отношении к губительной пропаганде и в создании органов безопасности, способных обеспечить необходимую защиту жизни и мирного труда.

Евреи никогда не откажутся от начатого ими созидательного труда. Это совершенно отчетливо видно из реакции всех евреев на события последних недель — независимо от того, являются они сионистами или нет. Однако мандатные власти могут реально содействовать этому труду или возводить препоны. Крайне важно, чтобы и общественное мнение Великобритании, и британское правительство, а также мандатные власти в Палестине ощутили свою ответственность за возложенное на них огромное доверие. Это должно произойти не из-за принятой когда-то Великобританией юридической ответственности, но благодаря глубокому проникновению в значимость и важность этой задачи. Ее реализация будет способствовать прогрессу и мирной жизни человечества, она послужит исправлению великой исторической несправедливости. Я не верю, что крупнейшая на планете колониальная держава будет бессильна что-нибудь предпринять, столкнувшись с проблемами восстановления древнего дома народа Библии. Возможно, задача, выпавшая на долю мандатных властей, нелегка, однако успех обеспечит вечную

благодарность не только евреям, но и всех лучших сынов человечества.

Искренно ваш А. Эйнштейн
Берлин, 7 октября 1929 года

*(Опубликовано в газете
"Манчестер Гардиан" 12 октября 1929 г.)*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА НА СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Выступление по программе
радиокompании Эн-Би-Си)

После прибытия А. Эйнштейна в Америку 11 декабря 1930 года Сионистская федерация американских студентов "Факел" организовала его выступление по радио. Обращению профессора Эйнштейна предшествовало вступительное слово председателя административного комитета "Факел" доктора Митчелла Фишера, который сказал:

"Одно из самых больших утешений еврейского народа в современной эпохе заключается в том, что Альберт Эйнштейн, один из его величайших сынов, проникся бедами и тяготами своего народа и не покладая рук, трудится на его благо. Он гордится духовным наследием евреев. Его особенно заинтересовали те энтузиасты — мужчины и женщины, которые проложили дорогу в Палестину и остались на исторической земле своих отцов ради построения нового еврейского государства.

Альберт Эйнштейн идет к вам не столько как крупнейший ученый и гражданин мира, но как выда-

ющийся представитель еврейского народа. Многие годы он проявлял интерес к Палестине и к сионистскому движению. Оригинал рукописи Альберта Эйнштейна, излагающей его теорию относительности, ныне хранится в Еврейском университете в Иерусалиме.

Он пришел к выводу, что мы, члены "Факела", пытаемся донести до американской и канадской молодежи не только романтическое восприятие сионистского движения, но ясное и точное понимание: у евреев должна быть возможность возродить свою национальную жизнь. Лишь тогда еврейский народ наравне с любым иным сможет внести свой вклад в культуру всего человечества.

Уже пять лет "Факел" при помощи лекций, выступлений в прессе и т. п. стремится приблизить идеи сионизма к американскому студенчеству. Показательно, что множество объединений упрашивало профессора Эйнштейна выступить под их эгидой, но он сделал выбор в пользу "Факела".

Сегодня доктор Батлер назвал профессора Эйнштейна властителем дум. Вам мы представляем его как великого друга сионистского дела. От имени многочисленных отделений "Факела", разбросанных по всей стране, я рад представить радиослушателям ученого и философа, немца и еврея, сиониста Альберта Эйнштейна".

Затем профессор Эйнштейн сказал:

"Мои дорогие друзья, я очень счастлив, что мне предоставлена возможность обратиться непосредственно к молодежи, которая сохранила верность еврейским идеалам.

Вы ясно видите трудности, которые сегодня встают перед нами в Палестине. Но я прошу вас не впадать в уныние. Это — испытание для еврейского народа, для его воли к жизни.

Несомненно, есть что критиковать и в заявлениях, и в действиях британских официальных лиц. Этим

мы, однако, не можем удовлетвориться — мы обязаны вывести урок из происходящего.

Прежде всего мы должны обратить самое пристальное внимание на наши отношения с арабским народом. Совершенствуя эти отношения, мы избежим опасных трений, которые могут быть использованы для разжигания вражды. Не надо забывать, что созидательная работа в Палестине ведется и впредь должна вестись для всеобщего блага, в том числе и для арабского населения.

Во-вторых, поступая таким образом, мы избавимся от необходимости — обременительной и для арабов, и для евреев — обращаться к мандатным властям как к судьям и посредникам.

Следуя по такому пути, мы не просто проявим здравый смысл, но и сохраним верность нашим традициям, которые превыше всего ставили единство Израиля. Бесспорно, что такое единство евреев мира вовсе не является каким-то политическим союзом и никогда таковым не станет. Оно сохранится исключительно на уровне моральной традиции. Только в ней еврейский народ может черпать свою созидательную силу и только на ней может строить свое существование”.

13 декабря 1930

АССИМИЛЯЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

1

Прежде чем мы сможем эффективно бороться с антисемитизмом, нам следует отучить самих себя от него и его первейшего признака — рабского мышления. В своей собственной среде нам необходимо обрести большее достоинство, большую независимость. Только когда мы отважимся рассматривать себя как нацию, только когда станем уважать самих себя, мы сможем добиться уважения других, или, скорее, тогда уважение других придет само. Антисемитизм как психологический феномен будет сопровождать нас до тех пор, пока евреи и неевреи связаны друг с другом. Но что в этом плохого? Быть может, благодаря антисемитизму мы оказались в состоянии сохранить себя как народ. Во всяком случае, таково мое мнение.

Когда я вижу выражение "германские граждане иудейского вероисповедания", то не могу сдержать грустную улыбку. Что по сути означает эта высокопарная формула? Что есть своеобразное неверие, благодаря которому можно перестать быть евреем? Нет, конечно. На деле за этой формулировкой стоят два постулата наших остроумцев:

Во-первых, я не желаю иметь ничего общего с моими бедными (т. е. восточноевропейскими) соплеменниками.

Во-вторых, я хочу, чтобы ко мне относились не как к сыну моего народа, а лишь как к члену некой религиозной общины.

Разве это достойно? И может ли "ариец" уважать таких лицемеров? Я — не германский гражданин, и во мне нет ничего, что могло бы свидетельствовать об "иудейском вероисповедании". Но я — еврей. И я рад принадлежать к еврейскому народу, хотя и не отношусь к нему как к "избранному". Давайте оставим антисемитизм неевреям и сохраним в наших собственных сердцах тепло к родным и близким.

1920

2

Еще каких-нибудь лет тридцать назад евреи Германии не считали, что принадлежат к еврейскому народу. Они ощущали себя лишь членами некой религиозной общины. Многие из них и по сей день придерживаются такой точки зрения. По сути, они значительно более ассимилированы, чем русские евреи. Они окончили смешанные школы и тем подготовили себя к немецкой национальной и культурной жизни. Однако несмотря на обретенное ими политическое равноправие, в Германии сформировался массивный общественный антисемитизм. И именно образованные слои германского общества выступают в роли разносчиков этой антисемитской заразы. Они воздвигли целую "культуру" антисемитизма. В то же время образованные русские (по крайней мере, перед войной) были в массе настроены филосемитски и часто самым достойным образом вступали в бой с юдофобами.

У этого германского феномена много причин. Частично они коренятся в том, что на евреев Германии приходится непропорционально высокая доля в интеллектуальной жизни немецкого народа. В то же время мне кажется, что позиции германских евреев в экономике сильно преувеличены. Зато влияние евреев на прессу, их участие в литературе и науке

Германии бросаются в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Это дает пищу множеству антисемитов, чье неприятие евреев основано не на биологической ненависти, а на аргументации, в которую они искренно верят. Они воспринимают евреев как нацию, отличную от немцев, а потому встревожены растущим влиянием евреев на свою национальную жизнь.

Вероятно, процент евреев в Англии немногим ниже, чем в Германии. И все же английские евреи не оказывают такого влияния на британское общество, как немецкие евреи в Германии. И это происходит вопреки тому, что им доступны самые высокие посты еврей может стать лордом главным судьей или вице-королем Индии²⁶. В Германии подобное назначение еврея попросту немыслимо.

Во многих случаях антисемитизм диктуется политическими соображениями. Иными словами, зачастую принадлежность к политической партии показывает, станет ли тот или иной человек открыто декларировать антисемитизм. К примеру, если социалист по своим убеждениям и антисемит, он не станет афишировать свое кредо или вести себя соответственно, поскольку это не значится в программе его партии. Однако консерваторы — иное дело. В их среде антисемитизм используют в партийных интересах, чтобы разжечь болезненные инстинкты толпы. В стране наподобие Англии существование древней, глубоко укоренившейся либеральной традиции препятствует быстрому распространению антисемитизма. Хочу добавить по ходу дела, что именно этим можно объяснить тот энтузиазм, с которым там были восприняты мои теории. Я говорю это, не будучи знаком со страной. По сей день я ни разу не бывал в Англии. В Германии отношение к моим теориям зависело от партийной принадлежности прессы. В то же самое время английская наука не позволила политическим пристрастиям влиять на

свою объективность. Англичане оказали огромное влияние на развитие науки и потому с особенной энергией и особенным успехом принялись за разбор теории относительности.

Я полагаю, что немецкий иудаизм в значительной мере находится под влиянием антисемитизма. Прежде религиозные традиции препятствовали смешению евреев с неевреями. Подъем благосостояния и рост образования привели к распаду этих ограничений. Не осталось ничего другого, кроме враждебности к евреям, именуемой антисемитизмом, которая продолжала удерживать евреев в изоляции. Не будь этого, ассимиляция германских евреев давным-давно бы уже завершилась.

Все это я испытал на себе. Не считая последних двух лет, я жил в Швейцарии и не ощущал там своего еврейства. Ничто не пробуждало во мне какие-либо еврейские чувства. Но с переездом в Берлин все изменилось. Там я воочию увидел те трудности, с которыми сталкивались многие еврейские юноши. Я увидел, как антисемитское окружение закрыло им доступ к систематическому образованию и, таким образом, к устойчивому существованию. Это особенно сильно коснулось евреев — уроженцев Восточной Европы, которых постоянно подвергали провокациям. Я не верю, что их чересчур много, лишь в Берлине они сколько-нибудь заметны. Тем не менее их присутствие стало национальной проблемой. На митингах, конференциях, в печати поднялось движение за немедленную высылку или интернирование этой категории евреев. В качестве доводов приводились жилищные проблемы и экономическая депрессия. Чтобы повлиять на общественное мнение, извлекали неведь какие данные.

Этих восточноевропейских евреев сделали "козлами отпущения" — на них возложили ответственность за все невзгоды сегодняшней Германии и за все последствия войны. Подстрекательство против этих

несчастливых изгнанников, едва спасшихся из того ада, каким ныне стала для них Восточная Европа, превратилось в эффективное политическое оружие. Оно используется любым демагогом. Когда германское правительство принялось рассматривать вопрос о высылке, я выступил в защиту гонимых и указал в "Берлинер Тагеблат" на всю антигуманность и безрассудство подобной меры. Вместе с несколькими коллегами, евреями и неевреями, я открыл для этих восточноевропейских евреев университетские курсы. Должен сказать, что мы получили официальное признание и значительную помощь германского министерства просвещения.

Эти и сходные события пробудили во мне еврейское национальное чувство. Я — еврей по национальности. Это означает, что я требую сохранения еврейской национальности наравне со всеми остальными. Я рассматриваю еврейскую национальность как некий факт и полагаю, что каждому еврею следует именно с таких позиций подходить к решению "еврейских вопросов". Я рассматриваю рост настойчивости, с которой евреи отстаивают свои права, как явление позитивное — и для евреев, и для неевреев. Это стало основным мотивом моего присоединения к сионистскому движению. Для меня сионизм не замыкается на колонизации. Еврейская нация — это живой организм, и чувство еврейского национализма должно быть развито и в Палестине, и в любом другом уголке земного шара. Прискорбно, что отрицается существование еврейской нации в диаспоре. Потому что ограничение еврейского этнического национализма границами Палестины по существу отрицает существование еврейского народа. В таком случае надо набраться мужества и как можно полнее и быстрее ассимилироваться.

Мы живем в эпоху бурного и, вероятно, чрезмерного национализма. Но мой сионизм не исключает космополитических взглядов. Я верю в реальность

еврейской нации и верю, что у каждого еврея есть обязательства по отношению к своим единоверцам. Вот почему суть сионизма многогранна. Евреям, которые пали духом в украинском аду или в польских смутах, он позволяет надеяться на более сносное существование. Возвращая евреев в Палестину (то есть возвращая их к нормальной и процветающей экономической жизни), сионизм высвобождает творческие силы, способные обогатить все человечество. Но главное назначение сионистской деятельности — в упрочении достоинства и самоуважения евреев диаспоры. Меня всегда коробили недостойные стремления и потуги к ассимиляции, которые я замечал у многих своих друзей.

Создавая еврейское государство в Палестине, еврейский народ сможет без помех раскрыть свои созидательные возможности. Еврейский университет и подобные ему учреждения приблизят народ к его национальному возрождению. При этом еврейский народ обогатит свою нравственную культуру и знания и, как много веков тому назад, вновь достигнет лучшей жизни, чем та, что неминуемо уготована ему в нынешних условиях.

1921

3

Восстановление Палестины для нас, евреев, не просто филантропический акт или эмиграционное предприятие. Это — проблема первостепенного значения для еврейского народа. Палестина не просто убежище для восточноевропейских евреев, но воплощение пробудившегося и обновленного чувства национального единства. Возможно ли усилить это чувство? На этот вопрос я отвечаю утвердительно. И не только потому, что чувствую это инстинктивно, но также исходя из рациональных соображений.

Давайте обратимся к истории евреев Германии на протяжении последнего столетия. Сто лет назад наши предки за очень малым исключением все еще обитали в гетто. Они были бедны и отделены от неевреев барьером религиозных традиций, традиционного образа жизни и правовых ограничений. Их духовное развитие ограничивалось их собственной литературой, и лишь отчасти они подпадали под то громадное влияние, которое оказало Возрождение на всю интеллектуальную жизнь Европы.

Однако в одном отношении эти люди, как бы ни был убог их удел, имели перед нами явное преимущество. Каждый из них каждой клеточкой и всеми фибрами души был привязан к общине. Она, в свою очередь, регламентировала их быт, давала ощущение полноправности и не предъявляла никаких требований, которые шли бы вразрез с врожденным образом мыслей. Наши предки были более стеснены и материально, и духовно, но как социальный организм они являли собой завидный образец психологической стабильности. Затем пришла пора эмансипации. Она открыла и во сне не снившиеся перспективы прогресса. Отдельные евреи быстро выдвинулись в экономической и социальной жизни. Они жадно впитывали великолепнейшие достижения западного искусства и науки. Они стремились отыскать магистральные пути развития и внесли вклад исключительной ценности в общий прогресс. По ходу дела они воспринимали иной образ жизни, все более и более удалялись от собственных религиозных и социальных традиций, приобретали нееврейские привычки, обычаи и мышление. Казалось, они собираются полностью раствориться в окружающих народах, которые и преобладали над ними численно, и превосходили их своей политической и культурной структурой. Полное исчезновение евреев в Центральной и Западной Европе казалось неминуемым. Однако все пошло по-иному. Похоже, в нациях с ярко

выраженной расовой индивидуальностью существуют инстинкты, препятствующие исчезновению. Ассимиляция евреев в среде европейских народов — по языку, обычаям и до некоторой степени даже в формах религиозной организации — не искоренила чувство отчужденности между ними и их окружением. Инстинктивно ощущалось отсутствие родства. В самом крайнем случае это можно отнести на счет закона сохранения энергии. Нации не желают растворяться; каждая хочет идти своим путем. Мирные взаимоотношения могут быть достигнуты, но только если народы проявляют взаимную терпимость и уважение друг к другу. Помимо всего, это требует от нас, евреев, еще раз осознать свою национальную принадлежность и вновь обрести то самоуважение, которое необходимо для нашего существования как нации. Мы должны заново учиться признавать свое происхождение и свою историю; мы должны вновь взять на себя как на нацию такие культурные задачи, которые укрепили бы наше чувство солидарности. Недостаточно, если каждый сам по себе участвует в мировом культурном процессе, — необходимо приложить руки к такой работе, которая могла бы выработать цели нашего национального существования. Так и только так может сохраниться еврейский народ.

С этих позиций я и смотрю на сионистское движение. Сегодня история диктует нам необходимость включиться в экономическое и культурное восстановление Палестины. Вдохновенные гении и провидцы заложили фундамент такой работы, которой лучшие из нас готовы посвятить свои жизни. Было бы хорошо, если бы каждый проникся значимостью этого труда и внес свою лепту в его успех.

Именно в Америке я впервые открыл для себя еврейский народ. Всяких евреев я видывал, но ни в Берлине, ни в любом другом уголке Германии мне никогда не доводилось сталкиваться с еврейским народом. Эти люди по большей части прибыли в

Америку из России, Польши и Восточной Европы. Эти мужчины и женщины все еще сохраняют здоровое национальное чувство, по сию пору не уничтоженное процессом раздробления и рассеяния. Я обнаружил, что они полностью готовы к самопожертвованию и практическому созиданию. Например, они сумели в короткий срок собрать необходимые средства для будущего университета в Иерусалиме — по крайней мере, для его медицинского факультета. Я обнаружил также, что в своем большинстве это представители среднего класса и даже совсем простые люди. Именно в их среде сохранилось здоровое чувство принадлежности к единому целому и желание делать пожертвования. У меня создалось впечатление, что сконцентрировав ядро еврейского народа в Палестине, мы обречем новый духовный центр, и вот тогда-то чувство отчужденности рассеется. Именно такого животворного эффекта я ожидаю от возрождения Палестины.

1921

4

Я убежден, что наша поселенческая деятельность в Палестине принесет успех и мы создадим там тесно спаянную общину. Ей предстоит стать моральным и духовным центром еврейского народа. Именно в этом, а не в экономической стороне дела, я вижу подлинное значение работы по возрождению Палестины. На мой взгляд, не столь важна экономическая независимость Палестины, сколь ее переход в категорию высокой духовной и моральной ценности для всего еврейского народа. С этой точки зрения много достигнуто возрождением языка иврит. Затем должно последовать развитие наук и искусств. В этой связи я придаю важнейшее значение Еврейскому университету. Палестина не решит "еврейский во-

прос", но ее развитие будет означать возрождение духа еврейского народа.

1923

5

Общинам, которые связаны воедино узами расы или традиции, приходится прилагать немалые усилия для охраны и поддержания своего обособленного образа жизни. Такой путь не соответствует моим убеждениям. Однако если община как таковая подвергается нападкам, она вынуждена защищаться. Ее задача — отстоять материальные и духовные интересы своих членов. Совместные действия спасут людей от душевного урона, который неизбежно влечет за собой изоляция. Вот почему следует поддержать усилия евреев во имя общей цели, даже если национализм не вызывает приязни.

Ясно, что в нынешних обстоятельствах только задача восстановления Палестины побудит евреев к эффективным совместным действиям. Это — единственная притягательная цель. Бессмертная заслуга Герцля состоит в том, что он первым ясно увидел этот путь и наметил верные практические ходы. Поэтому я убежден, что каждый еврей, который более всего дорожит процветанием и достоинством еврейской нации, должен отдать все силы для воплощения идеала Герцля.

Немецкий еврей, который трудится для еврейского народа и ради еврейского национального очага в Палестине, не утрачивает своей преданности Германии. Точно так же еврей, который крестится и меняет имя, продолжает оставаться евреем. Две эти преданности — явления разного рода. Дело не в противопоставлении еврея и немца, а честности и бесхарактерности. Тот, кто остался верен своему происхождению, расе и традициям, будет верен и

своему государству. Изменивший в одном предаст и в другом.

1926

6

Величайшим врагом еврейского национального сознания и чувства собственного достоинства стало "ожирение души". Употребляя это выражение, я имею в виду утрату моральных основ под влиянием богатства и жизненных благ. Сюда же надо отнести и определенную духовную зависимость от окружающего мира. Ее породил развал еврейской общинной жизни. Лучшее в человеке выявляется лишь тогда, когда он всецело принадлежит к какой-то определенной группе. Поэтому серьезная моральная опасность грозит еврею, утратившему контакт со своей национальной группой и считающемуся чужаком в той среде, где он обитает. Часто ситуация такого рода порождает жалкий и безрадостный индивидуализм.

Давление извне на еврейский народ особенно сильно в наши дни. Тем не менее наши страдания оказались не напрасны. Появилась тяга к еврейской общинной жизни, о чем и не помышляло поколение наших родителей. Под воздействием пробудившегося чувства еврейской солидарности расцвела поселенческая деятельность в Палестине. Невзирая на немыслимые трудности, эту работу ведут одаренные и преданные своему делу энтузиасты. Такая деятельность в высшей степени ценна для евреев всего мира. Палестина станет средоточием еврейской культуры, убежищем для пострадавших от гонений, местом приложения сил для каждого из нас, цементирующим идеалом и источником духовного процветания евреев любой страны.

1929

ЕВРЕИ И ПАЛЕСТИНА

1

Палестинская проблема, на мой взгляд, двойка. В первую очередь это — проблема расселения евреев в стране. Она требует широкомасштабной внешней помощи; ее успешное решение невозможно до тех пор, пока не появятся отчисления от общенациональных еврейских ресурсов. Вторая задача — поощрение частной инициативы, особенно в торговле и промышленности.

Самое глубокое впечатление, произведенное на меня сионистской деятельностью в Палестине, связано с самопожертвованием молодых тружеников — мужчин и женщин. Уроженцы разных уголков земного шара, люди разного происхождения, они объединились в тесно спаянные коллективы под влиянием общего идеала. Великолепное впечатление произвел на меня и дух инициативы, проявившийся в развитии городов. Есть во всем этом нечто грандиозное. Чувствуешь, что эти свершения родились исключительно на взлете мощных национальных эмоций. Ничем иным нельзя объяснить этот из ряда вон выходящий успех, особенно на морском побережье в районе Тель-Авива.

Ни разу мне не показалось, что арабский вопрос может угрожать развитию Палестины. Я скорее полагаю, что евреи и арабы (особенно — в рабочей среде) способны и далее превосходно сосуществовать. Крайности, которые кажутся изначально присущими данной ситуации, и в дни кризисов находятся под контролем трезвого рассудка. Гораздо сложнее проблема восстановления и оздоровления страны.

Масса евреев не до конца осознает значение палестинской проблемы; они не понимают, какое она имеет к ним отношение. И в самом деле, какое дело многомиллионной, разбросанной по всему свету на-

ции до одного-полутора миллионов человек, поселившихся в Палестине? Однако для меня важность сионистской работы кроется именно в ее воздействии на тех евреев, которые совсем не желают жить в Палестине.

Здесь мы должны различать внешний и внутренний эффект. По моему мнению, внутренним эффектом будет оздоровление еврейства; иными словами, евреи обретут счастье ощущать себя единым целым, у них появится ощущение самооценности, какое не может не вызвать общий идеал. Это уже присуще молодому поколению наших дней — и отнюдь не только молодым сионистам — и выгодно отличает его от более старших поколений, чьи усилия раствориться в нееврейском мире породили едва ли не трагическую опустошенность. Таков внутренний эффект. Внешний результат я вижу в том уровне, которого может достичь любая группа благодаря коллективному и производительному труду.

Я верю, что появление еврейского национального центра усилит моральные и политические позиции евреев во всем мире. Потому что это — реальное воплощение интересов всего еврейского народа.

1927

2

Еврейский университет в Иерусалиме следует организовать таким образом, чтобы он отвечал потребностям страны в научно-исследовательских учреждениях. На первых порах он не в силах конкурировать с полностью укомплектованными университетами Запада. Он должен начать свою работу с некоего числа исследовательских институтов, занятых изучением природных условий Палестины. Первым следует создать сельскохозяйственный институт, затем, скорее всего, — химический. Эти цен-

тры должны находиться в самой тесной связи с экспериментальными станциями и агрономическими школами — как существующими, так и теми, что еще появятся. Затем необходим микробиологический институт, чьи сотрудники займутся поисками борьбы с эпидемическими заболеваниями в Палестине. В числе одного из первых мы также должны предусмотреть институт востоковедения, который займется исследованием страны, ее исторических памятников, иврита и арабского языка (возможно, и других языков Востока). Эти институты заложат основу научно-исследовательской работы в Палестине.

Сегодня потребность в профессорах и лекторах не столь актуальна. Действительно, не стоит подталкивать еврейское население Палестины — малочисленное, но все же растущее — к старой ошибке одностороннего увлечения свободными профессиями и интеллектуальной деятельностью. Наоборот, надо добиваться нормального профессионального состава еврейского населения. Только с ростом населения может расти университет. Постепенно он включит в сферу своей деятельности помимо чисто исследовательской работы и педагогическую. Одновременно следует привлечь к занятиям в Еврейском университете еврейских студентов разных стран. Насколько это следует поощрять в первую пору существования университета — проблема, требующая особого рассмотрения.

Однако, во всяком случае, можно надеяться, что с течением времени Иерусалимский университет превратится в центр еврейской интеллектуальной жизни, представляющей ценность не только для евреев.

1921

3

Университет — это то место, где обретает самовыражение универсальность человеческого духа.

Наука и исследование считают своей целью истину и ничего, кроме истины. Отсюда естественным образом вытекает, что научные центры могут стать фактором, сближающим народы и государства. Увы, сегодняшние европейские университеты в большинстве своем пестуют шовинизм и слепую нетерпимость ко всему иностранному, ко всему, что несет на себе печать ярко выраженной индивидуальности. В этих условиях наиболее пострадавшими оказались евреи. И не только потому, что в ответ на тягу к знаниям и страстное желание участвовать в жизни общества они получают одни лишь пинки. Но также и потому, что большинство евреев чувствует себя особенно скованно в атмосфере косного национализма. Сейчас, когда мы открываем университет, я хочу выразить надежду, что он будет всегда свободен от этого зла. Надеюсь, преподаватели и студенты сохранят убеждение, что наилучшим образом они послужат своему народу, если станут укреплять его единство на основе гуманизма и высших человеческих ценностей.

Еврейский национализм — это потребность наших дней. Только путем консолидации нашей национальной жизни мы сможем свести на нет те конфликты, от которых евреи страдали в былую пору. Давайте же надеяться, что недалеко то время, когда этот национализм станет настолько само собой разумеющимся, что на него не придется обращать особого внимания. Причастность к прошлому и связь с сегодняшними достижениями своего народа придают нам чувство уверенности. Нам есть чем гордиться перед лицом всего человечества. Однако наша система образования должна считать одной из самых почетных задач охрану народа от националистического обскурантизма и злобной нетерпимости.

Наш университет — пока еще скромное явление. Поэтому сейчас самая правильная политика — начать с ограниченного числа исследовательских институтов, на основе которых университет будет развивать-

ся естественно и органично. Я убежден, что прогресс будет быстрым. Со временем эта организация самым наглядным образом продемонстрирует достижения, на которые способен еврейский дух.

Особая задача предстоит университету в духовной сфере и в области просвещения земледельцев. Мы не горим желанием создавать в Палестине народ горожан с привычками и образом жизни европейской буржуазии. Мы хотим, чтобы появился народ тружеников, мы хотим создать еврейскую деревню. И еще мы страстно мечтаем, чтобы сокровища культуры были доступны нашему рабочему классу — особенно потому, что в любых обстоятельствах евреи выше всего ставят образование. В связи с этим на университет ложится обязанность выстроить нечто уникальное, что отвечало бы тем формам жизни, что складываются в Палестине.

Все мы стремимся к сотрудничеству ради успешной миссии университета. Когда еврейские массы осознают ее значение, наш университет быстро разовьется в выдающийся духовный центр, вызывающий уважение всего просвещенного человечества.

1925

ЕВРЕЙ И АРАБ

1

До глубины души евреи потрясены трагическими событиями, произошедшими в Палестине. Ныне наш народ должен показать, что он поистине достоин той великой задачи, которую поставил перед собой. Разумеется, никакие препятствия ни в малейшей мере не ослабят нашу преданность делу и решимость продолжать мирный созидательный труд. Но что следует предпринять, чтобы избежать повторения подобных ужасов?

Перво-наперво необходимо достичь "модуса вивенди", некоего временного соглашения с арабским народом. Трения, вероятно, неминуемы, однако их пагубные последствия можно предотвратить совместными усилиями: "горючее" не должно поступать в горячие точки. Отсутствие нормальных контактов в обыденной жизни может породить атмосферу взаимного страха и недоверия. В свою очередь это приводит к прискорбному взрыву страстей, свидетелями чего нам пришлось стать.

Мы, евреи, должны показать, что история собственных страданий дала нам психологическую способность разбираться в решении этой проблемы. Тем более, что на пути к миру между евреями и арабами нет непреодолимых противоречий. Давайте же прежде всего охраним себя от малейших проявлений слепого шовинизма и перестанем заблуждаться, будто можно насадить разум и здравый смысл при помощи британских штыков.

В любом случае мы должны предъявить мандатным властям, отвечающим за положение в стране, одно требование. Стремящимся к мирному труду должна быть предоставлена равная защита. Меры по обеспечению безопасности должны охранить разбросанные на большом удалении друг от друга еврейские поселения. С другой стороны, они помогут сгладить межнациональные разногласия. Без лишних слов ясно, что евреи в равной степени должны участвовать в несении полицейской службы. Мандатным властям не избежать упрека в лишь частичном выполнении обязанностей. Но это никак не связано с неверной оценкой положения, которую допустила администрация.

В нынешней ситуации нас подстерегает величайшая опасность — в наших рядах может поднять голову слепой шовинизм. Как бы твердо мы ни стояли на страже наших жизней и имущества, ни на единый момент нельзя забывать, что наша национальная задача по своей сути наднациональна. Сила нашего движения состоит в его нравственной справедливости, с которой ему суждено или победить, или погибнуть.

Август 1929

2

Многие подобно мне долгие годы лелеяли убеждение, что грядущее человечество будет представлять собой тесное единение всех народов и что агрессивный национализм уйдет в небытие. Будущее Палестины возможно лишь на основе мирного сотрудничества двух народов, для каждого из которых эта страна — родной дом. Поэтому я выражал надежду, что великий арабский народ продемонстрирует более верное понимание тех чувств, которые испытывают евреи, занятые восстановлением своего национального очага в древней обители иудаизма;

я надеялся, что совместными усилиями будут найдены приемлемые пути и средства для расселения евреев в стране. Я убежден, что преданность еврейского народа Палестине пойдет на благо всем жителям страны. И не только в материальном, но и в духовном, и национальном смыслах. Я верю, что арабское возрождение на огромных пространствах земли, которые они ныне занимают, только лишь выиграет от взаимопонимания с евреями. Я приветствовал бы предельно свободный и откровенный обмен мнениями, поскольку верю, что два великих семитских народа, каждый из которых на своем историческом пути внес исключительно ценный вклад в западную цивилизацию, могут обрести великое будущее. Вместо бесплодного противостояния и взаимного недоверия они могли бы поддержать национальные и культурные усилия друг друга и налаживать дружественное сотрудничество. Я полагаю, что в первую очередь созданием атмосферы доверия могли бы заняться те, кто не принимает активного участия в политической деятельности.

Я оплакиваю трагические события минувшего августа не только потому, что они выявили самые низменные свойства человеческой природы. Эти события внесли отчужденность в отношения двух народов и на время затруднили сотрудничество. Однако, несмотря ни на что, им следует идти вместе.

*(Письмо в палестинскую газету
на арабском языке "Фаластин",
28 января 1930 года)*

ЕВРЕИ И АРАБЫ В ПАЛЕСТИНЕ

(Дискуссия с Филиппом Хитти)

В феврале 1944 года профессор семитской литературы Принстонского университета Филипп Хитти дал показания перед комитетом по иностранным делам палаты представителей конгресса США в ходе слушаний по вопросу о резолюции Райта-Комптона относительно воссоздания Палестины как свободного демократического еврейского государства. Текст выступления доктора Хитти под названием "Еврейский национальный очаг" появился в отчете о слушаниях, выпущенном в том же году правительственным издательством США, а также занял видное место в номере газеты "Принстон геральд" от 7 апреля 1944 года.

14 апреля того же года на страницах "Принстон геральд" появился ответ профессору Хитти, подготовленный Альбертом Эйнштейном и Эрихом Калером²⁷ и написанный последним. Неделей позже, 21 апреля, в той же газете появилось выступление доктора Хитти, а 28 апреля дискуссия была завершена статьей Альберта Эйнштейна и Эриха Калера.

Ниже воспроизводится полный текст этой дискуссии.

Заявление Филиппа Хитти в комитете по иностранным делам палаты представителей

С точки зрения арабов, политический сионизм — чужеземное движение, обладающее международной

финансовой поддержкой, искусственно стимулируемое и не имеющее никаких надежд на конечный или перманентный успех. Суверенное еврейское государство в Палестине представляется анахронизмом для пятидесяти миллионов арабов, многие из которых являются потомками ханаанеев, обитавших в той земле задолго до прихода евреев в Палестину при Иехошуа бин-Нуне²⁸. Мусульманский мир в целом, авангардом которого являются арабы, воспринимает эту идею точно так же. Мусульмане представляют собой сообщество численностью примерно в двести семьдесят пять миллионов человек, обладающее определенным самосознанием и доминирующее в значительной части Азии и Африки. Представим себе, что британская и американская поддержка позволит сионистской политической программе стать в один прекрасный день реальностью. Каковы бы были шансы на выживание у столь чужеродного государства в самом центре, по всей вероятности, враждебного арабского и исламского мира? Было время, когда на Святой земле появилось чужеземное государство, Иерусалимское королевство²⁹, но память сегодня о нем хранят лишь страницы книг о крестовых походах.

Если припомнить, то не было другой проблемы, в отношении которой мусульманский мир выказывал бы такое единодушие. Даже в вопросе о восстановлении халифата, уничтоженного в 1924 году Мустафой Кемалем³⁰, выявились более глубокие расхождения и меньшее единство. Об этом явно свидетельствуют протоколы исламских конгрессов в Каире и Мекке, а также устные протесты против политической программы сионистов, которую поддерживает обсуждаемый в Конгрессе проект резолюции. Эти протесты прокатились за последние два десятилетия от Марокко до Малайского архипелага. В Индии в 1936 году был отмечен "День Палестины", а в октябре 1939 года и в апреле 1943 Всеиндийская му-

сультанская лига на своих ежегодных сессиях приняла резолюции, предостерегавшие британские власти от превращения Палестины в еврейское государство. В глазах мусульманина Иерусалим — третий *харам*, т.е. третий по значимости святой город после Мекки и Медины³¹. Он был первым ориентиром — *гиббах*, — к которому поворачивались древние мусульмане при молитве, прежде чем начали устремлять свои взоры к Мекке. Эта земля была дана им Аллахом в результате священной войны — *джихада*, — поэтому для мусульман уступить свои права на нее равносильно вероотступничеству. Ничуть не менее она священна для христиан. 130 тысяч христиан постоянно живут в Палестине.

Такая бескомпромиссная и стойкая оппозиция политическому сионизму, чьи идеи отстаивает резолюция, отнюдь не предполагает антисемитизма. Возможно, из всех крупнейших народов мира арабы более чем кто бы то ни было свободны от расовых предрассудков. Помимо того, они, как и евреи, принадлежат к семитам и осознают эту свою принадлежность. Они также знают, что их религии ближе друг к другу, чем каждая из них к христианству. Нигде в эпоху средневековья и в новое время не относились к евреям лучше, чем в арабо-мусульманском мире. Евреи, занимавшие пост американского посла в Высокой Порте³², пользовались столь теплым отношением, что наше правительство назначало подряд троих — Штрауса, Элькуса и Моргентау.

Арабы и мусульмане не могут уразуметь, с какой стати созданная не ими еврейская проблема должна решаться за их счет. Они глубоко сочувствуют страданиям евреев, но не убеждены, что Палестина решит еврейский вопрос; Палестину нельзя рассматривать как страну без народа, готовую принять народ без страны. Они отказываются понимать, почему бы американским законодателям, столь пекущимся о благополучии европейских евреев, не поднять им-

миграционные шлагбаумы и не впустить еврейских беженцев, миллионы которых могли бы расселиться на пустующих пространствах Аризоны или Техаса. Присутствующее в резолюции слово "воссоздать" не трогает их (арабов) ни в малейшей мере. Они могли бы с тем же успехом перекроить карту Европы и предъявить свои претензии на Испанию, которой они владели значительно позже и дольше. Они могут представить себе, как отреагировали бы Соединенные Штаты на предложение, скажем, России восстановить Оклахому в качестве индейской территории. Они знают, что в Америке за них некому вступиться. Там нет ни проарабского лобби, ни механизма воздействия на американское общественное мнение или на законодателей, но они хотят, чтобы их дело рассматривалось по существу и с присущей Америке справедливостью.

Возможно, некоторые из них забыли англо-французскую декларацию от 8 ноября 1918 года³³, обещавшую народам, столь долго находившимся под турецким игом, полное и окончательное освобождение и создание национальных правительств и администраций на основе свободного выбора коренного населения; или двенадцатый "пункт" Вудро Вильсона³⁴, где говорилось, что пребывающим ныне под турецким правлением нетурецким народам должны быть гарантированы подлинная безопасность и условия для независимого развития; или связанное с ними положение статьи 22-й устава Лиги Наций³⁵ — но они, несомненно, помнят статью 3-ю Атлантической хартии³⁶, в которой сказано, что Великобритания и Соединенные Штаты уважают право всех народов самостоятельно выбирать свою будущую форму правления.

* *

*

В арабском и мусульманском мире нет более уважаемого представителя западного мира (по-арабски *ифранджи*), чем американец. Для этого есть причины. Годами американские учителя, проповедники, врачи, археологи, паломники и филантропы приезжали на восточное побережье Средиземного моря с намерениями давать, а не брать, не выказывая ни малейших империалистических поползновений. Восемь лет назад свое столетие отметило американское издательство в Бейруте — первое хорошо оснащенное издательство в этом регионе. Три года назад исполнилось семьдесят пять лет Американскому университету в Бейруте. В его стенах была подготовлена значительная часть ведущих мыслителей и деятелей арабского Востока. Во время Первой мировой войны и позже американская общественность пожертвовала не менее 100 миллионов долларов для облегчения участи народов Ближнего Востока и для восстановления этого края, что не имеет аналогий в истории частной филантропии. Неудивительно, что слово "американец" в умах арабов и мусульман стало ассоциироваться с честными поступками, достойным поведением и демократичным подходом. Весь этот запас доброжелательства, накопленный поколениями бескорыстных и трудолюбивых американцев, оказывается под угрозой разорения, если рассматриваемая комитетом резолюция будет принята.

Сейчас Соединенные Штаты ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с бесчеловечным, могущественным и все еще сильным врагом. Более сухого и мощного пороха для его пропагандистских залпов мы обеспечить не можем. Несомненно, немцы наживут на этой резолюции максимальный капитал, как это произошло с Декларацией Бальфура. Они выставили ее в глазах арабов образчиком той самой англо-американской демократии и свободы, ради которых добывалась победа в войне. Они убедили арабов, что сионистский контроль над Палестиной явится

всего лишь прелюдией к еврейскому контролю над Трансиорданией, Сирией и Аравией, и что он будет такой головой верблюда, бесцеремонно влезшего в шатер, как описано в "Тысяче и одной ночи". Чтобы превратить старинных друзей в потенциальных врагов, много времени не надо.

Американцы заинтересованы не только в военной победе. Они стремятся создать такой мировой порядок, который в определенной степени обеспечит региональную стабильность и по меньшей мере снизит вероятность будущих конфликтов. Ничто так не будет способствовать непрерывным беспорядкам и столкновениям, как создание еврейского государства в Палестине за счет арабов. Если такое государство будет создано по требованию Соединенных Штатов, то нам следовало бы предусмотреть и моральную ответственность за его безопасность. Но пожелает ли народ Соединенных Штатов послать свой военно-морской флот на защиту такой страны?

Англичане никогда не думали заходить столь далеко, чтобы превращать Палестину в еврейское государство. Их сковывали противоречивые обещания, данные арабам; единожды посуленную землю они превратили в обещанную многократно. Декларация Бальфура, эхом отозвавшаяся в резолюции Конгресса Соединенных Штатов 1922 года, благоприятно относилась к созданию в Палестине национального очага еврейского народа, что вовсе не подразумевает превращения Палестины в еврейское государство. Все это сопровождалось важной оговоркой: национальные и религиозные права нееврейских общин в Палестине никоим образом не должны пострадать. Сионисты предложили тогдашнему британскому правительству ту самую формулировку — "воссоздание Палестины как национального очага еврейского народа", — которая практически ничем не отличается от рассматриваемой ныне резолюции. Однако она не была утверждена.

В опубликованной 3 июня 1922 года "Белой книге"³⁷ британское правительство утверждало:

"Неправомочные заявления создали впечатление, будто предполагалось образовать чисто еврейскую Палестину. При этом в ход пошли обороты наподобие того, что Палестина, дескать, должна стать столь же еврейской, насколько Англия является английской. Правительство Его Величества считает такие надежды беспочвенными и таких целей не преследует. Необходимо заметить, что формулировки декларации не предполагают превращение всей Палестины в еврейский национальный очаг, а лишь считают необходимым создание такого национального очага в Палестине. На вопрос, что означает создание еврейского национального очага в Палестине, можно ответить, что имеется в виду не принудительное соби́рание всех евреев в Палестине, а лишь дальнейшее развитие уже существующей еврейской общины при помощи евреев из других стран; тогда она сможет стать неким религиозным и национальным центром, в котором будет заинтересован и которым сможет гордиться весь еврейский народ".

В 1937 году британское правительство заявило, что его обязательства перед арабами и евреями не были взаимоисключающими, поскольку предполагалось, что со временем оба народа смогут сочетать свои национальные чаяния и станет возможным создание единого государства с общим правительством.

В заявлении 1939 года еще раз ясно говорилось, что Палестина должна стать независимым суверенным государством — Палестинским государством, в котором все палестинцы независимо от расы и происхождения будут обладать равными политическими, гражданскими и религиозными правами. В этом заявлении предлагалось по экономическим и политическим причинам ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину. И тем не менее на протяжении всей своей деятельности британская администрация в Палестине сталкивалась с чередой арабских забастовок и волнений, начавшихся в апреле 1920 года и достигших кульминации в серьезном восстании 1936 года.

Еще в августе 1919 года, когда арабский национализм еще не набрал силу, посланная президентом США Вильсоном комиссия Кинга-Крейна доложила: "Идея национального очага еврейского народа не означает превращения Палестины в еврейское государство, да и невозможно создать такое еврейское государство без величайших злоупотреблений в сфере гражданских и религиозных прав нееврейских общин Палестины". В своем отчете комиссия предупреждала, что сионистская программа не может быть реализована иначе, кроме как силой оружия. "Наиболее просвещенные и реалистичные люди из рядов самих сионистов начали... концентрировать усилия на культурных и духовных аспектах своей деятельности и перешли к сотрудничеству с арабами".

Доктор Иехуда Л. Магнес³⁸, президент Еврейского университета в Иерусалиме — сионистского учреждения, — заявил в сентябре 1941 года: "Насколько мне кажется, нет никаких шансов, что эта формула — объявление Палестины еврейским государством, а не создание в ней еврейского национального очага — может быть приемлемой для какого-нибудь арабского лидера, арабской партии или направления в арабском общественном мнении". Созданная сиони-

стами в Иерусалиме в сентябре 1942 года Объединенная ассоциация декларировала, что проблемы Палестины неотделимы от проблем Ближнего Востока, отстаивала еврейско-арабское государство и считало равенство двух народов жизненно важным для будущего страны. Джулиан Моргенштерн, президент "Хибру Юнион Колледж" в Цинциннати, в своей последней работе "Нация, народ, религия: кто мы?" утверждает:

"Часто приходится слышать высокопарные заявления о той благотворной роли, которую может сыграть или сыграет восстановленное еврейское государство или еврейское сообщество; что оно станет подходящей моделью справедливых социальных отношений, примером для всех прочих народов. ...Вопреки этому неопровержимая историческая реальность по-прежнему сталкивает нас с голой правдой: истинные гений и судьба Израиля заключаются в его роли народа веры, хранителя духовного наследия — и только".

Таким образом, рассматриваемая вашим комитетом резолюция противоречит высшим интересам арабов, американцев, англичан и даже евреев.

Ответ Альберта Эйнштейна и Эриха Калера

Трактовка палестинской проблемы, предложенная профессором Хитти, весьма односторонняя и поэтому не должна остаться без ответа. Прежде чем рассматривать взгляды профессора Хитти, мы, однако, хотим заявить, что выступаем не от имени сионистского движения, а как евреи, стоящие вне партий.

Профессор Хитти защищает позицию арабов на основе этнических, религиозных и политических доводов. Арабы, говорит он, являются наследниками древних ханаанеев, обитавших в той земле до евреев. Иерусалим для арабов — третий по значимости ре-

лигиозный центр, в его сторону поворачивались при молитвах древние арабы, эта земля была дана им Аллахом в результате *джихада*, священной войны.

Мы не считаем, что в наше время эти доводы могут влиять на ход событий, однако, как подчеркивает профессор Хитти, мы вынуждены иметь с ними дело.

Говорят, что и евреи, и арабы ведут свое происхождение от одного и того же предка, Авраама³⁹, переселившегося в Ханаан (то есть в Палестину), поэтому ясно, что ни один из двух народов не мог оказаться на этой земле раньше другого. В последнее время распространилось суждение, будто лишь часть евреев оказалась в Египте (об этом нам рассказывает жизнеописание Иосифа⁴⁰) а часть осталась в Палестине. Поэтому среди ханаанеев, которых обнаружили евреи, вошедшие в Землю обетованную под водительством Иехошуа бин-Нуна, были и их соплеменники. Из этого следует, что у арабов нет приоритета на владение этой землей.

Для арабов Иерусалим — лишь третий по значимости святой город, для евреев — первый и единственный, а Палестина — то место, где развивалась их собственная история, их священная история. Кроме того, для арабов Иерусалим обладает святостью лишь постольку, поскольку они ведут свою традицию от еврейских корней, ибо после арабского завоевания Иерусалима в 637 году халиф из династии Омейядов Абдель Малек воздвиг мечеть Омара, именуемую также "Куполом над скалой", на том самом месте, где находились еврейские *ковчег завета*⁴¹ и Первый, Соломонов, Храм (согласно представлениям евреев этот "камень мироздания" — "эвен штия" — уходит в глубины вселенной и является "пупом вселенной"). Иерусалим при Мухаммаде⁴² был *гиббах* — ориентиром, куда обращали молитвы — лишь постольку, поскольку тот еще видел в евреях будущих основных адептов своего нового учения. Когда эти упования

оказались тщетными, он изменил это правило вместе со всеми прочими, введенными исключительно ради его еврейских приверженцев. Использование этого отмененного ритуала в качестве доказательства арабских претензий на Палестину кажется несколько притянутым за уши.

Если арабское завоевание Палестины считать священным, то было бы справедливо распространить святость и на мирные требования о возвращении этой земли, к чему стремятся евреи. Ссылка на законность "священной войны" звучит несколько двусмысленно в устах народа, который отвергает мирную иммиграцию как нарушение своих прав. Не приходится удивляться, что профессор Хитти, с одной стороны, использует превосходящую арабскую мощь как пугало. Но в то же время он страшится нацистских инсинуаций, к которым якобы чрезвычайно восприимчив арабский мир. Получается, что крошечная еврейская община в Палестине (от силы два-три миллиона человек) представляет опасность для четырех могущественных арабских держав и пятидесяти миллионов арабов.

Но евреи не прибегают к аргументам с позиции силы или преимущественного права. На исторических правах далеко не уедешь. Мало кто из современных народов, населяющих нашу планету, получил бы право на свои нынешние государства при помощи подобных критериев. Профессор Хитти утверждает, что арабы не поймут, почему не ими созданная еврейская проблема должна решаться за их счет. Однако своей священной войной и завоеванием Палестины арабы внесли вклад в изгнание евреев с их родины и, следовательно, в возникновение еврейской проблемы (даже если мы и допустим, что их лепта меньше, чем других народов). Однако их позиция по отношению к евреям абсолютно та же, что и у всех прочих народов земного шара. К несчастью, ни один народ не понимает, почему он должен принять участие в

решении еврейской проблемы. В нормальных климатических условиях на всем свете не осталось ни клочка свободной суши. Где бы евреям ни отвели территорию, они непременно ущемят чьи-то права и суверенитет и войдут в конфликт с жителями этой земли. Невозможно найти страну, в которой евреи смогли бы создать полноценное сообщество, как бы мало оно ни было.

Между арабами и другими народами есть еще одно различие. У всех народов есть собственная страна, развитая усилиями всех поколений. Ни одна из этих стран никоим образом не связана со специфически еврейскими традициями или устремлениями. Арабам принадлежат семь больших государств — Саудовская Аравия, где расположены их святыни, Йемен, Египет, Ирак, Сирия, Трансиордания, Ливан; при этом мы оставляем в стороне североафриканские колонии и провинции, поскольку они еще не получили самоуправление и находятся под контролем европейцев. Однако последним и явно самым заброшенным из всех мест, в которых они расселились, стала крошечная Палестина; из 50 миллионов арабов здесь осели лишь 900 тысяч человек. С другой стороны, эта маленькая страна Палестина является единственным местом на всем земном шаре, неоспоримо и глубоко связанным с еврейским народом, его религиозными основами и его исторической традицией самостоятельной нации.

Для того, чтобы сделать палестинскую проблему ясной, давайте сравним положение евреев с положением арабов. Евреи есть и всегда были численно невелики. Их никогда не бывало больше 15,5 миллиона человек. Изгнанные со своей родины в пору древних и средневековых завоеваний Палестины, они рассеялись по всему свету. Ни один народ на земле не может сравниться с ними в страданиях, которые они претерпели в результате самых разнообразных преследований, изгнаний, наветов, выпавших на их долю.

В 1938 году насчитывалось пятнадцать с половиной миллионов евреев, как минимум два миллиона⁴³ были убиты или доведены нацистами до смерти за последние несколько лет в различных европейских странах. Вот почему сионистское движение или, лучше сказать, борьба за приют на земле предков, ни в коей мере не является "чужеземным, искусственно стимулируемым движением", как именует его профессор Хитти. Она порождена крайней необходимостью и страданиями.

Обещание, данное евреям в Декларации Бальфура после Первой мировой войны, мало-помалу сводилась на нет британской "политикой умиротворения". Такую политику резко критиковал Черчилль до того, как он стал премьер-министром⁴⁴. Палестина — это звено в жизненно важных для Британской империи коммуникациях между Ближним Востоком и Индией. Евреи, по самой логике вещей являющиеся надежным союзником англичан, были принесены в жертву арабам. Зато численность и политический вес последних позволяли им даже свой нейтралитет продавать по наивысшей цене; к тому же англичанам то и дело приходилось оглядываться на мусульманскую часть населения Индии. В итоге еврейская иммиграция в Палестину была полностью запрещена⁴⁵ именно в тот самый момент, когда многим сотням тысяч евреев грозило уничтожение от рук гитлеровцев, оккупировавших Венгрию и Румынию.

Мы предлагаем каждому непредвзято мыслящему американцу взглянуть на фотографии из отчета о мученичестве польских евреев во время нацистской оккупации. Они опубликованы "Американской федерацией польских евреев" ("Черная книга польского еврейства"⁴⁶). Мы также призываем прочитать отчет американского свидетеля нееврейского происхождения. Его автор — Уолтер Клей Лаудермилк, специалист по сельскому хозяйству. Он путешествовал по

Ближнему Востоку и изучал учет земель в этом регионе:

”Во время моего пребывания в Палестине в 1939 году, — говорит доктор Лаудермилк, — я наблюдал трагический ”побочный продукт” германского вторжения в Чехословакию. В Палестине и Сирии нам рассказывали о ветхих грузовых судах, набитых беженцами из попавшей под пяту нацистов Центральной Европы... несчастным пассажирам нигде не разрешали ступить на сушу из-за отсутствия формальных виз. Мы видели эти утлые суденышки, покачивавшиеся на волнах под немыслимо палившим летним солнцем. Их трюмы были забиты беженцами, находившимися в непередаваемых бесчеловечных условиях. Американские законы, регулирующие перевозку скота на бойни, не допускают того, что была вынуждена претерпевать в этих древних посудилах интеллигенция Центральной Европы. Отвратительные невольничьи транспорты минувшего века были и то лучше, ибо рабы имели свою рабскую цену, и набитые ими караваны без задержки шли к месту назначения. Еврейским же беженцам было так и суждено дрейфовать по буквально кипевшему от зноя морю вдали от постороннего глаза в отчаянной надежде, что капитан, быть может, рискнет высадить их нелегально на берег Палестины.

Во время нашего пребывания в Бейруте какое-то обветшалое грузовое судно, набитое 650 беженцами... было разгружено на несколько дней на карантинной станции. На корабле было такое обилие крыс, что пришлось высадить пассажиров, чтобы справиться с этими тварями. Мы выяснили, что люди плавали вот уже примерно одиннадцать недель

в тесных деревянных отсеках, на которые были поделены четыре грузовых трюма. Теснота, чудовищные по своей антисанитарии условия и лишения, выпавшие на долю этих людей, не могли не породить в нас самое высокое восхищение их мужеством и силой духа. Мы с удивлением обнаружили, что эти бывшие граждане Чехословакии обладали очень высоким уровнем европейской культуры... Сорок два из них были юристами, сорок — инженерами, двадцать шесть — врачами, хирургами, гинекологами; кроме того, среди них можно было обнаружить профессиональных писателей и одаренных музыкантов, фармацевтов и медицинских сестер... Без документов, без подданства, эти способные приносить пользу и в высшей степени образованные люди являли собой одно из самых трагических зрелищ нашей эпохи. Ни один посол, ни один консул не выступил, чтобы добиться для них прав и привилегий, которыми пользуются самые последние граждане самой крошечной страны”.

(У. К. Лаудермилк. Палестина. Земля обетованная. 1944)

Таково положение евреев, и нет гарантии, что после этой войны где-нибудь не сохранится или не оживет антисемитизм. Даже если мы оставим в стороне духовные, религиозные и культурные связи, делающие Палестину единственным местом на свете, которое гонимые евреи могли бы считать своим домом и в чье развитие могли бы вложить весь пыл, нет во всем мире иной, пригодной для человеческого существования страны, которую могли бы предложить этому затравленному народу многочисленные конференции по проблемам беженцев. Евреи готовы пойти на крайние жертвы и изнурительный труд

ради превращения узкой полоски земли, именуемой Палестиной, в процветающую страну, в цивилизованный край.

Многого смогла добиться еврейская молодежь за несколько десятков лет сионистской поселенческой деятельности. Сведения об этом легко почерпнуть в книге доктора Лаудермилка. Полученные в наследство от времен арабского владычества пустыни, скалы и бесплодная земля превратились в процветающие фермы и плантации, появились леса и современные города. Евреи создали новые формы кооперативных поселений и подняли уровень жизни и арабского, и еврейского населения. Евреи желают и готовы гарантировать охрану святых мест и гражданских прав арабов и христиан (вплоть до автономии). Эту гарантию будет обеспечивать превосходящая мощь их соседей, на сотрудничество с которыми рассчитывают евреи. Евреи также предлагают свою помощь и опыт для экономического и научного развития арабских государств, для подъема уровня жизни населения в этих государствах.

Но, увы, именно этого и не желают арабские лидеры. Ведь истинный источник арабского сопротивления и ненависти — не религиозный или политический, а социальный и экономический. Арабское население Палестины ничтожно в сравнении с громадным числом арабов, заселяющих североафриканские и азиатские колонии европейских метрополий. Арабские вожди не подняли мусульманский мир на борьбу с режимом Муссолини в Ливии⁴⁷; большинство из них было с этим режимом в превосходных отношениях. Иерусалимский муфтий и прочие арабские руководители стали в высшей степени уважаемыми гостями в Риме. Богатые арабские землевладельцы палец о палец не ударили для улучшения природных условий, для подъема общей культуры или жизненного уровня своих стран. Богатые арабские страны мало населены, массы людей обре-

таются в условиях отсталости и нищеты. "Жизнь в Дамаске в восьмом веке немногим отличалась от того, что мы видим сегодня", — говорит профессор Хитти в своей книге об арабах ("История арабов", 1937). Однако влиятельные эфенди⁴⁸ страшатся того примера, который может дать еврейская поселенческая деятельность в Палестине народам Ближнего Востока; они приходят в негодование, наблюдая экономический и социальный подъем в среде арабских тружеников Палестины. Их действия подобны действиям всех фашистов: свой страх перед социальными реформами они скрывают под националистическими лозунгами и демагогией. Не будь этих вождей и подстрекателей, между арабским и еврейским народами можно было бы наладить превосходное согласие и сотрудничество.

Мы не ставим перед собой националистические цели. Ни мы, ни подавляющее большинство еврейского народа не отстаиваем идею создания государства ради националистической экспансии и самовозвеличивания. Такой подход противоречит традиционным ценностям иудаизма. С нашей точки зрения, он повсеместно устарел. Выступая за еврейскую Палестину, мы хотим содействовать созданию убежища, в котором гонимые могут обрести безопасность, мир и неколебимое право жить по своим собственным законам и обычаям. Многовековой опыт учит, что это дается исключительно самоуправлением, а отнюдь не иностранной опекой. Вот почему мы выступаем за Палестину под еврейским контролем, сколь бы скромной по размерам территории она ни была. Мы не ссылаемся на исторические права. Хотя, если и существует такое понятие как исторические права на землю, то у евреев, по меньшей мере, столько же прав на Палестину, сколько и у арабов. Мы не прибегаем к угрозе применить силу, поскольку таких сил у евреев нет; они являются наиболее обессиленной этнической группой на всей планете. Обладай они какой-нибудь

силой, они смогли бы воспрепятствовать уничтожению миллионов своих соплеменников и не дали бы закрыть последний спасительный канал для беспомощных жертв нацизма. То, к чему мы взываем, есть элементарное чувство справедливости и гуманности. Мы знаем, насколько слаба эта позиция. Но мы также знаем, что если в грядущем устройстве мира будут преобладать аргументы с позиции силы, религиозного эгоизма и священных войн, то гибель неминуема не только для евреев, но и для всего человечества.

Ответ Филиппа Хитти

Доктор Эйнштейн и доктор Калер критически оценивают мои показания комитету по иностранным делам палаты представителей и называют их "односторонними". После нескольких дней просионистских показаний меня пригласили представить другую сторону в соответствии с прочно укоренившейся демократической практикой. И мои показания следовали за показаниями множества сионистов, отличаясь от них лишь в одном: они действительно представляли противостоящую сторону.

Первым аспектом критического выступления двух известных авторов является исторический. Они утверждают, что "у арабов нет приоритета на эту землю", поскольку "считается, что и евреи, и арабы происходят от одного и того же предка, от Авраама, переселившегося в Ханаан (то есть в Палестину)". Однако, когда Авраам переселился в Ханаан, он не нашел эту землю безлюдной, как могло бы показаться при поверхностном знакомстве с талмудической литературой. Так называемые арабы Палестины, в том числе и христиане, являются современными представителями древнего местного народа. Евреи пришли и ушли. Местное население

осталось. Еврейское Израильское царство было разгромлено в 722 году до н.э. ассирийским царем Саргоном II; то же самое произошло в 586 году до н.э. с Иудейским царством после вторжения Навуходоносора. Сначала десять, а затем еще два еврейских племени были уведены в плен⁴⁹. Все проблемы национальной жизни были подавлены последующими правителями, и влияние евреев на Палестину исчезло.

Затем два автора перешли к обсуждению иной исторической проблемы. Они утверждают, что "арабы внесли свою лепту в изгнание евреев с их родины и, следовательно, в возникновение еврейской проблемы". По-видимому, оба критика не осведомлены о том, что мусульмане завоевали Палестину в VII столетии этой эры (в ту пору Палестина была христианской, а не еврейской), победив византийцев. Византийцы же унаследовали ее от римлян, которые в свою очередь вырвали страну из-под власти Селевкидов, преемников Александра Македонского. Последний завладел ею после персов, которые в 538 году до н.э. разгромили Халдейскую державу, удерживавшую контроль над Палестиной со времен нашествия Навуходоносора. Даже поверхностное ознакомление с той самой "Историей арабов", которую два джентльмена цитировали по иному поводу, помогло бы избежать этой ошибки. Однако доктор Эйнштейн явно знаком с предпосылками и деталями арабо-еврейской проблемы не более, чем я — с его теорией относительности.

Используя мои показания как трамплин, два ученых игнорируют аргументы, выдвинутые против политического сионизма в британских, американских и еврейских кругах. Они продолжают отстаивать ортодоксальную сионистскую доктрину, одновременно уверяя, что они "не выступают от имени сионистского движения". Их доводы — не что иное, как перепевы повторяемых годами сионистских аргумен-

тов. В последние месяцы они заполнили радио, газеты, книги, программные документы различных организаций и пропагандистские издания. При более тщательном рассмотрении ни один из этих аргументов не выдерживает критики.

Первым в этом списке стоит довод "невладения против владения". "Арабам принадлежат семь больших стран, — говорят нам. — С другой стороны, эта маленькая страна Палестина является единственным местом на свете, неоспоримо и глубоко связанным с еврейским народом". Не чувствуют ли в этих словах знакомую ноту те читатели, что знакомы с апологиями современной агрессии? Если припомнить, иммиграция и поселенческая деятельность есть не что иное как форма замаскированной агрессии. В случае с политическим сионизмом они откровенно названы как вторжение, хотя и мирное. Это следует из резолюции, представленной на рассмотрение комитетов Конгресса:

"Соединенные Штаты должны использовать свою добрую волю и принять соответствующие меры, чтобы ворота Палестины распахнулись для свободного въезда в эту страну и чтобы были предоставлены все возможности для ее заселения. При этих условиях еврейский народ сможет полностью восстановить Палестину как свободное и демократическое еврейское государство".

В одном из официальных докладов Британской комиссии⁵⁰ сказано, что арабы именуют процесс еврейского проникновения в Палестину "ползучим завоеванием". Это и есть ползучее завоевание. Недавно Ирак направил ноту протеста в Вашингтон; в ней этот пункт резолюции приравнен к объявлению войны арабам Палестины.

От изложенного выше и часто повторяемого аргумента доктор Эйнштейн и его союзник переходят к другому, также часто используемому. На этот раз

речь идет о гуманитарном доводе: внимание акцентируется на положении европейских евреев в период власти Гитлера и на необходимости смягчить их страдания. В Соединенных Штатах организованная оппозиция "восстановлению Палестины как еврейского государства" исходит от самих евреев. Но их позиция несколько стеснена, потому что не могут же они выглядеть глухими к призыву о гуманности. Пишущий эти строки заявил после показаний в комитете Конгресса: "Как американский гражданин я приветствовал бы закон, допускающий в ту страну и евреев, и неевреев". Официальная точка зрения нашего правительства на проблему беженцев была выражена помощником государственного секретаря Брекенриджем Лонгом в недавних показаниях перед комитетом Конгресса. Обсудив рекомендации Бермудской конференции⁵¹, проходившей под председательством нашего соотечественника Додда, господин Лонг дал ясно понять, что проблема еврейских беженцев не может рассматриваться изолированно и что правительство не исключает другие народы из сферы своего внимания.

Действия множества американских сенаторов, членов палаты представителей, губернаторов (в том числе и Дьюи⁵²) и других высших представителей власти, стремящихся в предвыборном году подписаться под многочисленными сионистскими манифестами, выглядят ханжескими: похоже, ни один из этих джентльменов палец о палец не ударил, чтобы поднять шлагбаум на пути иммиграции в Соединенные Штаты. Пусть англичане заставят палестинцев впустить еще больше сионистов, пока пришельцы не составят большинства и не приберут к рукам власть. Такова суть с легкостью принятого решения одной из наиболее запутанных мировых проблем! А ведь за последние два десятка лет палестинцы стали свидетелями прибытия сотен тысяч евреев.

Третий аргумент, выдвинутый Эйнштейном и Ка-

лером, также не отличается новизной; он посвящен развитию края. "Они (сионисты) получили в наследство пустыни, скалы и бесплодную землю, превратили все это в процветающие фермы и плантации, появились леса и современные города". И это — старая песня для тех, кто уже слышал, к примеру, апологетов политики Италии в Триполитании в 1912 году или в Абиссинии в 1935 году⁵³. Но будь что будет; тот, кто знаком с экономической ситуацией не понаслышке, с легкостью "проколет" этот мыльный пузырь широко разрекламированного "преуспевания Палестины". Истина же состоит в том, что сионистские колонии до сих пор держатся на благотворительности. Их "преуспевание" точно так же далеко от подлинного положения дел, как пухлая, румяная, пышущая здоровьем щека — от надутой и напояженной. Согласно английским источникам, сегодня "национальный очаг в Палестине" самоокупается на 40 процентов. По сообщению генерального консула Соединенных Штатов в Иерусалиме, в Палестину ежегодно только из США щедрой рукой переводится 5,5 миллиона долларов. Прекратите этот процесс "искусственного дыхания" — и нетрудно догадаться, что произойдет. Неустойчивое состояние всей экономики этого края проявляется в том, что в 1926—1927 годах импорт превосходил экспорт в пять раз, а в 1937—1939 годах — в два с половиной раза. Что же касается тех преимуществ, которые, как многократно заявлялось, обрело местное население, то достаточно процитировать статью 3-ю устава Еврейского Агентства (устав подписан в Цюрихе 14 августа 1929 года): "Приобретенная земля должна считаться неотчуждаемой собственностью еврейского народа" (это условие включается в любой договор об аренде). И далее: "На всех работах или предпрятиях, развернутых или запланированных Агентством, в качестве принципиальной основы будет рассматриваться использование еврейского труда",

что означает постоянный бойкот арабского труда.

Заявление доктора Эйнштейна и доктора Калера кончается на смиренной ноте. "Мы не прибегаем к угрозе применить силу, ибо у евреев нет таких сил" и т.д., что не согласуется с недавними декларациями сионистских ораторов и сообщениями о контрабандном ввозе оружия, а также об изготовлении ручных гранат и о взрывах бомб в Палестине. Один из сионистских ораторов, Зиф⁵⁴, хотел бы "заставить арабов убраться в пустыню, откуда они пришли". Вождь сионизма Вейцман⁵⁵ был бы не прочь "способствовать" выселению арабов из Палестины. Еще более откровенен Бен-Хорин⁵⁶. Он хотел бы решить проблему раз и навсегда путем переселения арабов не только Палестины, но и Трансиордании в Ирак, чтобы освободить место сионистам (так сообщалось на страницах его книг и в рекламе "Нью-Йорк Таймс", подписанной группой известных и богатых американцев). Воинствующий сионизм совершенно иной, нежели тот, каким его стремятся изобразить два моих уважаемых оппонента.

Трезво и практически мыслящие евреи понимают, что именно агрессивный политический сионизм дает пищу антисемитизму. Они осознают несостоятельность сионистской политической программы, считают иудаизм религией, а не политической идеологией, и признают, что грандиозный вклад Израиля на протяжении веков сделан в духовной и интеллектуальной сферах человеческого бытия, а не в области политики. У них нет никакого желания лишать арабское население политических прав, гарантированных ему Декларацией Бальфура, и они предпочитают видеть некое *Палестинское государство* — не еврейское и не мусульманское, — в котором все граждане независимо от вероисповедания или происхождения пользуются равными правами и свободами. Они знают, что на самом деле после окончания войны многие

европейские евреи захотят вернуться в свои прежние страны, где они в первую очередь были гражданами, а уж во вторую — евреями; если эта война не будет гарантировать совместное проживание европейских евреев и неевреев в мире и согласии, она велась напрасно. По последним сообщениям, из находящихся ныне в Палестине 5500 американских евреев лишь 100 человек отказались от американского гражданства, а остальные до смерти боятся, что из-за войны они потеряют возможность вернуться в Соединенные Штаты. По крайней мере, для того, чтобы продлить свои паспорта. Похоже, реалистично мыслящие арабы начинают осознавать, что многие из находящихся в Палестине евреев намерены там остаться и что в интересах самих арабов (а также их будущего благополучия) наладить равноправное сотрудничество с вновь прибывшими.

Тогда новая Палестина станет достойной своего славного имени и благородного наследия.

Ответ Альберта Эйнштейна и Эриха Калера

Профессор Хитти нашел у нас несколько маленьких "пузырей" и хлопнул по ним, однако большие оставил нетронутыми. Тем не менее, как мы вскоре увидим, даже "прихлопнутые" все еще блещут на солнце.

Начнем с пресловутого вопроса о приоритете. Утверждают, что арабы Палестины (ныне их именуют "так называемые арабы") ведут свое происхождение от обитателей этого края, осевших в нем еще до прихода праотца Авраама. Это могло бы кардинально отделить палестинских арабов от всей остальной арабской нации. Профессор Хитти видит у корней этого родословного дерева обитавших в Ханаане аморреев⁵⁷, от которых прослеживает происхождение арабов. На это возразим, что у нас есть свои хетты⁵⁸, также принадлежавшие к древнему на-

селению Ханаана. Некоторые ученые, в том числе и профессор Хитти, частично выводят родословную нынешних евреев отчасти от них. И, таким образом, мы опять квиты. Однако все эти расовые генеалогии невозможно ни доказать, ни оспорить — они остаются абсолютно гипотетичными и потому в весьма высокой степени ненадежными. Множество народов прошло через эту землю в бурное тысячелетие раннего этапа нашей истории, множество миграций и смешений рас проходило в ту пору, что явствует из библейской истории... Поэтому связь современных "так называемых арабов" с древними ханаанеями вряд ли может быть обозначена как "наследие". Кроме того, как уже говорилось, весь этот сюжет относительно "приоритета" ныне не стоит и выеденного яйца на фоне острых мировых проблем.

Что же касается завоевания арабами Палестины, то мы также наслышаны о Навуходоносоре и Кире, Александре Великом и Тите, о чем и говорили в своей статье. Мы даже осведомлены о том обстоятельстве, что мусульмане отбили Палестину у христиан — византийцев, а не у евреев. Однако арабское завоевание Палестины было объявлено некой "священной войной". Это привело к арабским претензиям на страну и даже в XX столетии побудило одного арабиста по имени профессор Хитти утверждать, что "эта земля была дана им Аллахом в результате священной войны — джихада, а потому для мусульман уступить свои права на нее равносильно вероотступничеству". В этом отношении арабское завоевание Палестины в самом деле внесло свою лепту в изгнание евреев с их родины.

Профессор Хитти заявляет: "Евреи пришли и ушли. Местное население осталось". На сегодня бесспорно другое: израильтяне (мы предпочитаем употреблять этот термин, поскольку арабы также принадлежат к "еврейским" народам) пришли, но никогда не уходили. Из нарисованной профессором Хитти картины

может сложиться впечатление, будто еврейская история в Палестине после разрушения Израильского и Иудейского царств и вавилонского пленения в VI веке до нашей эры затянулась не очень надолго. Несколько "проблесков национальной жизни" — и все. Однако после вавилонского пленения начался второй великий период, истинное возрождение еврейской Палестины. С одной стороны, оно привело к созданию Иерусалимского Талмуда⁵⁹, с другой, — к зарождению христианства в недрах иудаизма. Если бы мы хотели позлорадствовать, мы могли бы поинтересоваться у профессора Хитти, слыхивал ли он что-нибудь о восстании Маккавеев⁶⁰? И о последовавшем затем образовании и существовании в течение почти целого столетия Хасмонейского царства? Несомненно, он об этом слышал.

Еврейский патриархат⁶¹ в Палестине был отменен лишь в 429 году нашей эры. На протяжении веков в Палестине постоянно существовали еврейские общины. В X веке арабский географ Мукадасси⁶² сетовал, что в Иерусалиме преобладает еврейское население. Начиная с XV столетия процветающим центром еврейской интеллектуальной жизни стал город Цфат в Верхней Галилее, в котором развивалось мистическое учение — каббала⁶³. Лишь спустя два века из-за гонений турецких властей город пришел в упадок. После изгнания испанские евреи нашли убежище на своей древней родине; освобождению и возрождению еврейской Палестины способствовали мессианские движения VIII, XVII и XVIII веков. И всегда со всех концов света двигались в Палестину евреи, почувствовавшие близость смертного часа, желавшие встретить его и упокоиться в Святой Земле.

Профессор Хитти трактует еврейскую иммиграцию в Палестину как "тихое вторжение" и "ползучее завоевание". Различие между обычным завоеванием и этим "ползучим" состоит в том, что в результате одного мы видим руины, а в результате другого

— подъем жизненного уровня "завоеванного" населения. Улучшение условий жизни арабов в результате сионистской деятельности — несомненный факт, подтвержденный официальными докладами британской администрации. Инспектировавшая Палестину зимой 1936—1937 годов британская королевская комиссия заявила:

(1) Значительный ввоз еврейских капиталов в Палестину оказал плодотворное воздействие на экономическую жизнь страны. (2) Развитие арабской промышленности и производства цитрусовых в основном финансировались этим капиталом. (3) Пример евреев оказал большое влияние на сельское хозяйство арабов, в особенности на выращивание цитрусовых. (4) Благодаря еврейским разработкам и деловой активности в городах выросло использование арабской рабочей силы, в частности в портах. (5) Мелиорация и меры по борьбе с малярией, предпринятые в еврейских поселениях, оказали благотворное воздействие на все арабское население, проживающее в этом регионе. (6) Учреждения, основанные на еврейские средства с целью обслуживать еврейский национальный очаг, ныне оказывают услуги также и арабскому населению. Так, к примеру, медицинский центр "Хадаса" в Иерусалиме, прославившийся своим туберкулезным институтом, предоставляет арабскому сельскому населению право лечиться в клиниках "Сельского медицинского благотворительного фонда" и многое делает для медицинского обслуживания арабских детей. (7) Общее благотворное воздействие еврейской иммиграции на благосостояние арабского населения подтверждается тем фактом, что рост арабского населения особенно заметен в городских рай-

онах, находящихся в сфере плодотворной деятельности евреев. (8) Общий уровень социальных служб неуклонно возрастал на благо феллахов (арабских крестьян)... средства, необходимые для деятельности этих служб, в основном предоставлялись евреями”.

Еврейское Агентство, предназначенное поощрять еврейское предпринимательство, естественно, обязано покровительствовать еврейскому труду. Это отнюдь не означает бойкот арабов. Множество арабских рабочих занято на частных еврейских плантациях и производствах. Заработная плата в Палестине более чем вдвое превышает заработную плату в Сирии и более чем втрое — в Ираке.

Давайте сравним ситуацию в Палестине с тем, что творится в управляемых арабами государствах. “Положение феллахов в Ираке крайне плачевно, — заявляет Лаудермилк, — даже в перенаселенном Китае я никогда не видывал столь скверных условий существования, которые обнаружил на малозаселенных, но потенциально богатых землях в междуречье Тигра и Ефрата”. Другой специалист по проблемам этого региона, Эрнест Мэйн, сообщает: “Доход феллахов и кули¹⁴ в день на человека составляет менее чем одно пенни... На такие средства существуют, по-видимому, около двух миллионов граждан страны, и можно себе вообразить, какова их покупательная способность и каков достаток”.

Взгляните на положение крестьян Трансиордании, включенной в сферу действия британского мандата. Верховный комиссар сэра Артура Уокопа на XXVII сессии постоянной Мандатной комиссии отзывался о нем следующим образом: “Вследствие нищеты налогоплательщиков (правительство) должно было опираться исключительно на субсидии” (именуемые профессором Хитти “милостыней”). Арабские крестьяне и рабочие открыли для себя более высокий уровень жизни в Палестине в период между 1933 и 1936 го-

дами. Именно поэтому сюда иммигрировало более 30 тысяч арабов из Ирака, Сирии, Трансиордании и даже Аравийской пустыни. Эмиграция арабов из арабских стран вдвое превысила их выезд из Палестины.

Профессор Хитти упрекает палестинскую экономику за ее внешнюю зависимость. Это равносильно тому, чтобы осуждать ребенка за его зависимость от своей семьи. Еврейской экономике пришлось начинать с нуля. Землю покупали по ценам, значительно более высоким, нежели ее реальная стоимость; зачастую втрое, а то и вчетверо они превышали цены на земли аналогичного типа в Сирии или Южной Калифорнии. Не было ни машин, ни удобрений, ни сырья. И тем не менее даже профессору Хитти приходится признать, что за десятилетие, т.е. с 1927 по 1937 годы, импорт в Палестину сократился наполовину. Попытаемся представить себе перспективы страны и обратимся к заключению сэра Чарльза Уоррена — британского ученого из "Фонда исследования Палестины". Еще в 1875 году он писал: "Дайте Палестине хорошее правительство и разверните экономическую жизнь населения — и число ее жителей возрастет десятикратно, и еще останется место для других". Наконец, вот что заявлял человек, которого уж никак нельзя обвинить в пристрастном отношении, — Т. Лоуренс, или Лоуренс Аравийский⁶⁵, один из наиболее преданных друзей арабов: "(В древности) Палестина ни в чем не уступала другим странам, и она с легкостью может снова стать такой же. Чем скорее евреи займутся там сельским хозяйством, тем быстрее начнется улучшение: их поселения — точно оазисы в пустыне".

В одном мы можем согласиться с профессором Хитти: среди евреев также есть свои "твердолобые" и свои террористы, хотя соответственно их намного меньше, чем у других народов. Мы не станем прикрывать или защищать этих экстремистов. Они — по-

рождение горького опыта. В его основе лежит убеждение, что в наше время только угрозы и насилие приводят к успеху, а справедливость, искренность и способность считаться с другими терпят жестокое поражение. Однако что касается доктора Вейцмана, мы должны поправить цитату, приводимую профессором Хитти. Доктор Вейцман никогда не угрожал арабам изгнанием. Отрывок, на который ссылается профессор Хитти, звучит следующим образом:

”Все м гражданам без различия расы или религии должны быть предоставлены полные равные гражданские и политические права и, кроме того, арабы должны получить полную автономию в своих собственных внутренних делах. Но если какие-либо арабы не желают оставаться в еврейском государстве, им следует предоставить все возможности для переезда в одну из многочисленных арабских стран”.

В 1919 году доктором Вейцманом, Т. Лоуренсом и покойным эмиром Фейсалом⁶⁶, являвшим собою более величественный тип вождя, нежели нынешние, было разработано превосходное арабо-еврейско-британское соглашение. Фейсал провозглашал:

”Арабы, особенно образованная часть нашего народа, с глубокой симпатией смотрят на сионистское движение... Своекорыстные группы уже успели нажить капитал на том, что они именуют ”нашими различиями”... Я хочу выразить свое твердое убеждение в том, что эти различия... с легкостью преодолимы при наличии обоюдной доброй воли”.

Давайте же завершим нашу дискуссию пылкой надеждой на то, что в послевоенном устройстве мира будет царить дух этого великого арабского лидера и что все проблемы будут решаться не на шаткой основе местнических и эгоистических интересов, а на прочном фундаменте блага человека.

ЗА ЧТО ОНИ НЕНАВИДЯТ ЕВРЕЕВ?

Я хотел бы начать с одной старинной басни, внеся в нее лишь несколько незначительных изменений, — басни, которая поможет понять мотивы политического антисемитизма.

Как-то подпасок сказал коню: "Ты — самое благородное животное из всех обитающих на Земле. Ты достоин жить беззаботно и счастливо. И твое счастье, несомненно, было бы полным, если б не коварный олень. Увы, он с раннего детства учился двигаться быстрее тебя. Стремительным бегом он раньше тебя достигает полыньи. Он и его племя выпивают воду повсюду, а ты и твои жеребята лишь мучаетесь жаждой. Оставайся со мной! Мой здравый смысл и наставления избавят тебя и твой род от тягостного и недостойного положения".

Ослепленный завистью и ненавистью к оленю, конь согласился. Он позволил подпаску надеть на себя узду. Он потерял свободу и превратился в раба пастишонка.

В образе коня в этой басне предстает народ, а под личиной подпаска скрываются тот или иной класс или клика, мечтающие об абсолютной власти над народом. С другой стороны, под видом оленя выступают евреи.

Я уже предчувствую возражения: "В жизни не слышали более невероятной басни! Не рождалось еще столь глупое животное, каким здесь выведен конь". Но давайте призадумаемся. Время от времени конь страдал от мучительной жажды, и его самолюбие получало чувствительный укол, когда он видел опередившего его проворного оленя. Вы, не знакомые с этой болью и раздражением, быть может, с трудом поймете, как ненависть и ослепление могли заставить коня действовать с такой опрометчивой и легковверной поспешностью. Однако конь так легко поддался потому, что был подготовлен к этому всем

пережитым. Ибо глубокая правда кроется в поговорке, замечаящей, что легко давать верные и мудрые советы -- другим! — однако труднее верно и мудро поступать самому. Я заявляю с полной уверенностью: мы все часто оказывались в положении коня и постоянно рискуем обмануться вновь.

Ситуация, обрисованная в басне, вновь и вновь повторяется в жизни отдельных людей и целых народов. Вкратце этот процесс мы можем определить как перенесение ненависти и антипатии того или иного человека или группы людей на другого человека или социальную группу, не способных к эффективной защите. Но почему роль оленя из басни столь часто выпадала на долю евреев? Почему евреи многократно становились объектом массовой ненависти? Прежде всего потому, что они рассредоточены среди множества народов, и повсюду их слишком мало, чтобы суметь защититься от гонений.

Доказательством могут служить несколько примеров из недавнего прошлого. К концу XIX века русский народ страдал под гнетом своего правительства. Грубейшие промахи во внешней политике еще более накалили атмосферу, и она дошла до критической отметки. В этой обстановке правители России решили отвести недовольство, натравив на евреев озверевшие толпы. К этой тактике русское правительство прибегло еще раз, потопив в крови революцию 1905 года. Этот маневр в немалой мере помог режиму сохранить власть почти до конца Первой мировой войны.

Когда немцы потерпели поражение в мировой войне, замысел и подготовка которой были делом правящих классов, истинные виновники происшедшего немедленно попытались обвинить евреев сначала в развязывании войны, а затем — в поражении. Со временем эти усилия начали приносить успех. Ненависть, возбуждаемая против евреев, не только защитила господствующие классы, но и помогла маленькой,

беспринципной и агрессивной группе полностью поработить немецкий народ.

На протяжении веков евреев обвиняли в преступлениях, которыми оправдывали обращения против них зверства. Им приписывали отравление здоровых людей. Говорили, что их религиозные ритуалы строятся на детоубийстве. Им вменяли в вину постоянное стремление овладеть экономической властью, чтобы поработить все человечество. Специально написанные псевдонаучные книжки клеймили их как скверное, опасное племя. Их наделяли репутацией поджигателей войн и вдохновителей революций — и все это исключительно в своих собственных эгоистических целях. Их выставляли как опасных новаторов и одновременно — как врагов всяческого прогресса. Их обвиняли в фальсификации культуры других народов, осуществлявшейся якобы путем проникновения в чужую национальную жизнь под личиной ассимиляции — и буквально тут же, не переводя дыхания, их объявляли столь отсталыми и закостенелыми, что оказывалось невозможным приспособить их к какому бы то ни было обществу.

Обвинения, выдвигавшиеся против евреев, были чудовищны, и хулители знали, что все сказанное — ложь с самого начала, но в который раз клевета, снова и снова проникала в массы. В годину беспорядков и смятения толпы обуреваемы ненавистью и жестокостью, в то время как в мирные годы эти качества человеческой натуры таятся под спудом.

До сих пор я говорил только о насилии и притеснениях евреев. Однако антисемитизм как психологический и социальный феномен существует даже в те времена и в тех обстоятельствах, когда против евреев не предпринимается что-либо из ряда вон выходящее. В этом смысле можно говорить о скрытом антисемитизме. На чем он основывается? Я думаю, что найдутся люди, искренно защищающие его как

нормальное явление в жизни народа.

Члены какой-либо группы, обитающие в инонациональной среде, поддерживают более тесные связи внутри своей группы, нежели с остальным населением. В результате до тех пор, пока они будут выделяться из общей массы, представители большинства будут испытывать напряженность в общении с членами этих групп. По моему мнению, однородность населения — отнюдь не привлекательная цель, даже если бы она и была достижимой. Общие убеждения и задачи, сходные интересы сформируют в любом обществе круги, действующие в определенном смысле по принципу союзов. Между ними всегда будут возникать те же трения и то же соперничество, какие существуют и в отношениях между людьми.

Вероятно, потребность в подобных группировках наиболее очевидна в сфере политики — конкретнее, в процессе образования политических партий. Без партий политические интересы граждан любого государства, несомненно, увянут. Не будет форума для свободного обмена мнениями. Личность окажется в изоляции и не сможет отстаивать свои убеждения. Более того, различные политические взгляды формируются и развиваются только в условиях взаимной стимуляции и критики — политика ничем не отличается от любой иной сферы нашего культурного существования. Поэтому общепризнанно, что во времена особого накала религиозных страстей возникают разнообразные секты, чье соперничество стимулирует религиозную жизнь в целом. С другой стороны, хорошо известно, что централизация, то есть ликвидация отдельных групп, ведет к односторонности и бессодержательности в науке и искусстве, поскольку такая централизация препятствует любому противоборству мнений и тенденций и даже подавляет их.

Так что же это такое — еврей?

Образование групп сказывается на всех сферах человеческой деятельности. Быть может, наиболее явно это проявляется в борьбе отдельных групп за свои идеалы и чаяния. Евреи также образуют группу со своим собственным характером, и антисемитизм есть не что иное как антагонистическое отношение, вызванное еврейской группой в нееврейской среде. Это — нормальная социальная реакция. Однако в политической брани, порожденной такой реакцией, этому явлению было дано особое название.

Каковы характеристики еврейской группы? Что, в первую очередь, свойственно еврею? С легкостью на этот вопрос ответить нельзя. Наиболее очевидным ответом мог бы стать следующий: еврей — это личность, исповедующая иудаизм. Поверхностный характер такого определения немедленно выявляется следующим сравнением. Давайте зададим себе вопрос: что такое улитка? Ответ, сходный с тем, который мы только что дали, может выглядеть таким образом: улитка — это животное, обитающее в раковине. В целом здесь нет ничего ошибочного; однако эта формула не является исчерпывающей, поскольку раковина улитки оказывается одним из продуктов ее жизнедеятельности. Сходным образом иудаизм является одним из характерных продуктов жизнедеятельности еврейской общины. Более того, известно, что улитка может сбрасывать раковину, не переставая при этом быть улиткой. Отрекшийся от своей веры (в формальном смысле слова) еврей оказывается в сходном положении. Он остается евреем.

Сложности такого рода возникают при стремлении выявить сущностный характер любой группы.

Узы, тысячелетиями связывающие евреев и объединяющие их и поныне, — это, помимо всего, демократический идеал социальной справедливости вкупе с идеалом взаимопомощи и терпимости в отношениях

между всеми людьми. Даже наиболее древние религиозные писания евреев пронизаны этими общественными идеалами. Они оказали мощное воздействие на христианство и ислам, а также плодотворное влияние на социальную структуру большинства человеческих цивилизаций. Достаточно вспомнить введение еженедельного дня отдыха — величайшее благодеяние для всего человечества. Личности, подобные Моисею⁶⁷, Спинозе и Карлу Марксу⁶⁸, сколь бы несхожи они ни были, посвятили себя идеалу социальной справедливости. На этот тернистый путь их привела завещанная праотцами традиция. Из того же источника питается и не имеющая себе равных благотворительная деятельность евреев.

Другой характерной особенностью еврейской традиции является глубокое уважение, которым пользуется любая форма интеллектуального труда и духовного усилия. Я убежден, что именно благодаря почтению, которым пользуются в еврейской среде духовные стремления, евреи смогли внести свой вклад в познание в самом широком смысле этого слова. Учитывая их относительную малочисленность и постоянные преграды на протяжении исторического пути, весомость сделанного ими вклада не может не вызвать восхищение у любого честного человека. Я убежден, что в основе этого явления лежит не какое-то изобилие талантов, а то уважение, каким пользуется среди евреев интеллектуальное совершенство и которое порождает особенно благоприятную атмосферу для расцвета всевозможных дарований. В то же время сохраняющийся дух суровой критики не дает развиваться слепому преклонению перед какой бы то ни было авторитетной личностью.

В данном случае я коснусь лишь двух традиционных особенностей, которые представляются мне наиболее существенными. Стандарты и идеалы, о которых говорилось ранее, проявляются в малых делах точно так же, как и в больших. Они передаются

от родителей детям; они придают особый колорит беседам и обмену мнениями в кругу друзей; ими полны религиозные тексты; они накладывают особый отпечаток на всю жизнь сообщества. Именно в этом я вижу сущность еврейской натуры. То, что в повседневной жизни группы эти идеалы реализуются не в полной мере, вполне естественно. Однако, если кто-либо захочет дать сжатую характеристику какой-либо группы, подход должен всегда лежать на путях идеала.

Иногда притеснение — стимул

Ранее я представил иудаизм как общность традиции. С другой стороны, как друзья, так и недруги утверждают, что евреи представляют расу и что их характерное поведение является результатом врожденных качеств, передаваемых по наследству из поколения в поколение. Эта точка зрения становится весомой, поскольку на протяжении тысячелетий евреи совершали браки преимущественно внутри своей собственной группы. Подобный обычай может и в самом деле сохранить расовую однородность --- но только в том случае, если он имел место изначально. Если же изначально существовала система межрасовых смешений, то создать единую расу он не может. Евреи, однако, раса смешанная, равно как и все другие группы нашей цивилизации. Такой точки зрения придерживаются непредвзятые антропологи; все остальные суждения лежат в сфере политической пропаганды и, следовательно, должны быть оценены соответствующим образом.

Можно предположить, что еврейская группа расцвела не только благодаря своей собственной традиции, но главным образом из-за притеснений и антагонизма, с которыми сталкивалась в мире на протяжении всей своей истории. В этом, несомненно,

кроется одна из основных причин ее существования, идущего сквозь тысячелетия.

Сегодня евреев примерно 16 миллионов человек⁶⁹ — это менее одного процента от численности всего человечества; это также равно примерно половине населения современной Польши. Их значение как политического фактора ничтожно. Они разбросаны почти по всему свету и никак не могут объединиться; это означает, что они не способны ни к какому радикальному действию в какой бы то ни было сфере.

Найдись кто-то, пожелавший воссоздать образ евреев исключительно по описаниям их врагов, он пришел бы к выводу, что они являют собой силу мирового масштаба. На первый взгляд, это кажется очевидным абсурдом — и тем не менее, по-моему, в этом заключении есть определенное рациональное зерно. Евреи как группа, возможно, и бессильны, но совокупность достижений отдельных членов этой группы в любой области значительна и говорит сама за себя, пусть даже эти достижения и были совершены с невероятными тяготами. Групповое сознание мобилизует потенциальные ресурсы и стимулирует самопожертвенные усилия личности.

Отсюда — и ненависть к евреям со стороны тех, у кого есть причины избегать просвещения масс. Более всего на свете эти силы боятся влияния интеллектуально независимых людей. Именно в этом я усматриваю истинную причину дикой ненависти к евреям в сегодняшней Германии. Для нацистской группировки евреи — не просто средство отвести от себя, истинных угнетателей, народное возмущение. Они видят в евреях неассимилируемый элемент, который нельзя заставить беспрекословно следовать обожаемой догме. Потому-то этот элемент представляет — пока он вообще существует — угрозу их владычеству своим настойчивым стремлением к просвещению широких народных масс.

Эта точка зрения отражает суть вопроса, что убеди-

тельно доказано торжественной церемонией сожжения книг, которую нацистский режим ввел вскоре после своего прихода к власти. Этот акт, бессмысленный с политической точки зрения, может быть понят только как мгновенный эмоциональный взрыв. Если так, то он представляется мне более характерным, нежели многие прочие, пусть даже более целенаправленные и практически значимые акции.

В сфере политических и социальных наук возросло справедливое недоверие к чрезмерным обобщениям. Когда над разумом столь безраздельно господствуют подобные обобщения, от внимания легко ускользают конкретные причинно-следственные отношения. Это ведет к искажениям реального многообразия событий. С другой стороны, отказ от обобщения означает вместе с тем отказ от понимания целого. Поэтому я считаю, что можно и должно идти на риск обобщений, не забывая при этом о скрытых в них неопределенностях. Именно в этом аспекте я хочу с максимальной осторожностью высказать свое понимание антисемитизма как явления.

Я усматриваю в политической жизни две противоположные и постоянно противоборствующие тенденции. Первая, оптимистическая, склонна извлекать выгоду из убеждения, что свободное раскрытие продуктивных способностей индивидуумов и групп естественным образом ведет к позитивному состоянию общества. Она признает необходимость стоящей над индивидуумами и группами центральной власти, но допускает за ней только организационные и регулирующие функции. Вторая, пессимистическая, действует исходя из предположения, что свободное взаимодействие личностей и групп ведет к развалу общества; она стремится основать общество исключительно на власти, слепом повиновении и принуждении. На деле эта тенденция пессимистична лишь до определенных пределов, поскольку в своем отношении к проводникам силы и власти она вполне благожела-

тельна. Сторонники этой второй тенденции — враги любой свободной группы, противящиеся развитию независимого мышления. Более того, они являются проводниками политического антисемитизма.

Здесь, в Америке, на словах все придерживаются первой, оптимистической тенденции. Тем не менее вторая тенденция представлена крайне широко. Она проявляется повсеместно, хотя по большей части стремится замаскировать свою сущность. Ее целью является политическое и духовное господство меньшинства путем скрытого контроля над средствами производства. Ее сторонники уже пытались использовать в своих целях оружие антисемитизма, равно как и ненависть к различным прочим группам. Они повторят свою попытку в будущем. Пока все подобные тенденции терпели крах благодаря отчетливому политическому инстинкту народа.

И так оно будет впредь, если мы останемся верными правилу: "Остерегайся льстецов, особенно когда они проповедуют ненависть".

1938

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭЙНШТЕЙНЕ

Свое право на бессмертную славу Альберт Эйнштейн завоевал присущим ему невероятным научным гением, в специфике которого я, подобно подавляющему большинству человечества, абсолютно некомпетентен. Повсеместно Эйнштейн был признан наиболее революционным новатором в физике после Ньютона. Это определяло то исключительное уважение и внимание, с которыми относились повсюду к его личности и к его суждениям по любым проблемам. Он это осознавал. Несмотря на свою потрясающую скромность, на смущение перед лестью и на неприязнь к рекламе, он испытывал удовольствие от мысли, что если вообще возможно преклонение перед отдельными личностями, то, скорее, оно выпадает на долю тех, кто прославился своими достижениями в сферах интеллекта и культуры. И в самом деле, если специалист в математической физике может стать всемирной величиной, то это является замечательным явлением и делает честь человечеству.

Если сравнить воздействие идей Эйнштейна на области, лежащие вне границ теоретической физики (и, вероятно, философии физики), с тем влиянием, которые оказывали труды других великих первопроходцев науки, то можно сделать один дополнительный вывод. Не углубляясь далеко в историю, начнем с Галилея. Его метод и его естественнонаучный подход сыграли решающую роль в развитии общественной мысли XVII столетия и оказали серьезное воздействие на проблемы, находящиеся за пределами научного поиска. Влияние идей Ньютона было безграничным; независимо от того, правильно они воспринимались или нет, вся программа Просвещения, особенно во Франции, вполне осознанно базировалась на принципах и методах Ньютона и черпала

свою уверенность и мощное влияние из его захватывающих достижений. А это, в свою очередь, изменило — естественно, в сторону усиленного развития — некоторые основные концепции и направления современной культуры Запада: этические, политические, технологические, исторические, социальные... Нет такой сферы мысли или жизни, которая избежала бы последствий этого культурного процесса.

В меньшей степени это справедливо по отношению к Дарвину⁷⁰ — теория эволюции задела многие сферы человеческого разума вне биологии. Она повергла в уныние теологов, воздействовала на исторические науки, этику, политику, социологию, антропологию. Социальный дарвинизм, основанный на неправильном толковании идей Дарвина и Хаксли⁷¹, с его евгенической и зачастую расистской подоплекой нанес социальный и политический урон обществу. Я, вероятно, не решусь отнести к разряду естествоиспытателей Фрейда⁷², однако его учение, несомненно, также оказало воздействие на области, далеко отстоящие от психологии, — историю, жизнеописания, эстетику, социологию, педагогику.

Но Эйнштейн? Его научные достижения относились к философии науки; его собственные взгляды — первоначальное восприятие феноменализма Маха⁷³ и и последующий отказ от его точки зрения — показывают, что он обладал даром мыслителя и, естественно, давал свою оценку основополагающим концепциям Спинозы, Юма, Канта, Рассела⁷⁴. В этом отношении Эйнштейн и Планк⁷⁵ были поистине уникальным явлением в среде выдающихся физиков нашего столетия. Однако воздействовал ли он на мировоззрение своего времени в целом? На мнение интеллектуалов? Несомненно, он являл собой героический образ — человек чистого сердца, величественного ума, выдающегося морального и политического мужества, посвятивший жизнь непоколебимому стремлению к правде, веривший в личную сво-

боду и социальное равенство, с симпатией относившийся к социализму и ненавидевший национализм, милитаризм, угнетение, насилие, потребительство. Но если отрешиться от этого материализованного воплощения человеческих добродетелей, отрешиться от его стремления к социальной справедливости и уникальной интеллектуальной мощи, то есть если не принимать в расчет его образцовую жизнь и его личность, которая является во мнении окружающих одной из наиболее развитых, уважаемых и гуманистичных во всем мире, — какое же воздействие оказал Эйнштейн на общество, где многие, судя по всему, руководствуются совершенно иными идеалами?

Слово "относительность" и по сей день ошибочно трактуется как релятивизм, отрицание истины или моральных и прочих ценностей, или, по крайней мере, сомнение в их объективном характере. Но это — очень старое и знакомое заблуждение. Релятивизм в том смысле, в каком его понимали древнегреческие софисты, римские скептики, французские и английские субъективисты, немецкие романтики и националисты и в каком он и поныне выводит из себя теологов, историков и широкую публику, полностью противоречил тому, во что верил Эйнштейн. Он был человеком ясных и твердых моральных убеждений, которые проявились во всей его жизни и в его делах. Его концепции объективной реальности была присуща научно обоснованная система; цель науки он видел в объективном познании независимо существующей реальности — пусть даже методы, при помощи которых это познание производилось и описывалось, являлись произвольными построениями человеческого разума.

В чем же заключается то общее воздействие, которое оказало его учение? Современная теоретическая физика не может даже в самых общих чертах получить столь удачное изложение теорий Эйнштейна на общепринятом языке, как, к примеру, были вы-

ражены Вольтером⁷⁶ основные концепции Ньютона. Выдающиеся умы Британии вроде Холдейна⁷⁷ и Герберта Сэмюэла⁷⁸ пытались извлечь из общей теории относительности общеметафизические или теологические истины. Как правило, они оказывались весьма банальными, но это лишний раз показывало, что таланты этих исследователей лежат в иных сферах.

Итак, воздействие научных идей Эйнштейна на общественную мысль своего времени остается под определенным сомнением. Однако бесспорно, что его взгляды соответствуют одному из наиболее позитивных политических явлений современности. Эйнштейн вложил свой престиж поистине всемирного масштаба, а по сути — и душу, в движение, направленное на создание государства Израиль. И отдельные личности, и целые нации в долгу перед теми, кто помогал им улучшить свое самочувствие. Ни один сколько-нибудь уважающий себя сионист не откажется, будь у него такая возможность, воздать Эйнштейну должное. На протяжении всей жизни Эйнштейн не переставал поддерживать сионистское движение и интересоваться Еврейским университетом. Не раз он спорил с Вейцманом; его отношение к Еврейскому университету и, в частности, к его первому президенту было в высшей степени критичным, а изъяны сионистской политики по отношению к арабам вызывали у него чувство сожаления. Но он никогда не отказывался от веры в основополагающие принципы сионизма. Если сегодняшние молодые люди (да и не только они), будь то евреи или иноверцы, ненавидящие подобно Эйнштейну национализм и сектантство, стремящиеся к социальной справедливости и верящие в общечеловеческие ценности, если такие люди хотят узнать, почему он, дитя ассимилированных баварских евреев, поддержал возвращение евреев в Палестину, сионизм и еврейское государство, поддержал не безоглядно и не без терзаний, которые испытывает любой порядочный и чуткий человек по

отношению к поступкам, совершаемым во имя его народа, которые при этом кажутся ему неверными или неразумными, но тем не менее поддержал твердо и на всю жизнь, — если они хотят понять это, им следует прочитать его труды. Со свойственной ему ясностью и даром проникновения в самую суть любого предмета — независимо от того, относится этот вопрос к сфере науки или общественной жизни — Эйнштейн просто и правдиво высказал все, что считал необходимым сказать. Позвольте мне напомнить некоторые из его заявлений и поступков и в особенности тот путь, который им предшествовал.

Он родился в Ульме в атеистической семье. Повидимому, во время учебы в Мюнхене он не сталкивался с дискриминацией; его острая реакция на школу, даже приведшая к чему-то наподобие нервного срыва, как кажется, не была реакцией на антисемитизм. Вероятно, он противился казарменной муштре и националистическому угару, царивших в системе образования в Германии на исходе прошлого столетия. С перерывами он учился в Милане и Цюрихе, преподавал в Цюрихе, занимал некий пост в бернском патентном бюро, а затем — университетские должности в Праге и Цюрихе, после чего в 1913 году находившиеся тогда в зените славы Нернст⁷⁹, Хабер⁸⁰ и Планк уговорили его перейти на исследовательскую работу в Берлин.

Нет нужды описывать атмосферу, царившую в Пруссии накануне Первой мировой войны. В 1929 году в письме германскому государственному министру Эйнштейн писал: "Когда я приехал в Германию пятнадцать лет назад (то есть в 1914 году), я впервые обнаружил, что я — еврей. Этим открытием я более обязан неевреям, нежели евреям". Несмотря на сказанное, важную роль сыграло и влияние германских сионистов, в особенности одного из лидеров германских евреев Курта Блюменфельда⁸¹, с которым Эйнштейна до конца дней связывали узы теплой

дружбы. Но как и в случае с Герцлем, решающим фактором в становлении его еврейского самосознания было не столько открытие для себя некой не известной доселе доктрины (ее приверженцев он знал еще в Праге, но в ту пору она его, вероятно, не заинтересовала), сколько шовинизм и ксенофобия, охватившие широкие круги берлинского населения и приведшие его к пониманию, насколько зыбко положение еврейской общины даже на цивилизованном Западе. "Человек может процветать, — заявлял он, — только в среде некоего сообщества. Отсюда следует, что еврею, утратившему связь со своим собственным народом и считающемуся иностранцем в глазах народа, среди которого он обитает, грозит опасность". "Трагедия евреев заключается... в том, что они утратили опору сплывавшей их общины. Результатом стало отсутствие у личности прочного фундамента, что в крайнем проявлении равносильно душевному разладу".

Единственным выходом, доказывал он, является развитие тесной связи с неким активным сообществом, что позволило бы отдельным евреям сносить ненависть и унижение, зачастую достающиеся им от остального человечества. Герцль достоин восхищения, говорит нам Эйнштейн, за то, что "во весь голос" заявил: только создание национального очага в Палестине способно излечить это зло. Оно не устранится ассимиляцией. Евреи, обитавшие в старых германских гетто, были бедны, лишены гражданских и политических прав, изолированы от европейского прогресса. Тем не менее эти непросвещенные и униженные люди обладали по сравнению с нами одним великим преимуществом — каждый из них каждой клеточкой души принадлежал той общине, которая принимала его полностью, в которой он чувствовал себя вполне уважаемым членом и которая не требовала от него ничего, что противоречило бы его естественному образу мыслей. Наши предки

тех дней интеллектуально и физически являли собой весьма жалкое зрелище, но в социальном плане они обладали завидным душевным равновесием.

Затем наступила эмансипация, быстрое приспособление к открывшемуся миру, страстные попытки натянуть на себя одежды, скроенные по чужим меркам. Это вело к утрате личности, а в перспективе — к исчезновению евреев как некой группы. Но этому не было суждено произойти. Ведь сколько бы евреи не приспособливались в языке, обычаях, а очень часто даже и в религии, к европейским народам, среди которых обитали, чувство отчужденности между ними и коренными жителями никогда не исчезало. Это — крайнее проявление антисемитизма, от которого нельзя избавиться самой искренней пропагандой. Нации хотят добиваться своих собственных целей, а не сливаться.

Игнорировать или оспаривать эмоциональный предрассудок или открытую враждебность, заявлял Эйнштейн, абсолютно бесполезно; крещеный титулованный еврей, "тайный советник" был в его глазах попросту жалок. Злом он считал государственные границы, армии, но не национальное существование как таковое; сосуществование мирных наций при взаимном уважении и терпимости к различиям между ними представлялось ему цивилизованным и обоснованным. Приводимое далее определение сионизма мало чем отличается от реакции на сходные проблемы интернационалиста и социалиста М.Гесса⁸² в 1860-х годах. Позвольте процитировать слова Эйнштейна, сказанные в 1933 году: "Недостаточно, чтобы каждый сам по себе играл какую-то роль в культурном развитии человечества; мы должны также попытаться решить задачи, посильные лишь нациям как единому целому. Только так могут евреи возродить свою социальную жизнеспособность". Следовательно, "Палестина является не только убежищем для евреев Восточной Европы, но и олицетворением вторичного

пробуждения духа всей еврейской нации”.

Это заявление представляется мне классической формулировкой сионистского кредо, близкой по духу неполитическому духовному национализму Ахад-ха-Ама⁸¹: то, что отстаивал Эйнштейн, было по существу созданием социального и духовного центра. Но когда британское правительство вкупе с арабским сопротивлением сделали, по его мнению, создание государства неизбежным, он согласился с этой идеей, равно как и с использованием силы ради того, чтобы избежать уничтожения, вероятно, видя в этом неминуемое зло и тем не менее понимая, что это — бремя и обязанность, которые следует сносить с чувством собственного достоинства и тактом, без самонадеянности. Его, подобно всем порядочным сионистам, все более и более беспокоили отношения с арабами Палестины. Он стремился к государству, в котором могло бы осуществиться сотрудничество евреев и арабов в полном объеме. Но он осознавал, что на фоне происходивших событий это, увы, маловероятно. Он оставался последовательным сторонником еврейского государства Израиль; именно здесь должны быть реализованы еврейские идеалы и особенно -- “знание ради знания, почти фанатичная любовь к справедливости, стремление к личной независимости”.

Необходимо заметить, что такой подход в корне отличался от позиции образованных евреев Германии его круга, не говоря уже о людях сходного происхождения, а также социального и интеллектуального уровня где бы то ни было в Западной Европе. Достаточно вспомнить ранние годы Эйнштейна, отчужденность от еврейских проблем, ни на секунду не покидавший его идеалистический интернационализм, ненависть ко всему, что разъединяет, чтобы, на мой взгляд, по достоинству оценить тот высокий уровень его проницательности, реалистичности и морального мужества, которым могут по праву гордиться-

ся его соплеменники. В конце концов, прочие видные германские ученые еврейского происхождения, чья безукоризненная честность пользовалась всеобщим уважением, — Фриц Хабер, Макс Борн⁸⁴, Джеймс Франк⁸⁵ — реагировали на происходящее весьма по-разному. Это же можно сказать и о таких писателях и художниках как Шницлер⁸⁶, Стефан Цвейг⁸⁷, Малер⁸⁸, Карл Краус⁸⁹ или Верфель⁹⁰, которые также были отлично знакомы с антисемитизмом в Вене.

Я не хочу намекать на то, что Эйнштейн обязательно порицал культурную ассимиляцию как во всех случаях постыдную или обреченную на провал. Вполне возможно, что дети еврейских родителей обнаруживали себя настолько далекими от общины и ее традиций, что даже осознавая ситуацию, уже психологически не могли восстановить с ней искренние связи. Ему было ясно, что в цивилизованном обществе у каждого человека должна быть возможность следовать своим путем так, как это представляется лучшим ему самому, и при этом понимать, что его выбор отнюдь не обязательно понравится другим. Он не обвинял этих ученых, писателей, художников в бесчестии или малодушии; их моральные качества не вызывали у него никаких сомнений, речь шла только о степени их национального самосознания.

Именно неспособностью к самообману или уверткам, умением смотреть правде в глаза и, если требовалось, способностью идти наперекор господствующим идеям отмечен дерзновенный отказ Эйнштейна от основополагающих элементов системы Ньютона. Эта же независимость характерна для его поведения и в иных областях. Он отвергал традиционную житейскую мудрость. "Здравый смысл, — говорил он, — это набор предрассудков, заложенных в мозгу в пору отрочества". Если его что-либо не устраивало по моральным и политическим причинам (то же относилось и к математике), он не игнорировал проблему, не избегал ее и не выбрасывал из памяти,

не подгонял, не прилаживал, не добавлял заплатку-другую в надежде, что "на его век хватит"; он не ждал прихода Мессии, мировой революции, наступления всеобщего царства разума и справедливости, чтобы разрешить проблему. Если башмак жмет, с какой стати говорить, что время и носка сделают его более удобным, или что форма ноги изменится, или что вам только кажется, что он жмет, — одним словом, что реальность гармонична, а потому конфликты, несправедливости, варварство принадлежат к тому порядку вещей, который освящен свыше. Если его наставники в философии Юм и Мах были правы, утверждая, что существует только один мир, мир человеческого опыта, что только этот мир реален, то по другую сторону от него лежит, по всей видимости, тайна. Естественно, он отстаивал ту идею, в которую безоговорочно верил: что вселенная постижима как величайшая из тайн; до сих пор не было обоснованной теории, которая бы обошла вниманием что-либо из непосредственного человеческого опыта, в него он включал и интуитивное воображение, чьи пути зачастую далеки от ощущений.

Именно это чувство реальности оберегало его от превращения в доктринера. Когда его точно выверенное знание входило в противоречие с господствующей точкой зрения, он не игнорировал то, что подсказывала его моральная убежденность, общественная или политическая позиция. Он был убежденным пацифистом; во время Первой мировой войны он сделался непопулярным в Германии, осудив эту воюющую державу. Но в 1933 году он признал необходимым сопротивляться Гитлеру и нацистам, даже и с применением силы, что повергло в ужас его союзников из пацифистского лагеря. Он был поборником всеобщего равенства и демократом со склонностью к социализму. Тем не менее он настолько остро чувствовал необходимость защиты личности от государства, что верил: "Билль о правах"⁹¹ был бы

попран, если стоящая у власти некая просвещенная и искушенная элита не сумела бы время от времени давать ощутимый отпор притязаниям толпы. Он превозносил американскую конституцию, в частности гармоничное распределение власти между президентом, конгрессом и общественным мнением (один из его ранних политических наставников австрийский социалист Фридрих Адлер⁹² вряд ли одобрил бы это). Он ненавидел препоны, воздвигнутые между людьми, и кичливую обособленность. Но когда еврейских студентов стали преследовать националистически настроенные однокашники в германских или польских университетах, он заявил, что Вейцман был прав, что либеральные и социалистические резолюции оказались бесполезными и что евреям следует действовать и создать свой собственный университет в Иерусалиме.

Всю свою жизнь он ненавидел национализм. Однако он признавал, что евреям остро необходима какая-либо форма национального существования; кроме того, он не считал, что чувство национальной принадлежности и национализм — равноценные понятия. Несомненно, что он серьезно относился к политической лояльности. Дважды он отказывался от своего германского гражданства. Он не мог в молодости принять швейцарское гражданство или во времена Гитлера — американское, поскольку не чувствовал, что будет абсолютно лоялен по отношению к этим демократическим государствам, так же как по вполне очевидным причинам счел невозможным сохранять германский паспорт. Это была та самая комбинация социальной чувствительности и конкретного постижения сути человеческого бытия, которая уберегла его от доктринерского фанатизма; именно это сделало его морально убедительным.

Он был простодушным человеком и иногда, я полагаю, попадался на уловки любителей глупых шуток и проходимцев. Однако у простодушия есть свои

формы восприятия: подчас оно смотрит на мир собственными глазами, а не сквозь "очки" традиционно-го здравого смысла или абсолютной догмы. Та самая независимость, что побудила его отвергнуть устоявшиеся понятия физического пространства-времени и вопреки сопротивлению физиков и философов смело выдвинуть гипотезу о гравитационных волнах и световых квантах, сделала его свободным морально и политически.

Этот человек, стремившийся к уединению, абсолютно равнодушный к лести, не имевший себе равных в известности на всех пяти континентах, веровал в спасительность труда (и какого! — разгадывать секреты природы, чудесным образом подвластные анализу человеческого разума). В итоге этот мягкий, тихий, скромный человек пришелся не по вкусу многим влиятельным группам: германским националистам и страдавшим германофобией французам, тотальным пацифистам и поборникам еврейской ассимиляции, ортодоксальным раввинам и советским марксистам, не говоря уже о защитниках непреходящих моральных ценностей, в которые он на самом деле твердо верил.

Он не был ни субъективным идеалистом, отрицающим существование материального мира, ни скептиком. Он считал, что научные концепции и теории являются свободными построениями человеческого воображения, а не результатами экспериментально полученных данных, как полагали Бэкон⁹³, Милль⁹⁴ или Мах; однако то, что ученый стремится проанализировать или описать при помощи этих теорий и концепций, само по себе является объективной структурой, часть которой, если подходить с научной точки зрения, составляют сами люди. Моральные и эстетические ценности, положения, стандарты, принципы не могут быть выведены из наук, имеющих дело с понятиями типа "что это?", а не "что бы это могло быть?". Но по Эйнштейну, их нельзя также

вывести и из классовых, культурных или расовых различий или обусловить этими различиями. Эти понятия универсальны не в меньшей степени, чем законы природы, из которых их нельзя извлечь. Они справедливы для всех людей во все времена, открыты при помощи моральной или эстетической проницательности, свойственной человечеству, и воплощены в основных принципах (но не в мифологии) великих мировых религий.

Подобно Спинозе, он считал, что отрицающие это попросту ослеплены страстями; несомненно, он ощущал в Спинозе родственную душу. Как и Спиноза, он считал Бога воплощенным в природе разумом, в буквальном смысле высшим существом, изумительной гармонией, "*Deus sive Natura*"⁹⁵. Как и Спиноза, он не выказывал своим хулителям горечи и не пошел с ними на компромисс — он остался невозмутимым и разумным, человеческим, терпимым, свободомыслящим. Он не стремился главенствовать над окружающими и не требовал от своих последователей слепой преданности. Он поддерживал любое движение — скажем, Лигу Наций или левые группы в Соединенных Штатах, — если полагал, что в итоге это принесет какую-то пользу или, как минимум, от этого будет больше пользы, нежели вреда.

Так же обстояло дело и с еврейской Палестиной. Он ненавидел шовинизм; он критически, порой сверх всякой меры вникал в отношение сионистского руководства к арабам, но это не заставляло его впадать время от времени в иную крайность, как это случалось с другими; он осудил администрацию президента Эйзенхауэра за стремление подыграть арабским государствам за счет Израиля — эту политику он приписывал американскому империализму. Он осуждал некоторые действия руководства Еврейского университета. К примеру, он полагал, что из массы ученых-беженцев, покинувших нацистскую Европу, назначения на штатные должности должны получать моло-

дые, а не маститые специалисты. Но тому, во что он верил, он не изменял. Он не был готов отречься от сионистского движения из-за недостатков, присутствующих части его лидеров. Его сионизм базировался на убеждении, что люди обладают неотъемлемым правом избавиться от голода, нищеты, незащитности, несправедливости, да и от бездомности.

В некотором смысле он и сам был бездомным. В письме своему другу Борну он писал, что у него не было корней, повсюду он был чужеземцем. По его собственному признанию, он был одиноким и инстинктивно сторонился близости с кем бы то ни было. Он был мыслителем-отшельником, которого мало кто мог узнать как человека. Глубокий гуманизм и добросердечное отношение к жертвам политических преследований, социальной дискриминации, экономической эксплуатации были основой его мировоззрения и не нуждаются в специальном объяснении; быть может, в какой-то мере они компенсировали его собственные трудности в налаживании личных отношений.

Подобно многим физикам, так или иначе причастным к созданию атомной бомбы, он на склоне лет ощутил бремя ответственности ученых за разработку новых чудовищных средств разрушения — и осудил приютившую его страну за применение этих средств; ему казалось, что эта страна взяла опасный империалистический курс. Его ненависть к жестокости и варварству реакционеров и фашистов временами рождала иллюзию об отсутствии врагов слева — заблуждение многих порядочных и благородных людей, стоившее жизни кое-кому из них.

Вероятно, его исключительный талант ученого приводил к схематизации, свержупрошению практических проблем (в том числе сложных политических и культурных вопросов, не имеющих четких решений), к чрезмерным обобщениям; при этом оставались без внимания изъяны и перепады повседневной жиз-

ни, недоступные точному количественному анализу. Ибо, на мой взгляд, все же есть некое различие в таланте естествоиспытателей и гуманитариев. Часто отмечалось, что выдающиеся открытия и изобретения требуют большой силы воображения и некоторой не поддающейся рациональному анализу интуиции для отыскания верного решения и что это схоже с образным видением художника или гениальным осмыслением прошлого у историков или филологов. Вполне вероятно, что это так. Тем не менее, имея дело с людьми и их проблемами, нужно принимать в расчет природу человеческого опыта и ощущать пределы человеческих возможностей; без такого осознания поставленных природой пределов нет критерия отбора в бесчисленном множестве логически возможных, но по сути невероятных или абсурдных гипотез — исторических и психологических.

Очень возможно, Аристотель⁹⁶ и Кант, Вольтер и Юм правы в своих рассуждениях о том, что делает людей разумными, что может, а что никак не может быть аргументом в человеческих делах, в естественной связи идей, в таких основных понятиях как "прошлое", "будущее", "вещи", "люди", "причина и следствие", "логические связи" — то есть в той тесно сплетенной сети категорий и понятий, от которой на деле зависит человеческое мышление, а возможно, и безумие. Отход от этого, как свидетельствует, к примеру, творчество сюрреалистов — художников, поэтов, композиторов — может быть интересным, но намеренно антирациональным.

Однако в математике или теоретической физике такое чувство реальности кажется необходимым. В самом деле, временами может понадобиться нечто почти противоположное. Если речь идет об основополагающих открытиях (скажем, о комплексных числах, неевклидовой геометрии или квантовой теории), разъединяются традиционно связанные представления, происходит отход от части категорий

... обязательной принадлежности нормального человеческого опыта. Так появляется некий дар представить себе принципиально не вообразимое и к тому же не выразимое на обыденном языке, имеющем дело с повседневными фактами и нуждами человеческой жизни. Это то самое остранение, если хотите, "отплытие" от повседневной реальности, которое рождает расхожий образ абстрактного мыслителя — Фалеса⁹⁷, падающего в источник, или рассеянного профессора, который варит собственные часы вместо яйца.

Такое бегство в мир абстракций — идеальный мир чистых форм, выраженных особо символично, без отклонений от нормы, без хаоса, даже без основополагающих явлений повседневного опыта — временами может быть связано с психическим расстройством, своего рода встряской в раннюю пору жизни. Срыв, пережитый Эйнштейном в бытность мюнхенским школьником, сродни пережитому в детстве Ньютоном и Дарвином, также сохранившим некоторую эмоциональную замкнутость. И эти мыслители тоже засвидетельствовали некое пережитое ими ощущение, охарактеризованное Эйнштейном как глубокое религиозное волнение при явлении Бога, открывшего себя во всеобъемлющем единстве и разумной гармонии природы, выстроенной по цельному замыслу. Это было видение реальности, не подвергаемой никаким потрясениям. В результате Эйнштейн оставался последовательным детерминистом и никогда не соглашался с тем, что принцип неопределенности есть высшая категория естествознания или атрибут объективной природы, а считал его исключительно частью нашего предварительного и неполного познания окружающего мира.

Подобная склонность к чистой абстракции и обобщениям временами может происходить от неспособности к тесным отношениям с другими людьми, к полнокровной социальной жизни. Такое предполо-

жение представляется мне вполне допустимым. Быть может, именно это и произошло с Альбертом Эйнштейном. То, что не находило выхода в частной жизни, он отдал миру. Не только за его достижениями укрепилась всемирная слава — но его облик, его лицо стали знакомы миллионам мужчин и женщин. Его внешность превратилась в символ, в стереотип того, что люди называют "гениальным ученым". Точно так же некий идеализированный Бетховен превратился в коммерческий образ вдохновенного художника. Кто знает, как выглядели другие ученые, осененные крылами гения, — Планк, Бор, Резерфорд?⁹⁸ Или, коль на то пошло, Ньютон, Галилей или Дарвин? Облик Эйнштейна отличался ясностью, добросердечием, погруженностью в собственные мысли, меланхолическим выражением. Повсюду это трогало людские сердца. Он был очень знаменит, воистину — национальный герой, и его внешность была столь же узнаваема и любима, сколь и облик Чарли Чаплина — задолго до того, как портреты Эйнштейна украсили американские почтовые марки и израильские банкноты.

Позвольте мне в заключение вкратце вернуться к вопросу об Израиле. Сионистское движение, как и Израиль, постоянно — а сегодня более, чем когда бы то ни было — подвергалось нападкам как извне, так и изнутри, иногда обоснованно и справедливо, но большей частью — нет. Эйнштейн, непримиримый к малейшим отступлениям от норм человеческой порядочности и прежде всего — со стороны своего собственного народа, верил в это движение и это государство и твердо стоял на их стороне до конца своих дней, как бы критически он ни относился в те или иные моменты к его деятелям или политическим акциям. По-видимому, это является одним из наиболее высоких моральных свидетельств, которым может гордиться любое государство или движение нашего века. Постоянная общественная поддержка,

оказываемая крайне добрым (и вполне информированным) человеком в обстановке почти полного отсутствия симпатий к его действиям в той части его социальной и интеллектуальной среды, чьи общеэтические и политические воззрения он в целом разделял, не может быть сама по себе достаточна для оправдания какой-либо доктрины или политики, однако и не может быть отброшена. Это чего-то да стоит, в данном случае — очень многого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Духовный сионизм — течение, которое ставило перед собой задачу создать в Эрец-Исраэль духовный центр еврейского народа, который способствовал бы сохранению его единства. Создателем духовного сионизма был философ и писатель Ахад-ха-Ам (Ашер Гинцберг; 1856—1927).

² Политический сионизм — движение, отвергавшее решение еврейского вопроса путем эмиграции или ассимиляции и ставившее целью создание независимого еврейского государства. Политическое решение еврейского вопроса должно было опираться на согласие великих держав. Сторонники политического сионизма считали, что массовое переселение евреев в еврейское государство будет происходить в соответствии с международным признанием за евреями права на собственное государство и на основе международных гарантий. Основателем политического сионизма был Теодор Биньямин Зеев Герцль (1860—1904).

³ Теодор Герцль (1860—1904) — основатель политического сионизма, провозвестник еврейского государства, создатель Всемирной сионистской организации.

⁴ Еврейский Национальный Фонд (Керен каемет ле-Исраэль) — фонд сионистского движения для приобретения и освоения земель в Эрец-Исраэль. Основан 29 декабря 1904 года на 5-м Сионистском конгрессе в Базеле и до создания Керен ха-Иесод (см. прим.⁸) был единственным финансовым органом сионистской организации.

⁵ Декларация Бальфура — документ, в котором правительство Великобритании впервые выразило свое благожелательное отношение к сионистским устремлениям евреев всего мира. Декларация была направлена в виде письма на имя лорда Лайонела Уолтера Ротшильда Артуром Джеймсом Бальфуrom, британским министром иностранных дел, 2 ноября 1917 года.

⁶ Еврейское Агентство (ха-сохнут ха-иехудит ле-Эрец-Исраэль) — международная организация, осуществляющая связь между евреями Израиля и стран рассеяния в деле развития и заселения Эрец-Исраэль; в период британского мандата признавалась правительством Великобритании как орган, занимающийся созданием еврейского национального очага.

⁷ 24 августа 1929 года арабы напали на евреев — жителей города Хеврон; в ходе погрома погибло около 70 человек. Одновременно погромы прошли и в других городах.

⁸ Керен ха-Иесод (букв. "основной фонд") — главный финансовый орган Всемирной сионистской организации и Еврейского Агентства, основанный в июле 1920 г. в Лондоне. Ему поручалось финансировать всю деятельность, связанную с репатриацией и абсорбцией, а также с заселением Эрец-Исраэль. Еврейскому Национальному Фонду, который занимался этим прежде, была отведена функция приобретения и освоения земель.

⁹ По традиции, заложенной пионерами освоения Эрец-Исраэль, в Израиле принято высаживать леса или разбивать парки в честь выдающихся деятелей еврейского народа, а также в честь представителей других народов, чья деятельность на благо человечества получила всеобщее признание.

¹⁰ Чехословакия была оккупирована гитлеровскими войсками 15 марта 1939 года.

¹¹ "Черная книга" о Катастрофе европейского еврейства вышла в Нью-Йорке на английском языке в 1946 году при поддержке еврейских общественных организаций.

¹² Имеется в виду Еврейская бригада — еврейская воинская часть в британской армии в годы Второй мировой войны, единственное национальное еврейское подразделение в составе союзных войск; состояла главным образом из евреев-добровольцев Эрец-Исраэль.

¹³ В 70 году н. э. римские войска под командованием Тита после пятимесячной осады захватили Иерусалим, с боем взяли Храм и сожгли его. Большинство восставших жителей Иерусалима было убито или погибло от голода; уцелевших казнили или продали в рабство.

¹⁴ В июле 1937 года британское правительство приняло предложенный комиссией Пиля план раздела страны на два государства — еврейское и арабское — и обязалось предпринять действия для его реализации. Однако в декабре 1937 года для подробного рассмотрения плана раздела была назначена комиссия Вудхеда; изучив ее заключения, британское правительство пришло к выводу, что "политические, административные и финансовые трудности, связанные с предложением о создании арабского и еврейского независимых государств на территории Палестины, столь велики, что такого рода разрешение проблемы практически неосуществимо".

¹⁵ Род Маккавеев возглавил в 167 г. до н.э. освободительную борьбу Иудеи против греко-сирийского владычества.

¹⁶ Восстание в Варшавском гетто явилось одним из самых крупных вооруженных выступлений против германских войск в оккупированной Европе. Оно началось 19 апреля 1943 года и продолжалось до 8 мая 1943 года, когда фашистам удалось захватить штаб-квартиру Еврейской боевой организации; однако разрозненные группы повстанцев продолжали сопротивление до июня 1943 года.

¹⁷ Маймонид Моисей (Моше бен-Маймон, Рамбам; 1135—1204) — величайший еврейский мыслитель средневековья, философ, ученый, врач, математик и астроном.

¹⁸ Вайз Стивен Сэмюэл (1874—1949) — реформистский раввин и сионистский деятель. Начал сионистскую деятельность в конце 1890-х годов, принимал участие в формировании идеологии сионистского движения и в создании его организационных основ. В 1897 году основал Нью-Йоркскую федерацию сионистских обществ, в 1898 — Федерацию американских сионистов. В 1936 создал Всемирный еврейский конгресс. Принимал активное участие в антифашистском движении и в организации помощи жертвам нацизма.

¹⁹ Еврейский университет в Иерусалиме — крупнейший научный и учебный центр Израиля, первый университет в мире, где преподавание ведется на иврите.

Идею создания Еврейского университета впервые выдвинул Г. Шапира в статьях, опубликованных в начале 1880-х годов. В 1913 году на 11-м Сионистском конгрессе в Вене была назначена комиссия для осуществления этого проекта, однако Первая мировая война лишила комиссию возможности развернуть свою деятельность. Практические шаги были предприняты только в июле 1918 года, когда д-р Х. Вейцман заложил первые 12 камней здания Еврейского университета на горе Скопус. Первую лекцию в еврейском университете в 1923 году прочитал А. Эйнштейн, начав ее несколькими фразами на иврите. Официально Еврейский университет открыл видный английский политический деятель А. Бальфур на торжественной церемонии 1 апреля 1925 года.

²⁰ Американский совет по иудаизму — антиссионистская организация в США. Основана в 1942 году группой реформистских раввинов. Члены организации отрицательно относились к со-

зданию государства Израиль, в некоторых вопросах занимали проарабские позиции. Влияние организации весьма незначительно.

²¹ Центральное объединение германских граждан иудейского вероисповедания — организация, основанная в Берлине в 1893 году для противодействия растущему германскому антисемитизму. Главное направление ее деятельности — издательская и разъяснительная работа. Идейную основу организации составлял принцип германо-еврейского симбиоза. Деятельность Объединения отличалась негативным отношением к сионизму. Организация была закрыта гестапо в ноябре 1938 года.

²² После провозглашения государства Израиль в страну прибыли евреи с Кипра, где они были интернированы британскими властями, а также евреи, пережившие Катастрофу и содержавшиеся в лагерях перемещенных лиц. Только в первый год существования государства в Израиль прибыло 203 тысячи репатриантов. К 1951 году число репатриантов превысило 500 тысяч человек.

²³ Приют был создан для евреев, уцелевших после волны погромов, прокатившихся в годы гражданской войны по Украине и югу России.

²⁴ Хадж Амин ал-Хусейни (1893—1974) — лидер арабских палестинских националистов. Занимал пост муфтия — одну из высших должностей в иерархии религиозных вождей ислама.

²⁵ Храм в Иерусалиме — религиозный центр евреев; построен в X веке до н.э. при царе Соломоне. Так называемый Первый Храм был разрушен вавилонскими войсками в 586 году до н.э. Так называемый Второй Храм был восстановлен в 516 году до н.э. и разрушен римлянами в 70 году н.э.

²⁶ А.Эйнштейн имеет в виду Даниэля Исаака Руфуса (1860—1935). Выходец из семьи еврейских купцов, Руфус сделал великолепную карьеру и занимал высшие государственные должности в Великобритании: с 1910 года — генеральный прокурор, в 1913—1920 годах — лорд главный судья, в 1920—1926 годах — вице-король Индии, т.е. глава британской колониальной администрации на Индостанском полуострове. Проявлял интерес к сионизму. В 1926 году стал председателем Палестинской электрической корпорации.

²⁷ Калер Эрих фон (1885—1970) — историк, социолог, философ.

Эмигрировал из Германии в 1933 году, с 1938 года жил в США. Автор книги "Израиль среди народов".

²⁸ Иехошуа бин-Нун — один из сподвижников Моисея, предводитель евреев во времена завоевания Ханаана, сочетавший в себе качества пророка и полководца.

²⁹ Иерусалимское королевство — государство, созданное крестоносцами в Палестине после захвата ими в 1099 году Иерусалима и павшее под ударами мусульман в 1291 году.

³⁰ Кемаль Мустафа (также Ататюрк — букв. "отец турок"; 1881—1938) — руководитель антиосманской революции в Турции в 1918—1923 годах и первый президент Турецкой республики.

³¹ Мекка — религиозный центр и священный город мусульман, родина основателя ислама Мухаммада. Медина — священный город мусульман, в нем находится гробница Мухаммада.

³² Наименование Турции в эпоху Османской империи.

³³ Результатом англо-французской декларации от 8 ноября 1918 г. стало появление национального правительства Сирии в Дамаске. Одновременно предусматривалось сохранение англо-французской администрации "оккупированных территорий противника".

³⁴ "Четырнадцать пунктов" — программа мирного договора, выдвинутая в конце Первой мировой войны (январь 1918 года) президентом США В. Вильсоном.

³⁵ Лига Наций — международная организация, ставившая целью развитие международного сотрудничества и гарантию мира и безопасности в межгосударственных отношениях. Устав Лиги Наций был выработан на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг.; включен в Версальский мирный договор 1919 года. В апреле 1946 года Лига Наций была ликвидирована.

³⁶ "Атлантическая хартия" — декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная в августе 1941 года и закрепившая отношение этих государств к войне против нацистской Германии и к послевоенному устройству мира.

³⁷ "Белая книга" — отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Некоторые из таких документов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины.

Исполнительный комитет Сионистской организации неохотно согласился с политической линией "Белой книги" 1922 года, тогда как палестинские арабы отвергли ее вообще.

³⁸ Магнес Иехуда Леон (1877—1948) — еврейский политический и общественный деятель в США и Эрец-Исраэль. Возглавлял реформистскую синагогу в Бруклине (1904), затем в Нью-Йорке (1906). В 1903 г. организовал в Нью-Йорке самую крупную еврейскую демонстрацию против погромов в России. Примкнул к сионистскому движению. В 1922 году переехал в Эрец-Исраэль. В 1923 году возглавил работу по подготовке открытия Еврейского университета в Иерусалиме. С 1925 по 1948 год стоял во главе Еврейского университета. Выступал против раздела Палестины. Автор многочисленных статей в пользу еврейско-арабского сотрудничества.

³⁹ Авраам — родоначальник еврейского народа, первый из трех патриархов. Уроженец халдейского города Ура, Авраам с отцом и своей семьей переселился в Ханаан. Согласно книге Бытие, Бог заключил союз с Авраамом. Аврааму при этом было обещано, что его потомство станет великим народом и будет владеть Ханааном.

⁴⁰ Иосиф — сын праотца Иакова и его жены Рахели; был продан в рабство своими братьями и оказался в Египте. Со временем стал могущественным придворным фараона. Когда в Ханаане случился голод, его братья в поисках хлеба пришли в Египет. Шли годы, евреи превратились в многочисленный народ, и новый фараон низвел их на положение рабов, занятых изнурительным трудом. Египетское рабство евреев длилось около 400 лет, пока под предводительством Моисея евреи не покинули Египет. Подробнее об этом см.: Бытие, гл. 37, 39—50 и Исход, гл. 1—15.

⁴¹ Ковчег завета — богато украшенный ларец, в котором находились т. н. скрижали завета, т. е. каменные доски с высеченными на них десятью заповедями. Ковчег завета помещался в Храме.

⁴² Мухаммад (Магомет, ок. 570—632 гг.) — основатель ислама, глава первого мусульманского государства (в Аравии); почитается мусульманами как пророк.

⁴³ В настоящее время достоверно известно, что число евреев, погибших в Катастрофе, составляет 6 миллионов.

⁴⁴ Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — государственный деятель Великобритании, лидер консервативной партии; занимал пост премьер-министра в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

⁴⁵ В соответствии с условиями "Белой книги" 1939 года после 1 апреля 1944 года разрешения на въезд иммигрантов в Палестину не выдавались.

⁴⁶ "Черная книга польского еврейства" вышла в Нью-Йорке в 1943 году.

⁴⁷ После прихода фашистов к власти в Италии (1922 г.) итальянское правительство начало военные действия на территории своей колонии Ливии против патриотических сил. Война сопровождалась массовыми уничтожениями и депортацией местного населения.

⁴⁸ Эфенди (турец.) — господин.

⁴⁹ В 597—586 гг. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор II покорил (Вавилонский плен) Иудейское царство и переселил в Вавилонию многие тысячи евреев, принадлежавшие как к господствующим слоям, так и к кругам ремесленников. Возвращение изгнанников в Иудею началось в 538 году до н. э.

⁵⁰ Британская комиссия (официально — "Королевская комиссия", в обиходе — "Комиссия Пиля", по фамилии ее председателя) была создана правительством Великобритании в августе 1936 года для выяснения причин арабских волнений в Палестине.

⁵¹ Бермудская конференция проходила 19—30 апреля 1943 года при участии представителей США и Великобритании. Ей предстояло выработать решение проблемы беженцев из оккупированных нацистами стран Европы. Однако работа конференции закончилась безрезультатно.

⁵² Дьюи Томас Эдмунд (1902—1971) — американский политический деятель, в 1942—1954 годах — губернатор штата Нью-Йорк, в 1944 и 1948 годах — кандидат на пост президента США от республиканской партии.

⁵³ В сентябре 1911 года Италия предъявила Турции ультиматум, в котором утверждалось, что в принадлежащей Османской империи Ливии (тогдашняя Триполитания) нарушаются права

итальянских подданных. Вслед за тем Италия объявила войну Турции. В результате этой войны Ливия и другие территории превратились в итальянские колонии.

В октябре 1935 года итальянские войска вторглись в Абиссинию якобы в ответ на мобилизацию абиссинской армии. В ходе войны, продолжавшейся до мая 1936 года, итальянцы сумели выиграть ряд крупных сражений, превратив Абиссинию в свою колонию.

⁵⁴ Зиф Израэл Мозес (1889—1972) — британский предприниматель, филантроп и сионистский деятель.

⁵⁵ Вейцман Хаим (1874—1952) — президент Всемирной сионистской организации (1920—1931; 1935—1946), первый президент Израиля (с февраля 1949 г.).

⁵⁶ Бен-Хорин Меир (1908—?) — деятель еврейского просвещения в США, автор книг по сионизму и еврейской педагогике.

⁵⁷ Аморреи — название, обозначающее население Ханаана или часть его до поселения в нем израильтян.

⁵⁸ Хетты — народ, населявший центральную часть малоазийского Хеттского царства (XVIII—XII вв. до н. э.).

⁵⁹ Талмуд — основная книга еврейских законов, содержащая правовые нормы иудаизма, устные предания, научные сведения и т. д. В Талмуд входят Мишна (собственно текст) и Гемара (комментарии). Составление Иерусалимского Талмуда началось в I (II?) веке н. э. и закончилось в IV веке н. э., Вавилонский Талмуд создавался с I (II?) века н. э. до V века н. э.

⁶⁰ См. прим.¹⁵.

⁶¹ Патриархат — высший орган религиозно-политической власти в еврейской Палестине, возникший во II в. до н. э.

⁶² Мукадасси (946/947? — ок. 1000) — арабский географ, посетивший почти все страны Востока и оставивший их подробные описания.

⁶³ Каббала (букв. "поучение, предание") — еврейское теософское учение с выраженными элементами мистики и магии. Каббала предпочитает непосредственным путям познания Бога созерцание, размышление, молитву и стремление постигнуть скрытый, истинный смысл Торы и других священных книг, заключающих, по мнению каббалистов, символическое описание Бога и Божественных процессов.

⁶⁴ Кули — неквалифицированные рабочие в странах Востока.

⁶⁵ Лоуренс Томас Эдуард (1888—1935) — английский разведчик; в 1910—1920-х годах активно действовал на Ближнем Востоке.

⁶⁶ Фейсал ибн Хусейн ибн Али (1883—1933) — эмир Ирака с 1921 года.

В 1918 году опубликовал заявление, в котором утверждал, что чаяния арабов совместимы с устремлениями сионистов. Несколько раз встречался с Х. Вейцманом. В 1919 году подписал соглашение о добрососедских отношениях между будущим еврейским и арабским государствами.

⁶⁷ Моисей — величайший еврейский пророк, который вывел евреев из египетского плена и получил от Бога Тору на горе Синай.

⁶⁸ Маркс Карл (1818—1883) — политэконом и социальный философ, создатель доктрины научного социализма.

⁶⁹ А. Эйнштейн писал это в 1938 году, то есть до Катастрофы европейского еврейства.

⁷⁰ Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, создатель теории эволюции органического мира.

⁷¹ Хаксли (Гексли) Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, соратник Ч. Дарвина и активнейший пропагандист его учения.

⁷² Фрейд Зигмунд (1856—1939) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог; основоположник психоанализа. В 1938 г. эмигрировал из Австрии.

⁷³ Мах Эрнст (1838—1916) — австрийский физик и философ.

⁷⁴ Спиноза Бенедикт (Барух; 1632—1677) — выдающийся философ-пантеист.

Юм Дейвид (1711—1776) — английский философ, историк, экономист и публицист.

Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник классической немецкой философии.

Рассел Бертран (1872—1970) — английский философ, математик, социолог, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

⁷⁵ Планк Макс (1858—1947) — немецкий физик, основоположник квантовой теории, лауреат Нобелевской премии.

⁷⁶ Вольтер (псевд., наст. имя и фамилия Мари Франсуа Аруз; 1694—1778) — французский писатель, философ, историк; идеолог просветительства.

⁷⁷ Холдейн Ричард Бардон (1856—1928) — английский политический деятель и философ, автор работ по философии и социологии; в 1912—1915 и 1924 гг. занимал пост лорда-канцлера — один из важнейших в правительстве Великобритании.

⁷⁸ Сэмюэл Герберт Льюис (1870—1963) — английский политический деятель и философ. Занимал ряд министерских постов; с 1914 г. стал активным поборником создания еврейского национального очага в Палестине, способствовал появлению декларации Бальфура. В 1920—1925 гг. был первым верховным комиссаром Великобритании в Палестине.

⁷⁹ Нернст Вальтер (1864—1941) — немецкий физик и химик, один из основоположников современной физической химии, лауреат Нобелевской премии.

⁸⁰ Хабер (Габер) Фриц (1868—1934) — немецкий химик, лауреат Нобелевской премии. В 1933 г. эмигрировал из Германии.

⁸¹ Блюменфельд Курт Иехуда (1884—1963) — деятель немецкого сионистского движения. В 1923—1933 гг. — председатель Немецкой сионистской федерации. С 1933 г. жил в Палестине.

⁸² Гесс Мозес (1812—1875) — один из первых немецких социалистов и предтеч сионизма. Автор книги "Рим и Иерусалим", ставшей классикой сионистской литературы. Книга М. Гесса "Рим и Иерусалим" вышла в издательстве "Библиотека—Алия" в 1979 г.

⁸³ Ахад-ха-Ам (ивр. "один из народа" — псевдоним Ашера Гирша Гинцберга; 1856—1927) — еврейский публицист и философ, теоретик "духовного сионизма". Призывал превратить Эрец-Исраэль в духовный и культурный центр еврейского народа.

⁸⁴ Борн Макс (1882—1970) — немецкий физик, один из основоположников квантовой механики, лауреат Нобелевской премии.

⁸⁵ Франк Джеймс (1882—1964) — немецкий физик, лауреат Нобелевской премии. После прихода нацистов к власти эмигрировал из Германии.

⁸⁶ Шницлер Артур (1862—1931) — австрийский писатель.

⁸⁷ Цвейг Стефан (1881—1942) — австрийский писатель. С 1934 г. находился в эмиграции.

⁸⁸ Малер Густав (1860—1911) — австрийский композитор и дирижер.

⁸⁹ Краус Карл (1874—1936) — австрийский журналист, литератор, сатирик, переводчик.

⁹⁰ Верфель Франц (1890—1945) — австрийский писатель.

⁹¹ "Биллем о правах" называют принятый английским парламентом в 1689 г. закон о правах и гражданских свободах личности. По аналогии с предыдущим законом так же именуют первые десять статей конституции США, посвященные тем же проблемам. В более широком смысле "биллем о правах" зачастую именуют понятие прав человека.

⁹² Адлер Фридрих (1879—1960) — один из лидеров австрийской социал-демократии, теоретик марксизма.

⁹³ Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ-материалист.

⁹⁴ Милль Джеймс (1773—1836) — английский философ, историк и экономист.

⁹⁵ "Deus sive Natura" ("Бог или Природа") — формула из книги Б. Спинозы "Этика".

⁹⁶ Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.

⁹⁷ Фалес (ок. 640 г. до н. э. — ок. 546 г. до н. э.) — древнегреческий философ, математик и астроном. Был известен своей рассеянностью.

⁹⁸ Резерфорд Эрнест (1871—1937) — английский физик, один из основоположников учения о радиоактивности и строении атома, лауреат Нобелевской премии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Отрывки из книги Ф. Гернека "Альберт Эйнштейн.
Жизнь во имя истины, гуманизма и мира".**

Книга Фридриха Гернека неоднократно печаталась на немецком языке в ГДР (еще до воссоединения двух Германий). По-русски она вышла в свет в Москве в 1966 г. в издательстве "Прогресс", перевод ее выполнен по второму немецкому изданию В. Я. Фридманом. В ней собрано много материалов о том, как вместе с научными открытиями у Эйнштейна зарождалась ненависть к любым видам насилия, в том числе к антисемитизму. Как справедливо сказано в предисловии к русскому изданию, "нельзя не быть благодарным автору за его старания восстановить события, которые лишили Германию ее крупнейшего мыслителя, события, которые превратили борьбу за научную истину в борьбу политическую".

Редакция сочла возможным и полезным в качестве приложения к настоящему сборнику дать те фрагменты из книги Ф. Гернека, которые, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к тематике данного сборника.

Даже на вершине мировой научной славы Эйнштейн был "аутсайдером" в обществе. На некоторых острых наблюдателей, как, например, на гейдельбергского социального психолога и демократического политического деятеля Вилли Гельпаху, он производил впечатление некоторой отрешенности от мира и почти детской доверчивости.

Такому отношению к действительности способствовала определенная черта характера Эйнштейна. Уже с ранних лет он испытывал отвращение к любой форме "стадности". "Чтобы быть безукоризненным членом стада баранов, надо прежде всего самому

быть бараном”, — писал он позднее в своих “Афоризмах для Лео Бека”. Но на формирование этого его “отшельничества”, несомненно, оказали влияние и социальные причины.

В католической средней школе, которую Эйнштейн посещал в Мюнхене, поскольку она была ближе всего расположена к дому его родителей, Альберт был единственным евреем в классе. В то время, в конце 80-х годов, антисемитизм уже пустил глубокие корни в Германии. Подогреваемый националистически настроенными преподавателями, он оказал свое пагубное влияние на воспитание молодежи.

В Берлине историк Генрих фон Трейчке на лекциях в университете и в своих книгах открыто пропагандировал антисемитские взгляды. При этом он пустил в обиход подлую фразу, которой через полстолетия суждено было стать преступным призывом к действию: “Евреи наше несчастье!” Расовая ненависть становилась заметной и в других немецких городах. Баварская столица, которая несколько десятилетий спустя стала источником распространения самого зверского антисемитского движения, какое только знала история, в этом отношении, конечно, не составляла исключения. Молодому Эйнштейну пришлось — пусть и в умеренных формах — на себе испытать ненависть против евреев. Для такого тонко чувствующего человека это не могло пройти бесследно.

Таким образом, рано развивавшаяся отчужденность Эйнштейна в значительной степени выглядит как выражение протеста против окружающего его мира немецкого мещанства с его националистическим высокомерием и “расовыми” предрассудками.

С ранних лет Эйнштейн был человеком бесстрашным. Свои убеждения он всегда высказывал прямо и откровенно. К боязливым и робким, с которыми ему особенно пришлось познакомиться среди его академических собратьев по профессии и с каковыми ему довелось также встретиться при его гуманных хлоп-

потом по созданию еврейского национального очага в Палестине, у него не было других чувств, кроме презрения и насмешки.

О том, каким язвительным Эйнштейн при этом иногда умел быть, говорит небольшое стихотворение, известное из уст артиста Эдуарда фон Винтерштейна, знавшего его наизусть; сам он узнал его от своих швейцарских друзей.

Когда один швейцарский сионист выразил свою озабоченность в связи с тем, что Эйнштейн якобы слишком откровенным высказыванием своих взглядов повредил общему добру, он 2 февраля 1943 года получил из Принстона в ответ следующие иронические строки:

Чтоб я, болтая иногда,
Евреям не принес вреда,
Создам, дабы давал совет,
Из обос... нцев Комитет.
Уж не таится ль где беда —
Он вмиг разнюхает всегда!
Тебя ж, бесценный друг, возьму
Я в председатели ему.

В своей ранней молодости, особенно в бернский и цюрихский периоды, Эйнштейн был настроен совершенно атеистически и был полностью равнодушен к вопросам религии. Позднее он высказался за очищенную "от шлаков антропоморфизма" "космическую веру", которую он рассматривал как сильнейшую и благороднейшую движущую пружину научного творчества. Он был проникнут убеждением, что источник стремления к истине и познанию возникает на религиозной почве. Естествознание без религии казалось ему хромым, а религия без естествознания — слепой.

При этом Эйнштейн недвусмысленно выразил свою приверженность пантеистической концепции бо-

га Спинозы: "Бог=Природа". Он писал: "Связанное с глубоким чувством убеждение о высшем разуме, который обнаруживает себя в чувственно воспринимаемом мире, образует мое понятие Бога; его можно, стало быть, пользуясь обычной формой выражения, обозначить как "пантеистское" (Спиноза)". При этом он добавляет, что вероисповедные традиции он может рассматривать лишь в историческом и психологическом планах; никаких других отношений к ним он не имеет.

Ясное выражение приверженности к спинозистскому пантеистическому восприятию природы Эйнштейн сделал и в часто цитируемой телеграмме в ответ на вопрос одного американского раввина. Обеспокоенный заявлением одного кардинала, что создатель теории относительности является безбожником, благочестивый еврей телеграфно запросил Эйнштейна, верит ли он в Бога. Эйнштейн телеграфировал ему в ответ: "Я верю в Бога Спинозы, проявляющегося в гармонии всего сущего, но не в Бога, занимающегося судьбами и поступками людей".

Некролог, посвященный Эйнштейном его другу Ратенау, которого он высоко ценил как "человека с ясным взглядом и теплым чувством", заканчивался словами: "Я сожалел, что он стал министром. При той позиции, которую значительная часть образованных слоев Германии заняла по отношению к евреям, наиболее естественной, по моему убеждению, должна быть гордая сдержанность евреев в общественной жизни. Но я все же не ожидал, что ненависть, ослепление и неблагодарность могут зайти так далеко. Тем же, кто руководил нравственным воспитанием немецкого народа за последние пятьдесят лет, мне хотелось бы крикнуть: "Узнайте их по их плодам".

1920 год начался для знаменитого ученого с печального события. Его тяжело больная мать, приехавшая из Швейцарии в Берлин к своему "Альбертле", не-

смотря на трогательную заботу сына, вскоре скончалась. Передают, что Эйнштейн намеревался сказать над могилой несколько слов благодарности матери, но был настолько взволнован, что после первых фраз не смог продолжать и замолчал.

Примерно на то же время приходятся первые организованные нападки против демократически мыслящего ученого. В начале февраля 1920 года реакционно настроенные студенты попытались сорвать его лекцию в Берлинском университете. Инцидент был заглажен после того, как студенческая делегация выразила ему свое сожаление и просила Эйнштейна продолжать чтение лекций. Однако вскоре после этого вне стен университета началась планомерная клеветническая кампания против создателя теории относительности.

Травлей руководила группа отъявленных антисемитов, организовавшаяся под вывеской "Объединение немецких естествоиспытателей для поощрения чистой науки". Одним из ее основателей был известный своими экспериментальными работами, но архишовинистически и фашистски настроенный гейдельбергский физик Филипп Ленард. На первых порах он еще старался оставаться в тени, но через несколько недель, на съезде естествоиспытателей в Бад-Наугейме, выступил с провокационными выпадами против Эйнштейна и вскоре превратился в одного из подлейших врагов ученого.

Уже в конце 1919 года Эйнштейн писал своим голландским коллегам, что в Берлине царят "сильный антисемитизм и неистовая реакция", по крайней мере среди так называемых "образованных". Теперь же антисемитизм и реакция перешли в наступление против Эйнштейна, хотя вначале еще под флагом деловой "критики" его учения.

В августе 1920 года "Объединение" организовало в зале Берлинской филармонии "диспут" по теории относительности, на который был приглашен и Эйн-

штейн. Первый оратор обещал, правда, "деловой" научный спор с теорией относительности, но его выступление неоднократно прерывалось возгласами "к делу!". В высшей степени "деловая" реакция оратора на это свелась к угрозе, что устроители диспута заранее рассчитывали на подобные реплики и предусмотрели необходимые меры, чтобы выставить неугодных нарушителей за дверь. Эйнштейн обвинялся в плагиате, в "научной зауми" и личной саморекламе.

Второй оратор, берлинский физик, пытался атаковать Эйнштейна с научной стороны и выставить его на осмеяние публики. Главная роль при этом была отведена "парадоксу близнецов".

Истинные цели и политический "смысл" всего этого предприятия стали очевидными, когда после окончания диспута один националистический студент крикнул: "Хватит, этому паршивому еврею надо бы разорвать глотку!"

Но вскоре антисемитская реакция еще более обнаглела. В одной из выходивших в Берлине газет дважды содержался призыв к убийству Альберта Эйнштейна. Так же как до этого контрреволюционные листовки и плакаты требовали: "Убейте Либкнехта!", так теперь антисемитский и фашиствующий сброд кричал: "Убейте Эйнштейна!" И как тогда, так и теперь у веймарской "демократии" не нашлось прокурора, который бы пресек эти открытые подстрекательства к убийству.

"Критика" теории относительности Эйнштейна, следовательно, с самого начала имела грязную и преступную политическую подоплеку. В одной газете совершенно справедливо говорилось о "политической кампании против Эйнштейна". Ученый был прав, когда сказал одному журналисту, что даже физики, выступающие против его теории, делают это — как ему кажется — в конечном счете из политических соображений.

Теория относительности стала объектом политиче-

ских столкновений. Борьба против Эйнштейна была борьбой против демократии и гуманизма.

Когда перелистываешь газеты тех месяцев, почти в каждом номере наталкиваешься на заметки, комментарии или стихи за или — большей частью — против Эйнштейна и теории относительности. В выходившей в Кельне газетке одно из таких "стихотворений" начиналось словами:

Еврей Эйнштейн поведал всем,
Что Время — спятило совсем.
Трудна теория, но все же
На время то точь-в-точь похожа.

Неумную и наглую антисемитскую травлю, проводившуюся против "еврея Эйнштейна" многими листками с помощью подобных дурацких стишков, одна газета левого направления высмеяла в пародии со следующим рефреном:

Гип-гип, гав-гав, эй-эй,
Еврей!

После провокационной инсценировки в филармонии Эйнштейн заметил одному газетному репортеру: "Я чувствую себя так, как некто, лежащий в хорошей постели, но все время страдающий от клопов" — и добавил: "В Берлине со стороны моих ближайших коллег я встречал лишь предупредительность в наилюбезнейшей форме. Но в течение нескольких месяцев, с тех пор как стали известны результаты английских экспедиций по наблюдению солнечного затмения, подтвердившие мои предсказания, меня с известной стороны преследуют совершенно неделовым образом".

Славной страницей в истории деятелей немецкой науки останется то, что три выдающихся специалиста-физика — Лауэ, Нернст и Рубенс — не-

медленно опубликовали в печати заявление, в котором они страстно выступили в защиту личности Эйнштейна и дали отпор ведущейся против него гнусной кампании.

В заявлении, написанном Лауэ, говорилось: "На вчерашнем собрании в филармонии, на котором должна была обсуждаться теория относительности Эйнштейна, были сделаны не только нападки на его теорию, но, к величайшему прискорбию нижеподписавшихся, и злостные выпады против его личности как ученого". Три физика указали на то, что созданию теории относительности предшествовала "беспримерно глубокая работа мысли", что Эйнштейн, и помимо своих релятивистских исследований, создал непреходящие ценности и поэтому его влияние на научную жизнь не только Берлина, но и всей Германии, трудно переоценить.

В заключение авторы заявляют: "Все, кто имеет счастье стоять близко к Эйнштейну, знают, что никто не может превзойти его в уважении к чужим духовным результатам, в личной скромности и отвращении к рекламе. Справедливость требует от нас без промедления выразить это наше убеждение, тем более что вчера вечером для этого возможность отсутствовала".

Сам Эйнштейн тоже высказался в печати по поводу дискуссии в филармонии — в номере газеты "Берлинер Тагеблатт" от 27 августа 1920 г. "Грубые оскорбления и гнусные обвинения" против его личности он отмел одним движением руки; что же касается выдвинутых против него специально научных лжеаргументов, то он их подробно проанализировал. Свой ответ он снабдил ироническим подзаголовком: "По поводу антирелятивистского акционерного общества". "У меня есть веские основания полагать, — писал Эйнштейн, — что мотивы, отличные от стремления к истине, лежали в основе этого предприятия". В скобках он добавил: "Если бы я был

немцем-националистом, со свастикой или без нее, а не евреем со свободными интернациональными взглядами, то..." Он ответил только потому, что друзья настойчиво рекомендовали ему сделать это, чтобы стала известной и его точка зрения.

Близкие друзья Эйнштейна считали, что этот шаг ученого не был удачным. Он вступил в полемику с людьми, которые заслуживали лишь презрения с его стороны. Это, безусловно, верно. Ответ Эйнштейна, однако, чрезвычайно показателен. Из него видно, насколько ясно ученый распознал политическую подоплеку направленной в его адрес "критики".

Несколько дней спустя немецкую печать облетело сообщение, что Эйнштейн, оскорбленный начатой против него травлей, намерен покинуть Берлин и Германию. "Если бы "Объединению" удалось, — писал Макс фон Лауэ в газетной заметке от 4 сентября 1920 года, — то, чего оно — по характеру применяемых им методов — добивалось, а именно, изгнать этого человека из Берлина, то и оно тем самым приобрело бы непреходящую известность".

Прогрессивные газеты выразили свое сожаление по поводу предполагаемого намерения ученого; они подчеркивали, что Эйнштейн вновь высоко поднял престиж Германии и ее научную славу, которые "старогерманские" профессора сумели втоптать в грязь, и что он в подлинном смысле является "слишком немецкой валютой". Реакционные же антисемитские листки торжествовали: "Эйнштейн смывается. Будем надеяться, что о нем можно будет сказать словами Орлеанской девы: 'Он уже не вернется никогда!'".

На деле голландские друзья Эйнштейна, озабоченные его судьбой, действительно предложили ему кафедру в Лейдене. Однако он отклонил это предложение. Как вытекает из переписки, он рассматривал бегство из Берлина как предательство по отношению к его коллегам по профессии, которые с таким уважением и любовью относились к нему и так бесстрашно

выступили в его защиту. При этом он в первую очередь имел в виду Лауэ, Нернста и Рубенса, но, наверное, также Планка и Габера. Однако Эйнштейн выразил готовность принять звание экстраординарного почетного профессора в нидерландском Королевском университете в Лейдене и время от времени читать там лекции.

Голландская "выездная" профессура оставалась за ним с 1920 г. вплоть до того времени, когда он окончательно покинул Европу в 1933 году.

Теперь его часто можно было видеть в пути — между огромным, шумным, политически беспокойным Берлином и маленьким, тихим и мирным университетским городком Голландии, где он особенно уютно чувствовал себя в доме своего друга Эренфеста. "Здесь завидная жизнь, — писал он в мае 1920 года из Лейдена Фрицу Габеру. — Наука, приветливость и сердечность. Вчера весь день провел у Лоренца: это чудесный человек".

В одной из комнат квартиры Эренфеста для берлинского гостя всегда был приготовлен столик с молоком, сыром, печеньем и фруктами. "Что нужно еще человеку, кроме этого, да еще разве скрипки, кровати, стола и стула?" — как-то радостно воскликнул он. Эйнштейн был счастлив, что может чувствовать себя здесь совершенно непринужденно. Один из его голландских коллег позднее так отозвался о нем и его визитах в Лейден: "Все, кто тогда соприкасался с Эйнштейном, очень любили его. В нем были простота и достоинство великого человека".

Антисемитская травля в Берлине оказала существенное влияние на отношение Эйнштейна к сионизму.

Альберт Эйнштейн разъяснил в 1921 году причины, приведшие его к сионизму. "Вплоть до недавнего времени я жил в Швейцарии, — писал он, — и пока я был там, я никогда не сознавал своего еврейства, и в моей стране не было ничего, что влияло бы на мои еврейские чувства и оживляло бы их.

Но это изменилось, как только я переселился в Берлин. Там я увидел бедствия многих молодых евреев. Я видел, как их антисемитское окружение делало невозможным для них добиться систематического образования и обеспеченного существования. Эти и подобные им переживания пробудили во мне еврейско-национальные чувства”.

Восемь лет спустя Эйнштейн объяснил баденскому статс-секретарю и профессору университета Гельпаху, почему он считает сионистское движение необходимым. “Когда я 15 лет назад приехал в Германию, — писал Эйнштейн, — я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие помогли мне больше неевреи, чем евреи. Я наблюдал недостойную мимирию талантливых евреев, при виде которой сердце у меня истекало кровью. Я видел, как школа, юмористические журналы и бесчисленные факторы культуры нееврейского большинства надламывали чувство собственного достоинства даже лучших моих сородичей, и чувствовал, что так дальше не должно продолжаться. Тогда я понял, что лишь совместное дело, которое будет дорого всем евреям в мире, может привести к возрождению народа. Подвиг Герцля состоял в том, что он осознал и со всей энергией указал на то, что при существующей традиционной позиции евреев создание национального очага, или — более точно выражаясь — центра сосредоточения, в Палестине и было таким делом, на котором можно было объединить усилия”.

Эйнштейн, который в этих высказываниях полностью солидаризируется с идеями сионистов, остается также на упреке Гельпаху, что сионистское движение представляет собой одну из форм “национализма”. Он писал: “Вы называете все это национализмом, и в этом есть доля правды. Но стремление к объединению, без которого мы в этом враждебном мире не можем ни жить, ни умереть, всегда можно обозначить этим некрасивым словом.

Во всяком случае, это национализм, который стремится не к власти, а к достоинству и оздоровлению". Заканчивая свою аргументацию, Эйнштейн добавляет: "Если бы нам не приходилось жить среди нетерпимых, бездушных и жестоких людей, я был бы первым, кто отверг бы национализм в пользу универсальной человечности!"

Вначале он прежде всего считал необходимым поддерживать усилия по созданию еврейского университета в Иерусалиме. Для этой цели он совместно с вождем сионистского движения, химиком и политическим деятелем Хаимом Вейцманом, который в 1948 году стал первым президентом вновь созданного государства Израиль, предпринял поездку по Соединенным Штатам Америки. Эта поездка должна была послужить пропаганде сионистской идеи и сбору средств для запланированного основания университета в Палестине. Эйнштейн так энергично содействовал осуществлению именно этого плана потому, что он по собственному опыту в Германии знал, что еврейские ученые во многих культурно развитых странах не имели возможностей для свободной деятельности.

В письме от 8 марта 1921 года Эйнштейн изложил своему другу Соловину побуждения, заставившие его предпринять турне по Америке. "Я без особого удовольствия еду в Америку, — пишет он, — и делаю это только в интересах сионистов, которые вынуждены выклянчивать доллары для учебных заведений в Иерусалиме, причем мне надлежит играть роль "знатного покровителя" и "приманки". Если бы мы в какой-то степени могли заменить друг друга, я охотно предоставил бы им поехать вместо меня. Но, с другой стороны, я делаю все, что могу, для моих сородичей, с которыми повсюду так подло обращаются".

Визиты в Америку и Англию были поставлены в вину Эйнштейну. После его возвращения в Берлин на заседаниях академии соседние с его местом кресла

некоторое время оставались незанятыми, если в зале было достаточно свободных мест. С еще большей неприязнью националисты внутри и вне прусской Академии наук отнеслись к визиту Эйнштейна во Францию. "Во всяком случае, соответствующие правительственные инстанции должны были бы обратить его внимание на то, — сетовала одна влиятельная газета, — что для германских граждан, занимающих официальные посты, время для научного сближения с французами является совершенно неподходящим".

Осенью 1922 года Эйнштейн снова предпринял большую заграничную поездку. На этот раз он отправился на Дальний Восток. Всюду его не только торжественно встречали как великого ученого, но и приветствовали как представителя Германии.

В Китае и Японии он сделал ряд научных докладов перед различными аудиториями, почти все по проблемам теории относительности. Его выступления, ввиду необходимости перевода, часто продолжались свыше четырех часов. Когда однажды он сократил доклад, не считая возможным напрягать внимание слушателей, то заметил, что это было воспринято ими как знак пренебрежения.

Глубокое впечатление на Эйнштейна произвели японский народ и красота японского пейзажа. "В Японии было чудесно, — писал он Соловину после возвращения. — Тонкие формы жизни, живой интерес ко всему, понимание искусства, интеллектуальная наивность при хорошей понятливости — чудесный народ в живописнейшей стране".

На обратном пути из Восточной Азии Альберт Эйнштейн и его жена Эльза прежде всего посетили Палестину, впервые побывав на ее земле.

В Иерусалимском университете Эйнштейн говорил о своих исследованиях по теории относительности. Он беседовал также с первыми еврейскими поселенцами. "Сородичи в Палестине, — сообщал он Соловину, — очень мне понравились — как крестьяне,

как рабочие, как граждане. Страна в целом мало плодородна. Она станет моральным центром, но не сможет вобрать значительную часть еврейского народа. Вместе с тем я, однако, убежден, что колонизация будет иметь успех”.

Так как Эйнштейн настойчиво выступал за взаимопонимание между еврейскими поселенцами и арабским населением, чтобы обеспечить мирное развитие новых отношений, он не мог солидаризироваться со многими течениями в сионистском движении. По этой причине не все группы сионистов встречали его с распростертыми объятиями. Крайние националисты относились к нему с таким же недоверием, как и приверженцы ортодоксального иудаизма, которые были обижены тем, что он не придавал никакого значения соблюдению древних религиозных обрядов и даже иногда потешался над ними.

Когда его позднее спросили, не пришлось ли ему во время его дальних странствий по разным странам пережить какие-либо приключения, Эйнштейн ответил: “Приключения я пережил лишь на моей родине, например на заседаниях прусской Академии наук”.

В то время, когда Эйнштейн находился в Японии, ему — в конце 1922 года — была присуждена Нобелевская премия по физике.

Великий теоретик был сравнительно поздно удостоен этой в то время высшей награды в научном мире. К этому времени он в кругах ученых-специалистов уже по крайней мере в течение десяти лет считался одним из самых значительных физиков современности. Открытие, послужившее основанием для присуждения премии, он сделал еще в 1905 году. Речь идет об объяснении “фотоэлектрического эффекта” гипотезой световых квантов. Но хотя ученый был, таким образом, награжден не за его — еще оспариваемые — исследования по теории относительности, а за экспериментально подтвержденное открытие, все же и тут немедленно раздалось возму-

щенные возгласы его врагов. Антисемит Ленард на правах лауреата Нобелевской премии обратился в Нобелевский комитет в Стокгольме с озлобленным заявлением протеста, в котором утверждал, что работы Эйнштейна слишком "незначительны" для присуждения такой высокой награды.

Присуждение Нобелевской премии чуть не привело к дипломатическим осложнениям. Эйнштейн в то время путешествовал с швейцарским паспортом. Он всегда сохранял свое швейцарское гражданство, приобретенное им дорогой ценой еще в 1901 году, и охотно, даже с известной гордостью, называл себя "швейцарским гражданином". Но с 1914 года он в качестве "постоянного действительного члена" прусской Академии наук, несомненно, одновременно являлся и прусским подданным, и тем самым "имперским немцем".

Вопрос о национальной и государственной принадлежности Эйнштейна должен был быть выяснен быстро и определенно, так как отсутствующего ученого на церемонии торжественного вручения премии должен был представлять дипломатический представитель соответствующего государства. Дело, таким образом, дошло до спора о государственной принадлежности между немецким и швейцарским послами в Стокгольме. Каждый из этих двух дипломатов претендовал на право получения от имени знаменитого физика этой высокой награды, которая одновременно означала и почетное отличие для представляемой им страны. Представитель Швейцарии отказался от своей претензии лишь после того, как германский посол предъявил ему телеграмму из Берлинской академии, в которой удостоверялось, что Эйнштейн является "имперским немцем".

Впрочем, на следующий же день после Нобелевской церемонии министерство иностранных дел преподнесло германскому послу неприятный сюрприз, сообщив, что лауреат все-таки имеет швейцарское подданство.

Поздней осенью 1932 года Эйнштейн покинул виллу Капут, на которой он провел три лета подряд, и вернулся на свою берлинскую городскую квартиру, чтобы в начале декабря отправиться читать лекции в Пасадену. Это стало прощанием с Германией навсегда.

С тех пор как разразился мировой экономический кризис, Эйнштейн стал с большой озабоченностью следить за развитием политических событий в Германии. Он видел, что Веймарская республика превратилась в карикатуру на демократию. После передачи власти милитаристу фон Папену, представителю немецких помещиков и заправил тяжелой промышленности, который переворотом 1932 года отстранил от власти законное прусское правительство, Эйнштейн потерял последние остатки веры в веймарскую демократию. Ввиду этого он уже летом 1932 года подумывал покинуть Европу. Предложение работы во вновь организованном Институте высших исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне к югу от Нью-Йорка пришлось поэтому весьма кстати.

Однако он не имел еще намерения навсегда поселиться в Соединенных Штатах. Он собирался лишь проводить в Принстоне зиму, а весной и летом, как и раньше, жить на своей даче у Темплинского озера и читать лекции в Берлинском университете. В Принстоне он должен был приступить к работе с 1 октября 1933 года.

Берлинская академия не возражала, и была достигнута договоренность, что Эйнштейн на время своей деятельности в Принстоне каждый раз будет получать отпуск без сохранения содержания, что соответствовало действующим инструкциям.

Пересекая океан, Эйнштейн на пароходе "Бельгенланд", принадлежавшем пароходной компании "Ред Стар Лайн", объявил о своем выходе из прусской Академии наук. "Условия, царящие сейчас в Германии, — писал он 28 марта 1933 года в четком и

ясном заявлении, — заставляют меня настоящим отказать от своей должности в прусской Академии наук. В течение 19 лет Академия давала мне возможность, не будучи связанным служебными обязанностями, всецело посвятить себя научной работе. Я сознаю, в какой высокой мере я ей за это обязан. Неохотно я покидаю ваш круг также и из-за тех поощрений и прекрасных человеческих отношений, которые я в течение этого долгого времени встречал в качестве вашего члена и которые всегда высоко ценил. Однако связанная с моей должностью зависимость от прусского правительства при создавшихся обстоятельствах для меня неприемлема”.

Еще до того, как это письмо 30 марта прибыло в Берлинскую академию, новый “рейхскомиссар” в прусском министерстве по делам науки, культуры и просвещения отдал академии распоряжение возбудить против Эйнштейна дисциплинарное дело, если он действительно — как вытекает из газетных сообщений — принял за границу участие в “антинемецкой травле”.

На пленарном заседании академии 30 марта 1933 года было зачитано заявление Эйнштейна об отставке. Академия приняла заявление к сведению и выразила мнение, что тем самым с ее стороны отпала необходимость предпринять против Эйнштейна какие-либо шаги, так что инцидент можно считать исчерпанным.

Однако фашистское министерство просвещения не могло этим удовлетвориться. Уже поздно вечером того же дня “рейхскомиссар” передал одному из ученых секретарей академии, правоведа Гейману, свое “настойчивое желание”, чтобы академия публично высказалась по делу Эйнштейна. Поскольку остальных трех ученых секретарей не было на месте, Гейман лично составил текст заявления и передал его в министерство и для опубликования в печати.

В заявлении говорилось, что академия “с возму-

щением" узнала об участии Эйнштейна в злобной антинемецкой травле в Америке и во Франции и тотчас же потребовала от него объяснений. "Агитационные выступления Эйнштейна за границей" она осуждает особенно тяжело в связи с тем, что она с давних времен ощущает свою теснейшую связь с прусским государством и всегда поддерживала и сохраняла "национальную идею" "при всей положенной ей строгой сдержанности в политических вопросах". Исходя из этих соображений, академия не видит причин сожалеть об отставке Эйнштейна.

В день антиеврейского бойкота 1 апреля 1933 года это постыдное заявление академии было напечатано в немецких газетах. В Берлине в этот день орды штурмовиков заняли главное здание университета и большинство институтов и клиник. Студенты, ассистенты и профессора еврейской национальности были изгнаны и подвергнуты оскорблениям. Головорезы из штурмовых отрядов заняли также Государственную библиотеку и отобрали у еврейских читателей абонементы. Населению препятствовали входить в магазины еврейских владельцев. А за кулисами этих позорных действий крупнейшее научное учреждение Германии избавилось от самого славного своего члена.

Текст составленного Гейманом заявления и особенно утверждение, что академия не сожалеет об отставке Эйнштейна, отнюдь не всеми членами академии было встречено с одобрением. В частности, Макс фон Лауэ немедленно решительно выступил против него. Кроме того, он выразил протест в связи с тем, что ни одному члену физико-математического отделения не была предоставлена возможность участвовать в составлении текста документа. По настоянию Лауэ, к которому присоединились два других члена академии, на 6 апреля 1933 года было назначено чрезвычайное пленарное заседание академии, которое должно было заняться этим вопросом.

Много лет спустя, в 1949 году, Эйнштейн иронически высказался по поводу своего "выдворения" нацистским режимом: "Уже после того, как я объявил о своем отказе от гражданства, я еще раз торжественно был выдворен гитлеровским правительством. Нет ли здесь некоторой аналогии с делом Муссолини, который, как известно, был повешен, хотя он и без того уже был мертв".

Вначале ученый проживал в качестве гостя бельгийской королевской четы в небольшом курортном местечке Лекок, неподалеку от Остенде. Он находился под охраной тайной полиции, так как опасались, что немецкие агенты могут организовать на него покушение.

Развитием политических событий Эйнштейн был глубоко опечален. "Я боюсь, — писал он 23 апреля 1933 года Соловину, — что эта эпидемия ненависти и насилий распространится повсеместно. Это как наводнение — подступает снизу вверх, пока те, кто наверху, изолированные, запуганные и деморализованные, тоже не погрузятся в пучину".

Молодому физику Леону Розенфельду, ученику Макса Борна, посетившему Эйнштейна в Брюсселе, чтобы обсудить с ним вопрос о мерах помощи находящимся в изгнании немецким физикам, он сказал: "Да, теперь они сжигают мои книги в Берлине... Ах, то, что такая "революция" извлекает на свет божий из человеческого нутра, малопривлекательно. Как будто помешали ложкой в горшке с затхлой водой, и вся грязь всплыла на поверхность".

Но наиболее трагично было то, что многие немецкие евреи возложили на Эйнштейна ответственность за те ужасы, которые теперь на них обрушились. Они вообразили, что его открытое выступление против гитлеровского фашизма вызвало или обострило предпринятые против них репрессии. Еврейские организации в Германии публично заявили о том, что они не имеют ничего общего с Эйнштейном. Они

даже призывали отречься от него. "Таким образом, мы получаем больше писем с выражением ненависти от евреев, чем от нацистов", — писала его жена Эльза в начале апреля 1933 года своей подруге в Париж; с горечью она добавляет: "Разве не трагично, что те же люди, для которых он был кумиром, теперь забрасывают его грязью? Они сняли все его портреты и даже сжигали их".

Эйнштейн неустанно старался как-то ослабить бедствия изгнанных фашистами еврейских ученых. "Если Вам придется увидеть бежавших из Германии еврейских академиков, — писал он Соловину, — побудите их связаться со мной. Я вместе с несколькими друзьями хочу попытаться создать за границей (в Англии?) еврейский университет, где могли бы читать лекции доценты и профессора из евреев, чтобы хоть как-то удовлетворить самые насущные нужды и создать для них нечто вроде духовного убежища".

Что касается самого Эйнштейна, то у него не было недостатка в предложениях новой работы. Университеты в Париже, Мадриде и Иерусалиме предложили ему кафедры. "Теперь у меня больше профессорских кафедр, чем разумных мыслей в голове", — писал он, сопроводив эти слова грубоватой поговоркой.

Летом 1933 года Эйнштейн выступил с лекциями в Англии: в Глазго и Оксфорде. Затем он поехал в Америку, чтобы с октября приступить там к заранее обусловленной научной работе.

В гитлеровской Германии имя Эйнштейна было под запретом. Теорию относительности порочили как "большевистскую физику". Лишь немногие ученые осмеливались в своих лекциях и докладах говорить об Эйнштейне и теории относительности. Те, кто это все же делал, как Макс фон Лауэ или Вернер Гейзенберг, получали служебные порицания.

В письме своему голландскому другу Паулю Эренфесту Эйнштейн с горечью говорил о потрясающем отсутствии мужества, которое обнаружили "образо-

ванные” немцы. В своем ответе венскому физику Гансу Тиррингу, противнику милитаризма и поборнику научных идей Эйнштейна, он заметил, что представители научного мира не выполнили своего долга, состоящего в том, чтобы со всей страстностью защищать духовные ценности. Еще в 1940 году Эйнштейн сказал одному гостю из Цюриха: ”Я всегда надеялся, что немецкие университеты будут вести борьбу за свободу. В этом я разочаровался”.

Разочарование Эйнштейна по поводу капитуляции немецкой интеллигенции перед фашистской диктатурой Гитлера с годами все более возрастало. Под впечатлением страшных преступлений, совершенных немцами во время второй мировой войны по отношению к миллионам беззащитных евреев, в душе Эйнштейна возникло непримиримо отрицательное отношение ко всей немецкой нации.

В 1933 году Эйнштейн говорил еще о кучке ”больных демагогов”, обманывающих и использующих для своих целей политически неразвитый народ. После 1945 года он — за редкими исключениями — уже не делал более различия между сбитым с толку немецким народом и его политическими растлителями. Об этом свидетельствуют потрясающие документы.

Так, в конце декабря 1945 года Эйнштейн писал физику-атомнику Джемсу Франку, что ”немцы” по хорошо продуманному плану истребили миллионы гражданских лиц; немногие порядочные люди, оказавшиеся среди немцев, ничего не меняют в общей картине.

Мюнхенскому физику Арнольду Зоммерфельду, просившему его снова стать членом Баварской Академии наук, он ответил: ”Немцы убивали моих еврейских братьев; я не хочу более иметь с ними ничего общего, даже если речь идет о сравнительно безобидной академии”.

Незадолго до этого Эйнштейн уже отклонил просьбу Германской академии наук в Берлине. В ответ на

телеграфное заявление ее президента, что академия, "чувствуя глубокое отвращение ко всей прошлой несправедливости по отношению к нему", просит его о восстановлении его членства в академии, Эйнштейн написал: "После всего страшного, что было, я не вижу возможности принять предложение Германской академии".

То же самое относится и к "Обществу имени Макса Планка", как после его реорганизации в 1948 году было названо бывшее "Общество кайзера Вильгельма", к которому Эйнштейн принадлежал в качестве директора института.

Отто Ган, который в качестве президента этого общества просил Эйнштейна стать его иностранным членом, получил в конце декабря 1949 года твердый отказ. Ему больно, писал Эйнштейн, от того, что он вынужден ответить "нет" Гану, одному из немногих людей, сохранивших порядочность и в те страшные годы делавших все, что было в их силах. Однако он не может поступить иначе. "Преступления немцев — поистине самое отвратительное, что только можно обнаружить в истории так называемых цивилизованных наций. Поведение немецкой интеллигенции — в целом как группы — было ничем не лучше, чем поведение черни". При таких обстоятельствах он испытывает непреодолимое отвращение против участия в чем-либо, что какой-либо стороной связано с официальной жизнью Германии.

Из отвращения к немецкому антисемитизму и его ужасным последствиям Эйнштейн не хотел также, чтобы в Германии публиковалась еще какая-нибудь из его работ. "Я не желаю, чтобы труды, автором которых я являюсь, выходили в Германии, — из чувства еврейской солидарности", — говорится в его письме Макс фон Лауэ от апреля 1950 года.

Взаимопонимание между народами, мирное сосуществование государств с различным социальным строем, запрещение ядерного оружия, борьба против

пропаганды войны — вот вопросы, которые в последние годы жизни Эйнштейна стояли в центре его внимания, его раздумий и общественно-политической деятельности.

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА
СВОЮ СВОБОДУ

57. **Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ**
58. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1**
59. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2**
60. **Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ**
61. **Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ**
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ**
63. **Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
64. **Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ**
65. **Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА**
66. **ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:**
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ**
68. **АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник**
69. **СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР**
70. **Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ**
71. **Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ**
72. **Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!**
73. **М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ**
74. **М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ**
75. **Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО**
76. **Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ**
77. **А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА**
78. **Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ**
79. **Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА**
80. **ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**
81. **ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:**
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе

82. **ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ**
83. **Х. Бартов. ВЫДУМЩИК**
84. **Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ**
85. **Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"**
86. **Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ**
87. **М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА**
88. **А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ**
89. **Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов**
90. **Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ**
91. **Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ**
92. **М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ**
93. **Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ**
94. **Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**
95. **Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ**
96. **Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
97. **МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания**
98. **Хаим Градз. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)**
99. **Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА**
100. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1**
101. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2**
102. **Муна М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ**
103. **Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА**
104. **Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА**
105. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1**
106. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2**
107. **ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей**
108. **Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС**
109. **Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ
ГОВОРИТЬ**
110. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1**

- 111. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2**
- 112. **Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1**
- 112. **Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2**
- 113. **В ОТКАЗЕ. Сборник**
- 114. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1**
- 115. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2**
- 116. **Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА**
- 117. **В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей**
- 118. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания**
- 119. **Оскар Минц. ПРИЗМЫ**
- 120. **Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА**
- 121. **Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ**
- 122. **Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера**
- 123. **Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ**
- 124. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1**
- 125. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2**
- 126. **Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1**
- 127. **Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2**
- 128. **Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ**
- 129. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1**
- 130. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2**
- 131. **Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ**
- 132. **Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ**
- 133. **Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ**
- 134. **Андрэ Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ**
- 135. **Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...**
- 136. **Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ**

137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М.Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскес. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Ротенберг. ПО СЛЕДАМ
ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 1
156. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 2
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ
159. И. Башевис-Зингер. СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПЯТЕРО
161. Малькольм Хэй. КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. А. Эйнштейн. О СИОНИЗМЕ
163. И. Константиновский. СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС — II. Сборник произведений израильских
литераторов, пишущих по-русски

165. **Р.Зернова. ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ.**
Сб. рассказов
166. **П.Пели. ТОРА СЕГОДНЯ**
167. **Р.Маркус, Г.Козн, А.Галкин. ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
168. **С.Кац. ЕВРЕЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ**
169. **Э.Луз. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ**
170. **Яков Кац. КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
2. **Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ**
3. **Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ**
4. **Амос Оз. СУМХИ**
5. **Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ**
6. **Й.Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ**
7. **Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И
ПНИНОЙ**
8. **Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ**
9. **Сами Михазль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ**
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...**
11. **Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА**
12. **Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ**
13. **Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ**
14. **И.Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов
и сказок для детей**
15. **Эстер Файн. ХАДАС**
16. **Н.Гутман и Э.Бен-Эзер. МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ
СИНЬЮ**
17. **СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской
литературы. Книга I**

18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. Оded Бецер. ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. Давид Шахар. ТАЙНА РИКИ
21. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том I
22. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том II
23. Мартин Гилберт. АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
24. Гила Альмагор. ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИА

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
Р.О.В. 4140
91041 Jerusalem
Israel**

Настоящая книга представляет собой сборник речей, писем и статей великого ученого-физика Альберта Эйнштейна. В сборник вошли тексты, касающиеся взглядов Эйнштейна на сионизм, антисемитизм, государство Израиль, положение евреев в мире. Сюда же включена статья сэра Исаяи Берлина "Эйнштейн и Израиль".